

**В раю
мы будем
в мяч играть**

*Литературная
антология тенниса*

**В раю мы будем
в мяч играть**

**We Would Play Ball
In Paradise**

We Would Play Ball In Paradise

*A Literary Anthology
of Tennis*

Edition
and foreword
by Vyacheslav
Shestakov

Progress-Tradition

В раю мы будем в мяч играть

*Литературная
антология тенниса*

Составление
и предисловие
Вячеслава
Шестакова

Прогресс-Традиция

УДК 82/89

ББК 84(0)

Г 11

Художник *В.В. Арсентьев*

Редактор *Л.Н. Павлова*

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Фонда развития спорта и культуры «Новое поколение» (г. Тюмень)

Г 11 В раю мы будем в мяч играть: Литературная антология
тенниса/Пер. с англ., составл., предисл. В. Шестакова. –
М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 192 с.

ISBN 5-89826-129-X

Эта книга – первая в России попытка представить образ
и значение тенниса в европейской литературе.

В антологию вошли произведения У. Шекспира, Д. Бетчемена, С. Моэма,
О. Манделштама, В. Набокова, Т. Манна, И. Шоу, А. Милна и др.

Литературные тексты сопровождаются иллюстрациями
произведений живописи и графики.

ББК 84(0)

*В оформлении обложки использована картина голландского
художника Ганса Бола «Парковый ландшафт и замок». 1589*

ISBN 5-89826-129-X

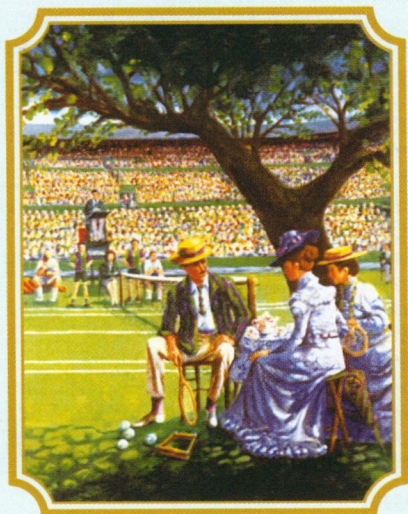
© В. Шестаков, составление, предисловие и перевод, 2002

© В. Арсентьев, художественное оформление, 2002

© Прогресс-Традиция, 2002

*Моей жене Елене
посвящаю эту книгу...*

В. Шестаков

CONTENS

<i>Introduction</i>	8
---------------------------	---

POETRY

<i>William Shakespeare. Henry V</i>	16
<i>Henry VIII</i>	20
<i>Pericles</i>	20
<i>Henry Peachem. Minerva Britanna</i>	22
<i>Fransis Quarles. Devine Fancies</i>	24
<i>George Wither. Watching Tennis</i>	26
<i>Jacob Cats. Love, Like the Ball, Demands to be Returned</i>	28
<i>Theophile de Viau. Parnasse Satyrique</i>	31
<i>Robert Howlett. Tennis</i>	32
<i>J.K. Stephen. Tennis</i>	34
<i>Osip Mandelstam. Tennis</i>	36
<i>Sport</i>	38
<i>John Betjeman. Miss J. Hunter Dunn, Miss J. Hunter Dunn</i>	40
<i>The Olympic Girl</i>	44
<i>Vladimir Nabokov. University Poem (excerpt)</i>	46
<i>Lawn-Tennis</i>	50
<i>Felicia Lamport. Preparadness</i>	52
<i>Clobber the Lobber</i>	54
<i>Frank Higgins. Tennis in the City</i>	56
<i>Garry Fincke. Doc Stavic Coaches</i>	58
<i>Maxine Kumin. Prothalamion</i>	60
<i>Paul Petrie. The Old Pro's Lament</i>	62
<i>E.B. White. The Tennis</i>	66

PROSE

<i>Thomas Mann. Confession of Felix Krull (excerpt)</i>	70
<i>Somerset Maugham. The Facts of Life</i>	74
<i>Vladimir Nabokov. Lolita (excerpt)</i>	94
<i>William T. Tilden. The Phantom Drive</i>	100
<i>Roger Angell. Tennis</i>	114
<i>Irwin Shaw. Mixed Doubles</i>	122
<i>Paul Theroux. The Tennis Court</i>	132
<i>Robert T. Sorrells. The Blacktop Champion of Ickey Honey</i>	140
<i>Shamil Tarpishzev. The Longest Match</i>	152
<i>Vyacheslav Shestakov. The Life and Works of Mayor Walter Wingfield</i>	158

HUMOR AND CARICATURE

<i>Ring Lardner. Tennis by Cable</i>	180
<i>Alen Milne. Pat-Ball</i>	182
<i>Marina Filatova. Family Tennis Lessons</i>	186
<i>About the Authors</i>	190

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	9
--------------------------	---

ПОЭЗИЯ

<i>Уильям Шекспир. Генрих V</i>	17
<i>Генрих VIII</i>	21
<i>Перикл</i>	21
<i>Генри Пичем. Британская Минерва</i>	23
<i>Фрэнсис Куорлз. Божественные фантазии</i>	25
<i>Джордж Уидер. Наблюдая игру в теннис</i>	27
<i>Якоб Катс. Любовь, как и мяч, надо тоже возвращать</i>	29
<i>Теофил Вьё. Сатирический Парнасс</i>	31
<i>Роберт Хаулетт. Теннис</i>	33
<i>Д.К. Стивен. Теннис</i>	35
<i>Осип Мандельштам. Теннис</i>	37
<i>Спорт</i>	39
<i>Джон Бегчемен. Мисс Хантер-Данн, мисс Хантер-Данн</i>	41
<i>Олимпийская девушка</i>	45
<i>Владимир Набоков. Университетская поэма (отрывок)</i>	47
<i>Лаун-теннис</i>	51
<i>Фелиция Лампорт. Приготовление к матчу</i>	53
<i>Гасить свечу</i>	55
<i>Фрэнк Хиггинс. Теннис в городе</i>	57
<i>Гарри Финк. Наставления дока Ставика</i>	59
<i>Максин Кумин. Эпиталама</i>	61
<i>Пол Петри. Жалобы старого профессионала</i>	63
<i>Э.Б. Уайт. Теннис</i>	67

ПРОЗА

<i>Томас Манн. Признания авантюриста Феликса Круля (отрывок)</i> ...	70
<i>Сомерсет Моэм. Факты жизни</i>	74
<i>Владимир Набоков. Лолита (отрывок)</i>	94
<i>Уильям Тилден. Убийственный драйв призрака</i>	100
<i>Роджер Эйнджелл. Теннис</i>	114
<i>Ирвин Шоу. Смешанная пара</i>	122
<i>Пол Торо. Теннисный корт</i>	132
<i>Роберт Соррелз. Матч на асфальтовом корте</i>	140
<i>Шамиль Тартищев. Самый долгий матч</i>	152
<i>Вячеслав Шестаков. Жизнь и деяния майора Уолтера Уингфилда</i> ...	158

ЮМОР И КАРИКАТУРА

<i>Ринг Ларднер. Теннис по телеграфу</i>	180
<i>Ален Милн. Удачный мяч</i>	182
<i>Марина Филатова. Уроки семейного тенниса</i>	186
<i>Коротко об авторах</i>	190

INTRODUCTION

One of the reasons to publish this book was a small article in the Russian newspaper «Moskovsky komsomoletz» of February 8th, 2000, about Davis cup tournament in Moscow. A reporter has asked the poet Alexander Wulykh to present some extempore on tennis. «Magician of the words», as he was called, did not refuse and presented to the public his metaphor of tennis. There it is:

Not yield in the class
To Agassi and Sampras.
Let our Russian tennis
Rise up like a penis.

I am not a purist and perfectly understand that such poetry is a joke. But I think tennis needs some other and better interpretations, than this one. European literature gives us a great variety of the images of tennis. There is a great poetic tradition from the time of Shakespeare until now dealing with such subject as tennis. Shakespeare mentioned tennis in his plays many times, sometimes very seriously, sometimes with a joke. He ironically wrote about tennis as a French fashion, which costs much money and time. But very often tennis in Shakespearean plays is a symbol of tragedy. For instance, Shakespeare compared a man, who fall down in the stormy ocean, with a ball on the tennis court. His metaphor of a war battle with tennis match in «Henry V» is well known.

Shakespeare was not the only poet, who had a great interest in tennis. In the Baroque poetry tennis was often interpreted in theological, philosophical, or erotic meanings. It was a metaphor of many important values, such as changeable char-

ПРЕДИСЛОВИЕ

Поводом для издания этой книги послужила небольшая заметка, появившаяся 8 февраля 2000 года в газете «Московский комсомолец» о кубке Дэвиса в Москве. Корреспондент газеты обратился с просьбой к поэту Александру Вулых сочинить экспромт на тему о теннисе. «Волшебник слова», как называет его корреспондент, не стал отказываться и поделился «творческим плодом, созревшим у него в голове». Вот этот плод:

Не уступим в классе
Сампрасу с Агасси!
Пусть стоит как пенис
Наш Российский теннис.

Конечно, этот экспромт – шутка, не более того. Но если заходит речь об образе тенниса в поэзии, хотелось бы напомнить о той поэтической традиции в интерпретации тенниса, которая существует в мировой литературе со времен Уильяма Шекспира вплоть до нашего времени. В прошлом поэты находили более высокие мысли и более совершенные рифмы, когда писали о теннисе. Шекспир, например, неоднократно в своих пьесах обращался к теннису, иногда шутливо, говоря о теннисе как об изысканной французской моде, иногда же вполне серьезно и драматично. Так, человека, оказавшегося за бортом в бушующем океане, он сравнивал с теннисным мячом, который разыгрывается в матче. Широко известно приводимое в «Генрихе V» сравнение теннисного матча с военной битвой, где вместо теннисных мячей летают пушечные ядра.

В барочной поэзии XVII–XVIII веков теннис часто был метафорой для значительных ценностей, он символизировал преходящий характер человеческой жизни, борьбу человека с судьбой, наконец, превратности любви и т. д.

acter of love, unpredictability of human fate, etc.

It is an interesting question: why so many distinguished poets – English, French, American, Russian – have used tennis as a popular image? Tennis is a very emotional game, it includes a great number of emotions, positive and negative as well, such as joy, fear, ecstasy, despair, uncertainty or self-admiration. That, probably, is a reason why tennis has become a subject for poetical imagination.

At the same time tennis was of great interest to many writers, including Leo Tolstoy, Thomas Mann, Somerset Maugham, Irwin Shaw, Alen Miln, Vladimir Nabokov, or for some great tennis players, as William Tilden, who changed his tennis racket for a pen. In their writings, tennis is a metaphor for the whole life, which shows its complexities. In a short story «Tennis» by Roger Angell difficult relations between a son and a father are shown, in Irwin Shaw's «Mixed Doubles» – an unhappy marriage ending on the tennis court. Paul Trevous used tennis for a criticism of racism and xenophobia on the court. An American writer Robert Sorrells and a Russian pro Shamil Tarpishzev show that tennis needs the tension of all physical and spiritual abilities. Tennis court, as it is depicted in modern literature, is a microcosm of social and private life.

Another important aspect of literature on tennis is humor. Humor and satire are presented in such masterpieces as Ring Lardner's «Tennis by cable» or Alen Miln's «Pat-Ball». Caricature on tennis is a popular genre of mass media – newspapers, magazines, cartoons.

Tennis always deals with varieties of human feelings – love, passions, and laugh. Some examples of world literature, represented in this book, are vital proofs of that psychological and emotional role of the tennis in human life.

While doing this selection of the best writings about tennis, I have had to translate some texts from English into Russian, and from Russian into English. All of the translations, apart

Не только западные, но и отечественные поэты писали о теннисе. Высокие образцы поэзии создавали выдающиеся русские поэты Осип Мандельштам и Владимир Набоков. Пожалуй, никакой другой вид спорта не получал в поэзии такой богатой и разнообразной интерпретации, как теннис. Быть может, это объясняется тем, что теннис вобрал в себя особенности многих других видов спорта. Как в боксе, в нем соперники обмениваются ударами, как в баскетболе, в нем присутствует подвижность и быстрая смена ситуаций, как в футболе, в теннисе существует определенная стратегия. В этом виде спорта сочетаются элегантность и брутальность, физическая сила и интеллектуализм. Не случайно теннис часто называют «шахматами в движении». Наконец, теннис – это чрезвычайно эмоциональная игра, в ней присутствует широкая палитра как положительных, так и подчас отрицательных эмоций – радости, восторга, отчаяния, страха, неуверенности в себе или самовлюбленности. Все это с давних пор сделало теннис предметом вдохновенных поэтических размышлений.

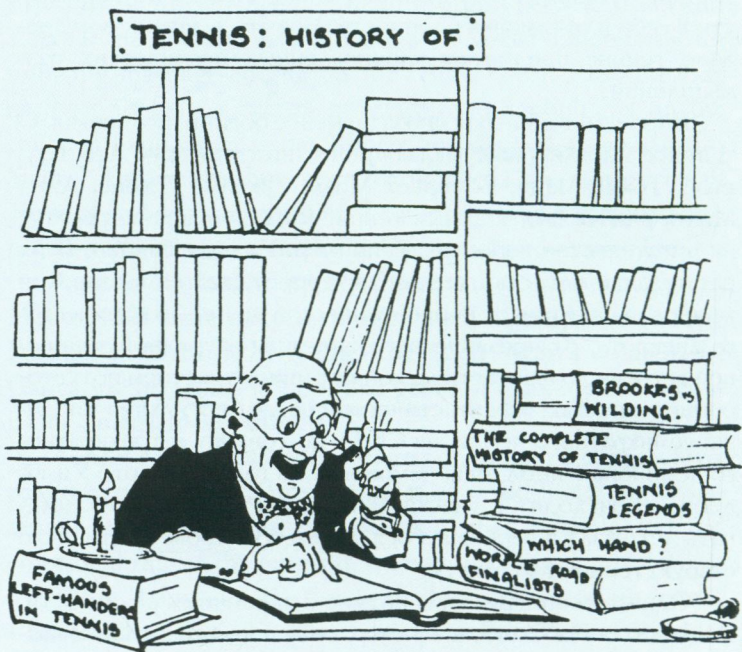
Впрочем, теннисная проза не менее богата, чем поэзия. О теннисе писали такие выдающиеся писатели, как Лев Толстой, Томас Манн, Сомерсет Моэм, Джеймс Джонс, Ален Милн, или же выдающиеся теннисисты, сменившие ракетку на писательское перо, как, например, Уильям Тилден. В их рассказах и повестях теннис интерпретируется в широкой жанровой палитре, от психологической драмы до комического анекдота, от прозаического описания заурядной теннисной встречи до фантастической истории с участием потусторонних сил. Так, в фантастическом рассказе Уильяма Тилдена, семикратного чемпиона США по теннису и трехкратного чемпиона Уимблдона, чемпионат на главном корте Уимблдона происходит с участием теннисиста, умершего двадцать лет назад и вернувшегося на землю, чтобы найти свою старую теннисную ракетку.

Однако теннис имеет и прямое отношение к реальности. В «Лолите» Набокова, например, описание тенниса оказывается сочетанием эротических и спортивных эмоций, в рас-

from those indicated in the text, belong to me.

In conclusion, I would like to thank Russian Federation of Tennis, personally its President, Mr. Shamil Tarpischev, and the President of the Foundation of Culture and Sport «Our Generation», Mr. Juri Laptev, for their support in the publication of this book.

Vyacheslav Shestakov

сказе «Смешанная пара» Ирвина Шоу, напротив, во время матча на корте происходит любовная драма, жена обнаруживает, что вышла замуж не за того человека. В рассказе Роджера Эйнджелла описываются сложные отношения между отцом и сыном, которые отражаются в их драматических поединках на теннисном корте. Расизм и ксенофобия – предмет описания Пола Трево в рассказе «Теннисный корт». О том, что профессиональный теннис требует полного напряжения всех духовных и физических способностей, пишут в своих рассказах американский писатель Роберт Соррелз и известный русский теннисист и тренер Шамиль Тарпищев.

Похоже, что теннис, как он изображается в современной литературе, становится микрокосмом многих социальных и человеческих проблем.

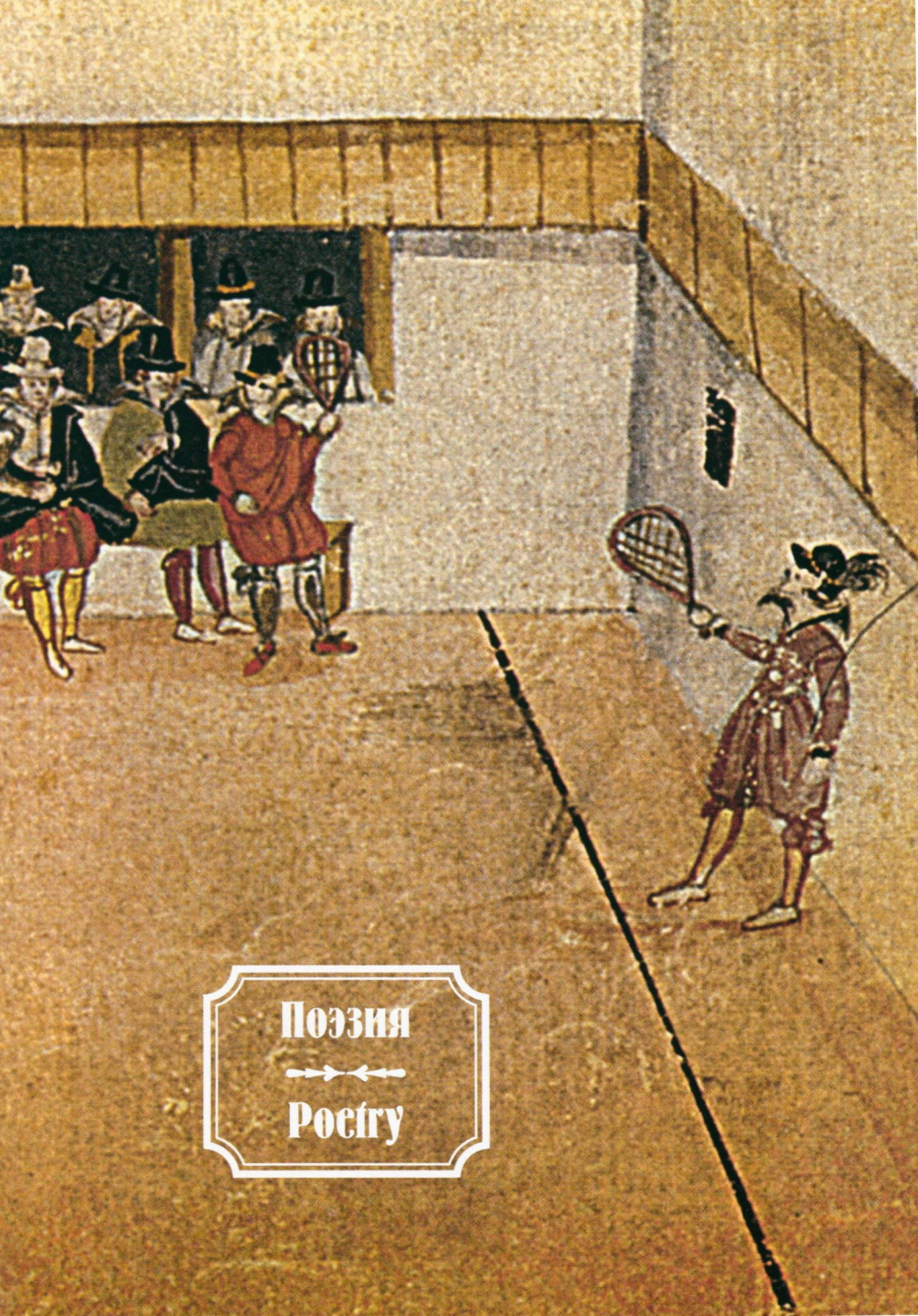
Специальная тема литературы о теннисе – юмор и сатира. Очень часто теннис оказывается предметом сатирических или комических описаний, как, например, в шуточном рассказе Алена Милна «Удачный мяч» или в юмореске «Теннис по телеграфу» Ринга Ларднера. Теннисная карикатура – чрезвычайно популярный жанр, имеющий сегодня уже довольно длительную историю как у нас в стране, так и за рубежом. Теннис всегда вызывал и вызывает у людей самые разнообразные чувства – и любовь, и страсть, и смех. Об этом свидетельствует мировая литература о теннисе, образцы которой представлены в этом небольшом сборнике.

При подготовке этой книги мне пришлось, помимо составления и предисловия, взять на себя труд перевести английские тексты (кроме специально оговоренных) на русский язык и русские (Мандельштам и Набоков) – на английский.

В заключение хотелось бы выразить глубокую признательность всем тем, кто способствовал подготовке и изданию этой книги, и прежде всего президенту Российской Федерации тенниса Шамилю Тарпищеву, а также председателю Фонда развития культуры и спорта «Новое поколение» Юрию Лаптеву.

Вячеслав Шестаков

Поэзия
— — —
Росію

RENAISSANCE POETRY

William Shakespeare

Henry V

First Ambassador

Your Highness, lately sending into France,
Did claim some certain dukedoms, in the right
Of your great predecessor, King Edward the Third.
In answer of which claim, the Prince our master
Says that you savour too much of your youth,
And bids you be advised there's naught in France
That can be with a nimble galliard won;
You cannot revel into dukedoms there.
He therefore sends you, meeter for your spirit,
This tun of treasure, and in lieu of this
Desires you let the dukedoms that you claim
Here no more of you. This the Dauphin speaks.
(A casket is presented; Exeter examines its contents.)

King

What treasure, uncle?

Exeter

Tennis balls, my liege.

King

We are glad the Dauphin is so pleasant with us.
His present and your pains we thank you for.

Ил. к книге
Михаэля Викхерлина
«Книга вооружений».
1603

ПОЭЗИЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Уильям Шекспир Генрих V

Первый посол

Вы, государь, через послов недавно
Потребовали некоторых герцогств
Во имя прав великого Эдварда.
В ответ на это принц, наш повелитель,
Вам говорит, что юность бродит в вас;
Он просит вас сказать, что не добьетесь
Вы ничего у нас веселой пляской,
И герцогства вам не добыть разгулом;
Поэтому он посылает вам
Сокровищ бочку, зная ваши вкусы
И требуя взамен, чтоб вы отныне
Про герцогства не заводили речь.

*Король Генрих
(Эксетеру)*

Какой там дар?
Эксетер (открыв бочонок)
Для тенниса мячи.

Король Генрих

Мы рады, что дофин так мило шутит.
Ему – за дар, вам – за труды спасибо.

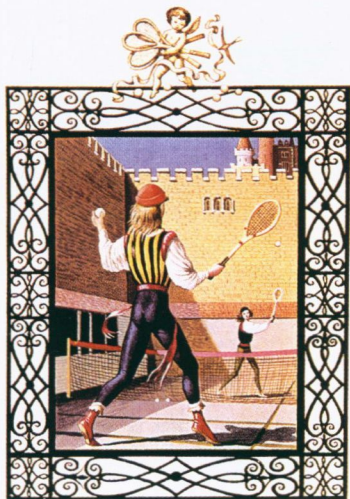
*Ил. к книге
Михаэля Викхермина
«Книга вооружений».
1603*

When we have matched our rackets to these balls,
We will in France, by God's grace, play a set
Shall strike his father's crown into the hazard.
Tell him he hath made a match with such a wrangler
That all the courts of France will be disturbed
With chases. And we understand him well,
How he comes o'er us with our wilder days,
Not measuring what use we made of them.
We never valued this poor seat of England,
And therefore, living hence, did give ourself
To barbarous license – as 'tis ever common
That men are merriest when there are from home.
But tell the Dauphin I will keep my state,
Be like a king, and show my sail of greatness
When I do rouse me in my throne of France.
For that I have laid by my majesty
And plodded like a man for working days,
But I will rise there with so full of glory
That I will dazzle all the eyes of France,
Yea, strike the Dauphine blind to look of us.
And tell the pleasant Prince this mock of his
Has turned his balls to gunstones, and his soul
Shall stand sore charged for the wasteful vengeance
That shall fly with them...

[I, 2]

Когда ракетки подберем к мячам,
Во Франции мы партию сыграем,
И будет ставкою отцов корона.
Скажите, что затеял он игру
С противником, который устрасит
Все Франции двory игрой. Мы видим:
На буйства дней былых он намекает,
Не зная, что из них мы извлекли.
Мы не ценили бедный трон английский:
Живя на стороне, мы предавались
Разгулу буйному. Ведь так ведется:
Вдали от дома людям веселей.
Скажите же ему: по-королевски
Я подниму величья паруса,
Когда взойду на мой французский трон;
Для этой цели, отстранив величье,
Трудился и корпел я, как поденщик;
Но я восстану и сиянем славы
Во Франции все взоры ослеплю;
Ослепнет наш дофин, смотря на нас.
Скажите принцу, что мячи насмешкой
Он в ядра пушечные превратил
И тяжким будет для него отмщенье,
Что принесут они...

[1, 2. Пер. Е. Бируковой]

Теннисный корт.
Гравюра XVI века

Henry VIII

They must either –
For so run the conditions – leave those remnants
Of fool and feather that they got in France,
With all their honorable points of ignorance
Pertaining thereunto, as fights and fireworks,
Abusing better man than they can be
Out of foreign wisdom, renouncing clean
The faith they have in tennis and tall stockings...

[1, 3]

*Крытый корт
в Тюбингене.
Ил. к книге
«Коллегиум
Иллюстре».
XVII век*

Pericles

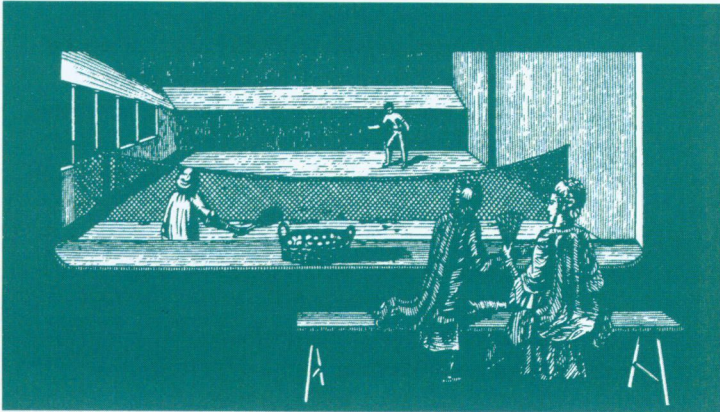
A man whom both the waters and the wind
In that vast tennis court, hath made the ball
For them to play upon...

[5, 100–103]

Генрих VIII

Предложено им – так гласит приказ –
Отбросить прочь все перья, и причуды,
И прочую такую чепуху,
Французские дуэли и петарды,
Издевки над людьми умнее их
Лишь на основе мудрости заморской
Страсть к теннису и длинные чулки...

[I, 3. Пер. Б. Томашевского]

Перикл

Бушующее море что огромный корт,
Где слабый человек – лишь мяч,
Которым волны и вода
Играют страшный матч...

[5, 100–103]

BAROQUE POETRY

Henry Peacham

Minerva Britanna

The tennis-ball, when stricken to the ground,
With Racket, or with gentle Schoole-boies hand,
With greater force, doth back againe rebound,
His fate, (though senceless) seeming to withstand:
Yea, at the instant of his forced fall,
With might redoubled, mountes the highest of all.

So when the God aboue, haue struck us low,
(For men as balls, within their handes are said,)
We chiefly then, should manly courage show,
And not for ever trifle be afraid:
For when of Fortune, most we stand in feare,
Then Tyrant-like, she most will domineere.

ПОЭЗИЯ БАРОККО

Генри Пичем

Британская Минерва

Мяч теннисный, когда о землю ударяют
Тебя ракеткой или просто так, рукой,
И вновь с огромной силой возвращают,
Ты выглядишь, хоть неразумен, как живой.
Чем больше сила твоего паденья,
Тем больше сила в небо возвращенья.

Когда же Бог, сидящий в небесах,
бросает нас на землю, в прах,
То слабый человек как мяч в его руках.
Он должен мужество показывать всечасно
И не страшиться каждой ерунды напрасно.
Фортуны мы всегда должны бояться,
Но, с тиранией встретившись,
должны сражаться.

*Ил. к книге Гуллейма де ла Перрье
«Театр полезных умений».
1539*

Fransis Quarles

Devine Fancies

Man is a *Tenniscourt*: his flesh, the wall;
The Gamester's God, and Satan: Th' heart's the ball:
The higher and lower *Hazzards* are
Too bold *Presumption*, and too base *Despaire*.
The Rackets, which our restless Balls make fly,
Adversity and sweet *Prosperity*.
The Angels keep the Court mark the place,
Where the ball falls, and chaulks out ev'ry chase:
The *line*'s civil life, we often cross,
Ore which, the bell not flying makes a Losse:
Detractors are like standers-by, that bett
With charitable men: Our life's the Sett:
Lord, in this conflict, in these fierce Assaults,
Laborious Sathan makes a world of faults;
Forgive them Lord, although he nere implore
For favour: They'l be set upon our score:
O, take the Ball, before it come to th' ground,
For this base Court has many false Rebound;
Strike, and strike hard, but strike above the Line
Strike as thou please, so as the Sett be thine.

Фрэнсис Куорлз

Божественные фантазии

Человек – это *теннисный корт*.
Стены корта – его *плоть*, мяч – *душа*.
Игроки – *Господь Бог* и *Сатана*.
Их ракетки – *беды* людей и их *мечта*.
Ангел – *смотритель корта*, а иногда – *судья*.
Сетка – *линия жизни*,
 не перебеешь – *пропадешь*.
Клевета, как *жадный зритель*, пари заключает
На того, кто *лучше* на корте играет.
Господь *подает мяч*,
 Сатана *очко за очком* теряет.
Человек на корте *веру в судьбу* обретает.
Прости ему, *Боже*, *плохую игру*,
 ведь *опыта у него нет*,
Вся жизнь для него – *нескончаемый*
 теннисный *сет*.
Не *теряй мяч*, *бей всегда* на отбой,
И тогда, *может быть*, *сет будет твой*.

Ил. к книге Гуллейма де ла Перрье
«Театр полезных умений».
1539

George Wither

Watching Tennis

When we observe the Ball, how to and fro
The Gamesters force it; we may ponder thus:
That whil'st we live we shall playd we so,
And that the *World* will make her Game of us.
Adversities, one while our hearts constraine
To stoope, and knock the Pavements of *Despaire*,
Hope, like a Whirle-wind mounts us up again,
Till oft it lose us in the empty ayre.

Sometimes, above the Battlements we looke;
Sometimes, we quite below Line are tost:
Another-while, against the Hazard stroke,
We, but a little want, of being lost.

Distraction, Envie, Mischief, and Despight,
One Partie make, and watchfully attend
To catch us when we rise to any Height;
Lest we above their hatred should ascend.

Good Fortune, Praises, Hope, and Industries
Doe side-together, and make Play to please us;
But, when by them we think more high to rise,
More great they make our Fall; and more disease us.
When Balls against the Stones are hardest throwne,
Then highest up into the Aire they fly;
So, when men hurle us (with most fury) down,
Wee hopefull are to be advanc'd thereby:
And, when they smite us quite into the Ground,
Then, up to Heav'n, we trust, we shall rebound.

Джордж Уигер

Наблюдая игру в ТЕННИС

Наблюдая за тем, как теннисный мяч
Взад и вперед по корту летает, мы размышляем:
Пока мы живем, должны игру продолжать,
А иначе мир будет играть, как мячом, нами.

Отчаянье к земле нас с силой клонит,
Но *Надежда*, как ураган весной,
С колен поднимает и ввысь гонит,
Чтоб, как птица, лететь над грешной землей.

Попадая в сетку мячом раз за разом,
Мы очко за очком теряем в счете.
И если не проявим волю и разум,
Мы покинем наш корт без любви и почета.

Клевета, Зависть, Лукавство и Власть
Сядутся на стол наш, чтоб нашей едой наслаждаться.
Стремятся врасплох нас застать
И тянут вниз, когда вверх мы хотим подняться.

На нашей площадке *Надежда, Слава, Успех*
Одолеть помогают все беды.
Они – партнеры в нашей игре,
С их помощью мы добьемся победы.

Чем сильнее о землю мяч бьют,
Тем дальше он ввысь улетает.
Когда хотят человека пригнуть,
Он еще с большей силой о звездах мечтает.

Неизв. фламандский
художник.
Давид и Вирсавия.
1559

Jacob Cats

Love, Like the Ball, Demands to be Returned

Maiden fair! If you would learn
Well to play this pleasant game;
You must strike in quick return,
So that I may do the same.
Should you fail so strike at all,
And that I may play alone,
Then the shuttle's sure to fall,
And the game at once is done.
Mark, sweet maiden, when I strike,
And attend to what I say:
Tennis and Love's game alike
Need a quick return of play:
Who that pleasure most would know,
And in equal share partake,
In both games alike must shew
Equal zest to give and take.
Love to Love is demonstrative
Love, gives life and strength to Love,
And in being thus creative,
Love doth most its power prove.
Love, of Love's at once the Price,
And Reward that Love loves best;
Nothing can to Love suffice,
But the Love that gives it rest.
If from me to Love you'd learn,
Love; and be my Sweetheart true;
But if you give no return,
Then I'll say – good-bye to you.

Якоб Катс

Любовь, как и мяч, надо тоже возвращать

О дева юная, коль хочешь ты
Познать секреты теннисной игры.
Учись искусству отбивать
Без этого нельзя играть.
Коль мяч не сможешь ты отбить,
Игру мне нужно прекратить.
Должна ударить ты сперва,
Чтоб началась у нас игра.
Следи, как нападаю я,
И слушай, что скажу: не зря
Любовь и теннис сродни наружно,
В них отвечать немедля нужно.
Кто тайну игр постичь сумеет
Ей навсегда он овладеет.
В обеих играх надо знать,
Как защищаться, нападать.
Любовь и теннис – две игры,
Где правила во всем равны.
Любовь самой любви награда.
Ей больше ничего не надо.
Чем больше любишь, больше получаешь
И от любви любовь в награду обретаешь.
Ничто любовь вконец не насыщает,
И тот, кто любит, вечно голодает.
Учись играть, в любовь играя,
И будешь ты мне дорогая.
Но если на любовь не получу ответ,
Скажу тебе: прощай навек.

*Немецкая почтовая
открытка.
1906*

Theophile De Viau

Parnasse Satyrique

If you kiss her, count fifteen,
If you touch the buds, thirty,
If you capture the hill, forty-five comes up.
But if you enter the breach,
 with what the lady needs,
Remember well what I sing to you,
You will win the game outright.

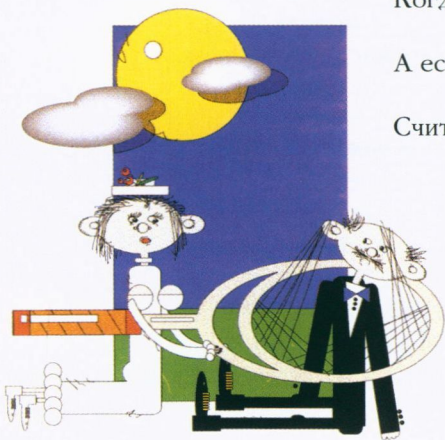

*Девочка с ракеткой.
Ил. к альбому
нач. XX века*

Теофил Вьё

Сатирический Парнас

Когда вы ее поцелуете, счет будет пятнадцать,
Когда груди коснетесь, станет тридцать,
Когда вы доберетесь до пятки –
 вырастет до сорока пяти.
А если вы брешь в стене пробили,
 которой дамы себя окружили,
Считайте, что игра завершилась и вы победили.

*Александр Литухов.
Карикатура.
1997*

Robert Howlett

Tennis

When as the Hand at Tennis plays,
And men to gaming fall,
Love is the Court, Hope is the House,
And Favour serves the Ball

This Ball itself is due Desert,
The Line, that Measure shows,
Is Reason, whereon Judgment looks,
Where Players win and lose.

The Tutties are deceitful Shifts,
The Stoppers, Jealousy,
Which hath Sir Argus hundred Eyes,
Wherewith to watch and pry.

The Fault whereon Fifteen is lost,
Is want of Wit and Sense,
And he that brings the Racket in,
Is Double Diligence.

But now the Rackets is Free-Will,
Which makes the Ball rebound;
And nouble Beauty is the choice,
And of each game the Ground.

The Racket strikes the Ball away,
And there is Over-sight,
And Bandy-ho! The people cry,
And so the Ball takes Flight.

Now, at the length, Good-liking proves,
Content to be their Gain:
Thus in the Tennis-Court, Love is
A Pleasure mixt with Pain.

Роберт Хаулетт

Теннис

Когда ракетку в руки возьмем
И начнем ею мяч отбивать,
Любовь станет кортом, Надежда – домом,
А на подаче – сама Благодать.

Этот матч – итог наших личных Заслуг,
А черта, что площадку всю делит, –
Это Разум, что объявляет вслух,
Кто победил, а кому считать потери.

Наш противник – хитрая Ложь,
Черная зависть с косыми глазами.
Как стоглазый Аргус нас стережет,
Днем и ночью следит за нами.

Когда, ошибаясь, теряем пятнадцать очков,
Мы призываем Ум и Терпенье.
И сила ракетки приносит их вновь
Как возможность повторного Исцеленья.

Ракетка в теннисе – свободная Воля.
Она позволяет мячу как угодно скакать.
А высшая Красота – это свободный Выбор,
На чьей стороне нам в жизни играть.

Ракетка шлет наш мяч вперед,
Теперь он вне нашего зренья.
Он начинает свой дальний полет,
А зритель кричит, теряя терпенье.

Какова же всего рассуждения соль?
Содержит простой нам урок, не боле:
На теннисном корте Любовь,
Смесь радости и боли.

Миниатюра в книге
Валериуса Максима
«Наставление принца».
XV век

J. K. Stephen

Tennis

Let Cricketers await the tardy sun,
Break one another's shins and call it fun.
Let Scotia's Golfers trough the affrighted land
With croced knee and glaring eyeball stand.
Let Football Rowdies show their straining thews.
And tell their triumph to a mud-stained Muse;
Let india-rubber pellets dans on grass
Where female arts the ruder sex surplass;
Lets other people play at other things
The King of Game is still the Game of Kings.

Д. К. Стивен

Поэма о теннисе

Пусть любители крикета на медленном солнце жарятся,
Друг другу лодыжки ломают и тем наслаждаются.
Пусть любители гольфа, хромая и на солнце моргая,
Ползают по полю, свои мячи подбирая.
Пусть футбольные хулиганы ногами друг друга тузят,
А затем поклоняются своей запачканной грязью Музе.
Пусть хоккейный мячик в траве скачет, как может,
Демонстрируя стройность дамских ножек.
Пусть каждый играет, во что он хочет, без всяких затей.
Но для меня королевой игр остается игра королей.

*Джон Чарльз.
Рекламный
спортивный плакат.
XX век*

The 20th CENTURY POETRY

Osip Mandelstam

Tennis

Street-organ wandering alone
Among the cabins which are poor,
Where ball is flying on its own,
As a magical lure.

Who has cooled his temper cruel,
Wearing snow of Alpine,
Who begins Olympic duel
With a sportive girl so fine?

The lyre strings easily to break:
Englishman, who seems never old,
Transfers the strings from lyre to racket
And throws the racket to the world!

He creates the rules of game
With light weapon in his arm,
As an ancient Attic soldier
With his enemy in love!

It is May. The thunderclouds.
Badly wilted, lifeless green.
Cars and horns are very loud
Lilacs smells of gasoline.

Jolly sportsman greedily drains
Water filled out of the spring,
Then the battle starts again,
And the naked elbow flashing!

М. Бювер.
Теннисный матч. СЛИА.
1936

ПОЭЗИЯ XX ВЕКА

Осип Мандельштам

Теннис

Средь аляповатых дач,
Где скитается шарманка,
Сам собой летает мяч
Как волшебная приманка.

Кто, смиривший грубый пыл,
Облаченный в снег альпийский,
С резвой девушкой вступил
В поединок олимпийский?

Слишком стары струны лир:
Золотой ракетки струны
Укрепил и бросил в мир
Англичанин вечно юный!

Он творит игры обряд,
Так легко вооруженный –
Как аттический солдат,
В своего врага влюбленный!

Май. Грозových туч клочки.
Неживая зелень чахнет.
Все моторы и гудки –
И сирень бензином пахнет.

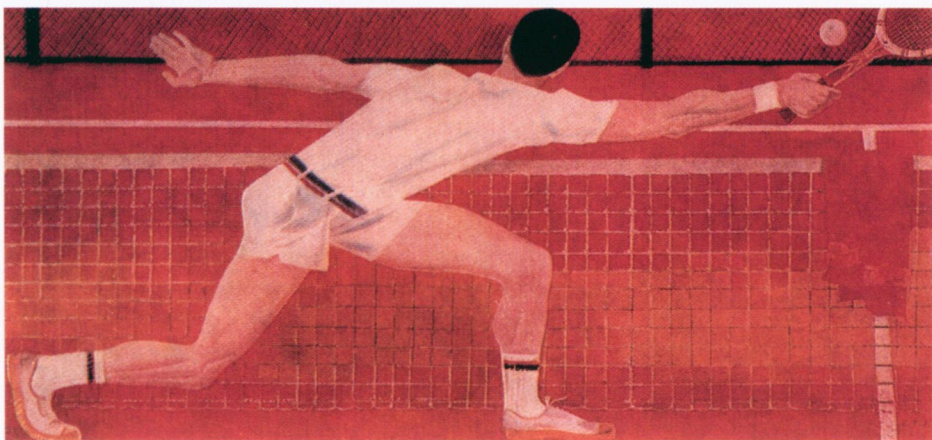
Ключевую воду пьет
Из ковша спортсмен веселый;
И опять война идет,
И мелькает локоть голый!

Sport

A real sportsman is the only man,
Who breaks of gloomy life the chains:
He knows the world,
 where life is full of joy and tenderness...
Where everybody plays croquet – a childish game,
Or Russian game of North,
 which looking much the same,
And gift of Gods – the splendid tennis!

Спорт

Но только тот действительно спортсмен,
Кто разорвал печальной жизни плен:
Он знает мир, где дышит радость, пенясь...
И детского крокета молотки,
И северные наши городки,
И дар богов – великолепный теннис!

О. Савостюк, Б. Успенский.

Теннис.

1971

John Betjeman

Miss
J. Hunter Dunn,
Miss
J. Hunter Dunn

Miss J. Hunter Dunn, Miss J. Hunter Dunn,
Furnish'd and burnish'd by Aldershot sun,
What strenuous singles we played after tea,
We in the tournament – you against me!

Love-thirty, love forty, oh! weakness of joy,
The speed of a swallow, the grace of a boy,
With carefulest carelessness, gaily you won,
I am weak from your loveliness, Joan Hunter Dunn.

Miss Joan Hunter Dunn, Miss Joan Hunter Dunn,
How mad I am, sad I am, glad that you won.
The warm-handled racket is back in its press,
But my shock-headed victor, she loves me no less.

Her father's euonymus shines as we walk,
And swing past the summer house, buried in talk,
And cool the verandah that welcomes us in
To the six o'clock news and lime-juice and gin.

*Лучшая любовная игра. США.
1926*

Джон Бетчмен

Мисс
Хантер-Данн,
МИСС
Хантер-Данн

Мисс Хантер-Данн, мисс Хантер-Данн
Ракетка и яркий загар так к лицу вам.
Мы с вами играем матч трудный с утра.
Турнир одиночный: вы против меня.

Ноль—тридцать; Ноль—сорок.
С чем может сравниться
Ваша грация мальчика,
скорость быстрая птицы.
Беззаботно и весело мне урок вами дан.
Я люблю вас безумно,
мисс Джоан Хантер-Данн.

Мисс Джоан Хантер-Данн,
мисс Джоан Хантер-Данн.
Сколько вы мне наносите сладостных ран.
Как я зол, как расстроен, подавлен и рад.
Вы – мой победитель, но я жду награды.

Из отцовской гостиной, где нашли мы привал,
Скрылись с нею мы, в летний домик сбежав.
Здесь веранда прохладой и тишьою манит
И вечерние новости с джином сулит.

The scent of the conifers, sound of the bath,
The view from my bedroom of moss-dappled path,
As I struggle with double-end evening tie,
For we dance at the Golf Club, my victor and I!

On the floor of her bedroom lie blazer and shorts
And the cream-colored walls
are betrothed with sports.
And the westerling, questioning settles the sun
On your low-leaded window, Miss Joan Hunter Dunn.

The Hillman is waiting, the light's in the hall,
The pictures of Egypt are bright on the wall,
My sweet, I am standing beside the oak stair
And there on the landing's the light on your hair.

By roads «not adopted», by woodland ways,
She drives to the club in the late-summer haze,
Into nine-o'clock Camberley, heavy with bells
And mushroomy, pine-woody, evergreen smells.

Miss Joan Hunter Dunn, Miss Joan Hunter Dunn,
I can hear from the car-park the dance has begun.
Oh! full Surrey twilight! importunate band!
Oh! strongly adorable tennis-girl's hand!

Around us are Rovers and Austins afar,
Above us, the intimate roof of the car,
And here on my right is the girl of my choice,
With the tilt of her nose and the clime of her voice,

And the scent of her wrap, and the words never said,
And the ominous, ominous dancing ahead.
We sat in the car park till twenty to one
And now I'm engaged to Miss Joan Hunter Dunn.

Из спальни я вижу сосновую рощу,
Заросшие мохом лесные дорожки.
Мой галстук не слушается, как его ни вяжите.
В клубе ночью танцуем я и мой победитель.

На полу ее спальни шорты с майкой лежат,
На стене трофеев спортивных красуется ряд.
И загадочно-алого солнца купаж
В низких окнах ее отражается, словно витраж.

Машина нас ждет, ярко светится дом.
В холле виды Египта и картины кругом.
Я готов, дорогая, и стою у крыльца,
Яркий свет заблудился у тебя в волосах.

Лесная дорога не слишком пряма
И в сумрачном свете порой не видна.
К ночному приему гольф-клуб уж готов.
Всюду запах сосны и свежих грибов.

Мисс Джоан Хантер-Данн,
 мисс Джоан Хантер-Данн,
Слышен издали танцев веселых канкан.
Мы в машине сидим в треволнение слегка.
Как строга и крепка теннисистки рука!

Вкруг нас Роверсы и Остины,
Над нами интимная крыша машины.
Мечта моей жизни рядом со мной
У мечты нос курносый и голос живой.

Мы сидим на стоянке машин и молчим,
Звуки танцев доносятся к нам издали.
Мы молчим до двух с половиной утра,
А в два сорок мисс Хантер сказала мне «да».

The Olympic Girl

The sort of girl I like to see
Smiles down from her height at me.
She stands in strong, athletic pose
And wrinkled her *retroussé* nose.
At is distaste that makes her frown,
So furious and freckled, down
On an unhealthy worm like me?
Or am I what she likes to see?
I do not know, though much I care.
Oh! would I were her racket press'd
With hard excitement to her breast
And swished into the sunlit air
Arm-high above her tousled hair,
And banged against the bounding ball
«Oh! Plung!» my tauten'd strings would call,
«Oh, Plung! my darling, break my strings
For you I will do brilliant things».
And when the match is over, I
Would flop beside you, hear you sign;
And then, with what supreme caress,
You'd tuck me up into my press.
Fair tigress of the tennis courts,
So short in sleeve and strong in shorts,
Little, alas, to you I mean,
For I am bald and old and green.

Олимпийская девушка

Девуца, от которой глаз не в силах отвести,
С насмешкой смотрит на меня,
взирая сверху вниз.

Стоит в одной из строгих, атлетичных поз,
С презреньем морща свой в веснушках нос.
И, хмурясь, не скрывая отвращения,
Глядит вокруг. Ее хотел бы знать я мненье.
Что б мог я, бедный, значить для нее?
Слабак иль бледный червь, не более того.
О, если б мог ее ракеткой стать,
Чтоб плотный воздух с силой рассекать,
К груди ее порой прижаться страстно.
Свистящий мяч отбить, не мудрствуя напрасно.
«О, планг!» – запела бы моя струна,
«О, планг!» – я твой, родная, навсегда.
Мои порвать ты можешь струны.
Готов на все я для тебя, безумный.
Когда же кончен матч и подведен итог,
Меня поставишь рядом, тебя чтоб видеть мог.
А после, с превеликим тицаньем,
В чехол уложишь до скорейшего свиданья.
Тигрица теннисного корта
В рубашке белой и коротких шортах.
Как мало значу для тебя я,
Хоть лыс и стар, но до сих пор мечтаю.

Фаянсовая скульптура
теннисистки

Vladimir Nabokov

University Poem (excerpt)

The fountain splashes, the fence blooms
The lawn-tennis, – a great white joy, –
Replaces violent football.
The whole world, wearing white flannel,
Moves speedily for tennis-courts to reach.
That time was end of term – the highest wave
I dated Violet at that time
And kissed Violet for a while.

How at first time in my arms
She pushed off, horrified,
To put her hands against my shoulders.
How sad and insane looked her eyes!
Was that anger, or surprise,
Or girlish feigned fear?
I did not understand... I remember
A fashionable decorated park,
The six white balls and a straight row
Of large rhododendrons;
As an ardent player, I remember both:
A great park and grass court
With white lines and net across.

Владимир Набоков

Университетская

ПОЭМА (ОТРЫВОК)

Шумит фонтан, цветет ограда.
Лаун-теннис – белая отрада —
Сменяет буйственный футбол:
В штанах фланелевых пошел
Весь мир играть. В те дни кончался
Последний курс – девятый вал,
И с Виолеттой я встречался
И Виолету целовал.

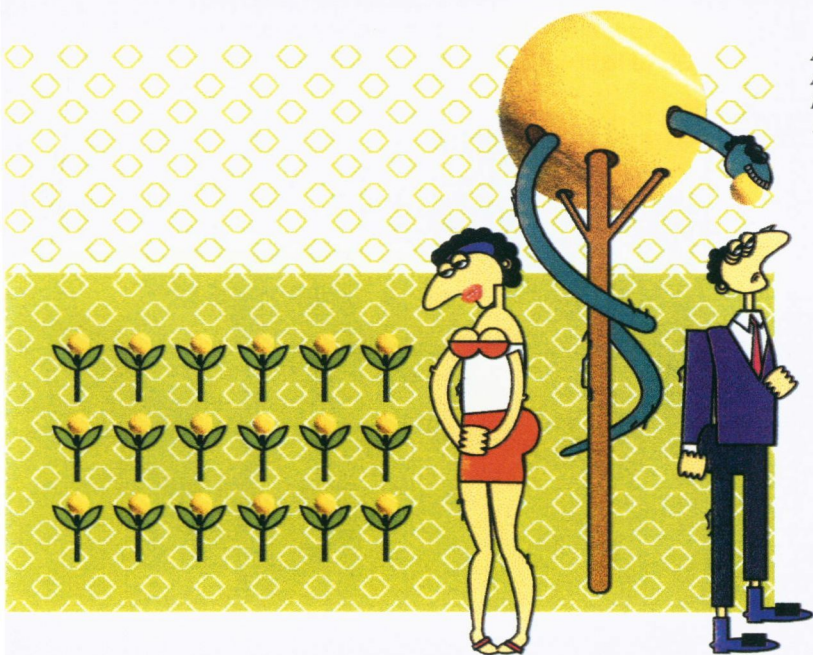
Как в первый раз она метнулась
В моих объятьях – ужаснулась,
Мне руки в плечи уперев,
И как безумно и уныло
Глаза глядели! Это было
Не удивленье и не гнев,
Не девичий испуг условный.
Но я не понял... Помню ровный,
Остриженный по моде сад,
Шесть белых мячиков и ряд
Больших кустов рододендрона;
Я помню, пламенный игрок,
Площадку твердого газона
В чертах и с сеткой поперек.

*Легендарная
Сьюзен
Ленглен:
балерина
теннисного
корта*

She played tennis lazily. Like a goat,
She did not race across the court,
As light-heeled Lengren often did.
I tell you, friends, its great good fun
To see elastic stroke on the run
The Goddess with a naked knee.
To throw up the ball and bow back,
With lightning speed to swing around,
By stringed plane of racket head
To slide the ball and to rebound,
Than rush the net and swish respond
Destructively to cut it short,
In whole world is nothing so nice...
We would play ball in paradise.

Она лениво – значит, скверно –
Играла; не летала серной,
Как легконогая Ленглен.
Ах, признаюсь, люблю я, други,
На всем разбеге взмах упругий
Богини в платье до колен!
Подбросить мяч, назад согнуться,
Молниеносно развернуться,
И струнной плоскостью плеча
Скользнуть по темени мяча,
И, ринувшись, ответ свистящий
Уничтожительно прервать,
На свете нет забавы слаще...
В раю мы будем в мяч играть.

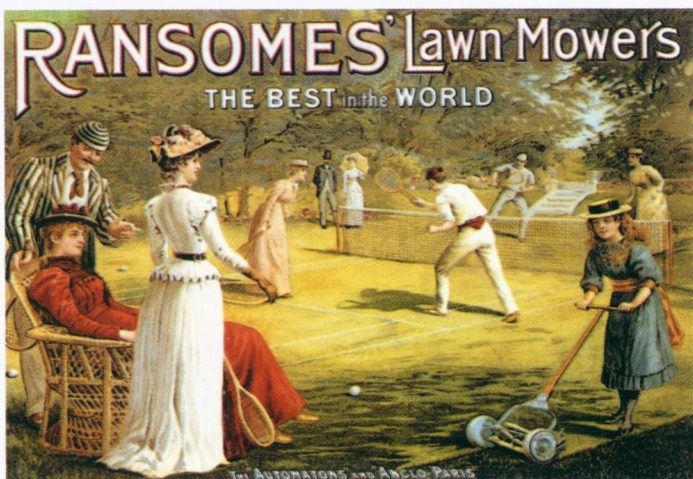
Александр
Алтухов.
Карикатура.
1997

Lawn-tennis

A youth, white and light-legged, belt with coloured shawl,
Collar carelessly uncovered, right sleeve rolled up.
He stands on a plain lawn behind the chalked line.
Smiling, he lifts his head, silver ball thrown up,
Bending, he smoothly strokes with stringed racket.
One moment, – and with a tight sound ball is flying away,
And as pale lightning it falls down at the place,
Where stands, waiting, another youth, also
White and light-legged; one moment – and with responding sound
Ball returns over the net, inflated by wind.
Soft and blue shades run on the grass illumed.
An elm-tree grows near by. On the step, near the glass door,
Somebody left a water-pot. The curtains are breathing and shimmer.
House is cool and empty. Here, on the elastic lawn
Wind hunts after the sun, and until evening will play
Music of light balls – a white game of youth.

Лаун-теннис

Юноша, белый и легкий, пестрым платком подпоясан;
ворот небрежно раскрыт, правый отвернут рукав.
Встал он, на гладком лугу, за черту, проведенную мелом,
голову поднял с улыбкой, мяч серебристый подкинул, –
выгнувшись, плавно взмахнул многострунной
широкой лаптою —
миг, – и со звуком тугим мяч отлетает и бледной
молнией падает там, где стоит, ожидая, такой же
юноша, белый и легкий; миг – и со звуком ответным
мяч возвращается вновь через сетку, чуть вздутую ветром.
Мягкие, синие тени бегут по траве озаренной.
Поодаль зыблется вяз. На ступени, у двери стеклянной,
лоснится лейка забытая. Дышат, блестят занавески.
В доме прохладно и пусто, а тут, на упругой поляне,
гонится ветер за солнцем, и будет до вечера длиться
легких мячей перезвон – юности белой игра...

Рекламный плакат
нач. XX века.
Музей рекламы.
Глостер

Felicia Lamport

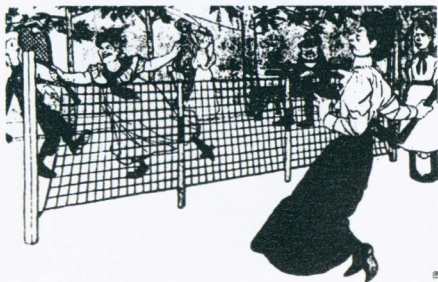
Preparadness

When you've had yourself accoutered
 In the finest tennis clothes
And been sedulously tutored
 By the best of tennis pros
And have spent long hours choosing
 Among racquets by the score
And have sat up nights perusing
 All the books of tennis lore
And have studied drop-shot placement
 With devotion that appalls
And worked weekends in your basement
 With a Thing that belches balls
And developed comprehension
 Of the principles of Zen
To make sure that tennis tension
 Won't disrupt your game again
And grown thoroughly familiar
 With the art of gamesmanship -
You will be feeling that much sillier
 When you lose the set six-zip.

Фелиция Лампорт

Приготовление к матчу

Когда тратишь безумные деньги,
сбереженные за многие годы,
На покупку последней теннисной моды.
Берешь уроки у лучших теннисных профессионалов,
Чтобы постигнуть тайны крученых ударов.
Когда не спишь по ночам, пособия изучая,
О том, как в парной игре меняться местами.
Когда теряешь часы, а порой и дни, выбирая
Ракетку по весу, цене и силе удара.
Когда узнаешь, как надо укорачивать мяч
И теорию сложных, крученых подач.
Когда проводишь часы у теннисной пушки,
Плюющей в тебя мячи друг за дружкой.
Когда познаешь все принципы дзэн-буддизма,
Чтоб достичь пред игрой полного экзорсизма.
И когда наконец удаётся все тайны узнать,
Как любого соперника побеждать.
Тогда остро чувствуешь свою слабость и боль,
Проиграв первый же сет со счетом шесть-ноль.

*П.Е. Щербakov.
Лаун-теннис.
Карикатура. 1901*

Гасить свечу

шалолая
встретить который
корте хочет
на взять
случая очко
от подав
нас мяч
спаси свечкой
О высоко!

*Тод Макки.
Игра жизни.
XX век*

Frank Higgins

Tennis in the City

For Arthur Ashe

He could help us out
Selling papers or sacking groceries
But that's what I did growing up.
Every day he's in the alley
Knocking that ball against the building.
Whomp – take that Forest Hill
Whomp – whomp – take that Wimbledon
Whomp – whomp – whomp
All day long,
The wife tells me so.
Says she watches him from the window
when the bossman has her clean 'em,
says she doesn't know about that boy.
But I know about that boy
and I know this ball's worn
and I know this racket's gonna split
no matter how much tape you put on,
so tonight after supper
we're going for new ones, son.
And I want you start staying
In this alley on hour longer, hear?

Фрэнк Хиггинс

Теннис в городе

Посвящается Артуру Эшу

Он мог бы нам помогать
Газеты развозить и мелкий товар продавать.
Все это делал я, пока стать взрослым
не настала пора.

Он в переулке каждый день
Бил мяч об стенку, что ни лень.
«Уомп» – это для Форест-Хилла,
«Уомп», «уомп» – это для Уимблдона.

И так целый день без устали
«Уомп», «уомп» – его мячи звучали.

Моя жена, глядя в окно, открыв задвижку,
Сказала, что не знает этого мальчишку.
Но я-то знаю его хорошо и скажу без оглядки,
Что мячи его стерлись и стали гладки.
Что ракетка рассохлась и при ударе трещит
И ее не починишь, как скотчем ее ни крепи.
Итак, вечером, когда ужина кончится срок,
Мы об стенку стучать начнем снова, сынок.
И с этого дня в переулке этом
Мы останемся еще на часок.

Артур Эш на корте

Gary Fincke

Doc Stavic Coaches

Tennis is chess; tennis is war,
Doc Stavic explained to us.
Know this battlefield and where
That army is weakest. You lay
Siege on that man; you break
His will like a famine and
He'll go belly up and die.
Doc Stavic said stamina, patience;
He run us side to side, baseline
To net. You be Russians, he said.
You endure no matter what country
Wants your land. When winter comes,
You will be ready. Wait for
That cold snap, the first real snow.
That man will understand war;
He'll shake his head and slump
Like you've shot him. Napoleon,
He said. Hitler. Whoever
The next invader might be
You have the time and endurance
Doc Stavic said he was making sure
We lived; he said «I am telling you 'Yes'».

Гарри Финк

Инструкции дока Ставика

Док Ставик без конца вдалбливал нам:
Теннис – это шахматы, а точнее – война.
Это битва, твердил он нам без усталости,
Где выигрывает армия, не знающая слабости.
Это – осада, которая тянется до тех пор,
Пока врага своего не возьмешь на измор.
Главное – проявлять выносливость
и терпение, —

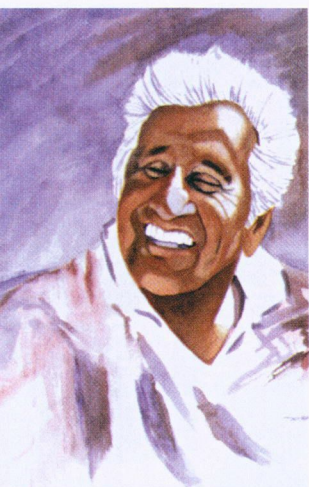
Говорил док Ставик, гоняя по корту нас
до изнеможения.

Вообразите, вещал он, что вы россияне
И вашу родину-мать враг хочет
отдать на поруганье.

Наберитесь терпения. Ждите мороза
и первого снегопада.

И враг поймет, что нападать
было вовсе не надо.

Наполеон или Гитлер. Неважно, кто
Будет следующий разрушитель,
Выжидайте время и терпенье храните.
И тогда, говорил док Ставик, я буду уверен,
Что вы полны сил и матч не будет потерян.

Джозеф Стал.
Легендарный Пабло Сегура.
XX век

Maxine Kumin

Prothalamion

The far court opens for us all July.
Your arm, flung up like an easy sail bellying,
comes down on the serve in a blue piece of sky
barely within reach, and you, following,
tip forward on the smash. The sun sits still
on the hard white canvas lip of the net. Five-love.
Salt runs behind my ears at thirty-all.
At game, I see the sweat that you're made of.
We improve each other, quickening so by noon
that the white game moves itself, the universe
contracted to the edge of the dividing line
you toe against – limbering for your service,
arm up, swiping the sun time after time –
and the square I live in, measured out with lime.

Максин Кумин

Свадебная песня

В июле дальний корт открыт для нас на даче.
Как вольный парус на ветру, твоя рука
Несется в голубую высь, готовя мяч к подаче.
Он попадает в корт, и к сетке ты спешишь, пока
Его ты смэшем не погасишь. Пятнадцать—ноль.
На верхнем крае сетки солнце мирно спит.
Я чувствую, как за ушами выступает соль,
И влажный пот по твоему лицу струит.
Нас радует игра, но подгоняет полдень.
Он движет белую игру вперед, и универс
Сжимается до края линий боковых,
Которые ты при подаче задеваешь телом.
И, раз за разом, солнце ты взбиваешь до небес.
Квадрат, в котором я живу, очерчен мелом.

*Гастано Рикка.
Теннис. США.
1935*

Paul Petrie

The Old Pro's Lament

Each year the court expands,
the net moves back, the ball
hums by – with more spin.

I use my second serve,
lob deeper, slice more,
stay away from the net, and fail
to win.

As any fool can tell,
it is time
to play the game purely
for the game's sake – to applaud
the puff of white chalk,
shake hands
and grin.

Others retire
into warm corners of memory,
invent new rules, new games
and win.

Пол Петри

Жалобы старого профессионала

С каждым годом корт становится больше,
сетка отступает назад, мячи
жужжат все быстрее.

Я подаю со второй подачи,
бью глубже, подкручиваю сильнее,
отхожу от сетки и
проигрываю.

Каждый дурак скажет,
что пришло время
играть ради самой игры – аплодировать
вспышкам белого мела,
пожимать руки
и ухмыляться.

Другие уходят
в темные закутки памяти,
изобретают новые игры
и выигрывают.

Under the hot lances
of the shower, I play each point over,
and over,
and over,
again.

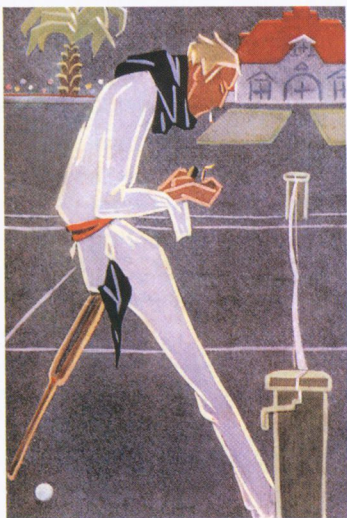
Wisdom is the natural business
of old men – to let the body go,
the rafters, moth-eaten and decayed,
cave in.

But nightly in dreams I see
an old man
playing in empty court
under the dim floodlights
of the moon
with racket gone in the strings —
no net, no ball, no game –
and still playing to win.

Под горячими струями душа
я вновь разыгрываю каждое очко
вновь,
вновь,
и вновь.

Мудрость – удел стариков
покориться велениям тела,
этой изъеденной молью
рушащейся опоры.

Но ночью во сне
я вижу старика,
который играет на пустом корте
под тусклыми лучами
луны
ракеткой, в которой нет струн,
сетки нет, и мячей, и самой игры нет,
но он все играет, чтобы победить.

Фрагмент обложки журнала
«Теннис уик».
1920

E.B. White

The Tennis

Circled by trees, ringed with the faded folding chairs,
The court awaits the finalists on this September day,
A peaceful level path, a small precise green pool
In a chrysanthemum wood, where the air smells of grapes.
Someone has brought a table for the silver cup.
Someone has swept for tapes. The net is low;
Racket is placed on racket for the stretch.
Dogs are the first arrivals, loving society,
To roll and wrestle on the sidelines trough the match.
Children arrive on bicycles. Car drift and die, murmuring.
Doors crunch. The languorous happy people stroll and wave,
Slowly arrange themselves and greet the players.
Here, in this unpretentious glade, everyone knows everyone.
And now the play. The ball utters its pugging sound:
Pug pug, pug pug – commas in the long sentence
Of the summer's end, slowing the syntax of the dying year.
Love-thirty. Fifteen-thirty. Fault.
The umpire sits his highchair like a solemn babe.
Voices are low – the children have been briefed on etiquette;
They do not call and shout. Even the dogs know where to stop,
And all is mannerly and well behaved, a sweet, still day.
What is the power of this bland American scene
To claim, as it does, the heart? What is this sudden
Access of love for the rich overcast of fall?
It is the remembered Saturdays of «no school» –
All those old Saturdays of freedom and reprieve?
It strikes as quickly at my heart as when the contemptuous jay
Slashed the silence with his jagged cry.

Э.Б. Уайт

Теннис

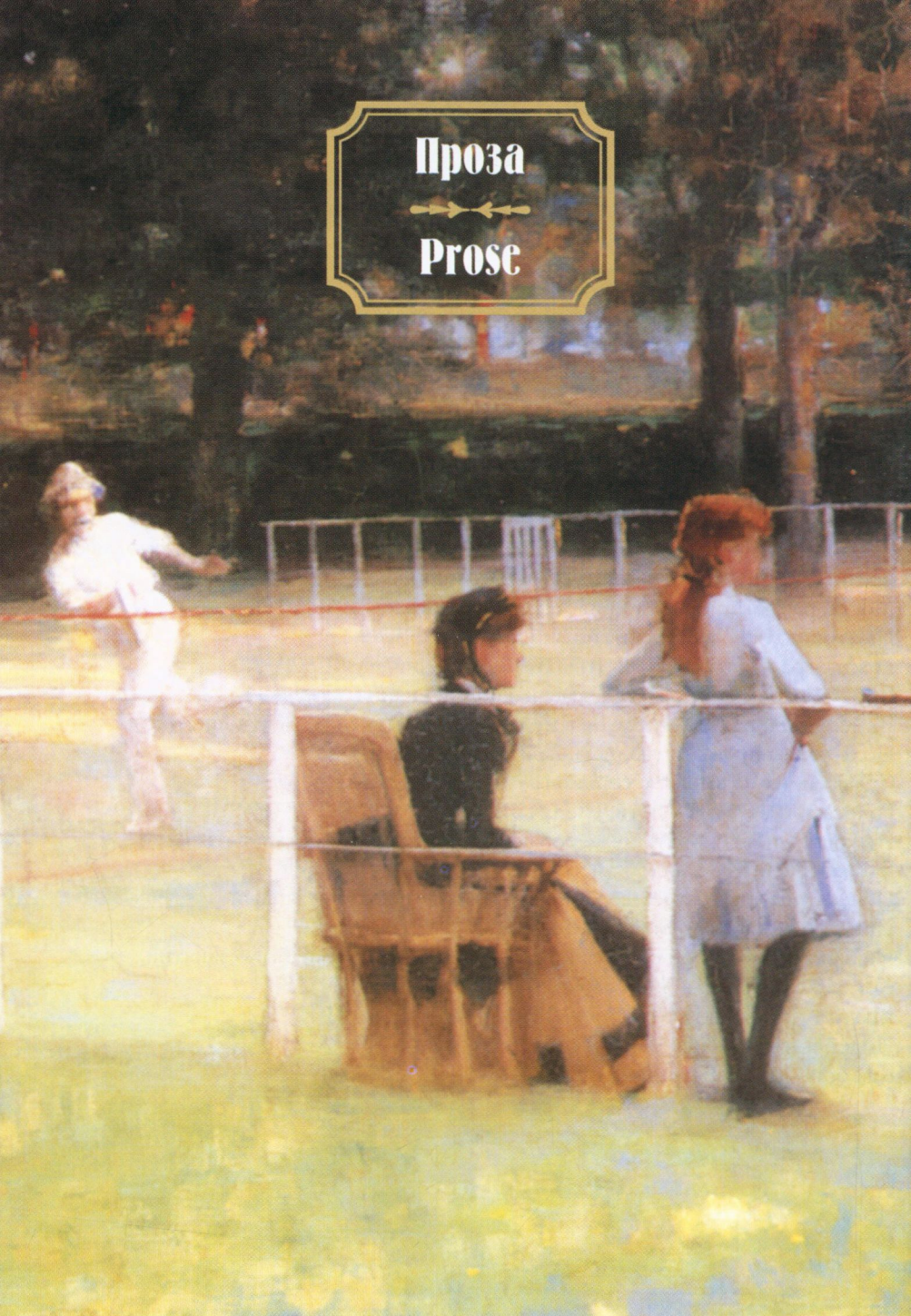
Томас Стивенс.
Парная игра
в парке

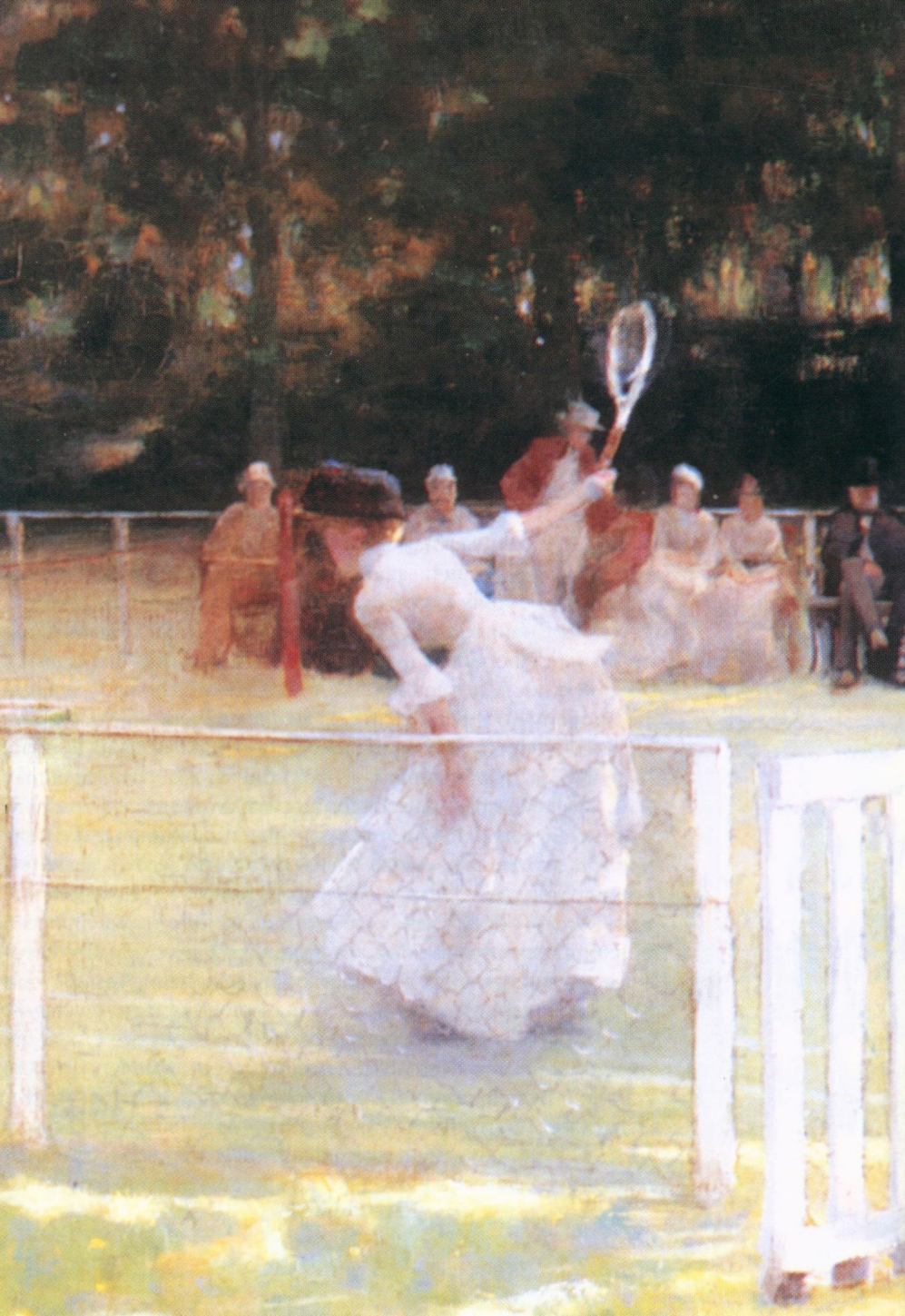
Окруженный деревьями и рядами стульев,
Корт в этот сентябрьский день ожидает финалистов –
Мирный лоскут, зеленое озеро в
Хризантемном лесу, где воздух пахнет виноградом.
Кто-то вынес стол, чтобы поставить на нем серебряный кубок.
Кто-то размел линии корта. Сетка приспущена.
Ракетка лежит на ракетке, ожидая новой натяжки.
Собаки, славная компания, приходят первыми,
Чтобы во время матча бороться и носиться за линией корта.
Дети приезжают на велосипедах. Машины прибывают и, порывав, замолкают.
Двери скрипят. Счастливые, уставшие люди не спеша занимают
Места, радостно машут, приветствуя участников.
На этой поляне всё без претензий, все знают всех.
И вот игра началась. Мячи издают чмокающий звук:
Чмок-чмок, чмок-чмок – они как знаки препинания
В длинной фразе конца лета, в медленном синтаксисе умирающего года.
Ноль–пятнадцать. Пятнадцать–тридцать. Аут.
Судья сидит на вышке с серьезным лицом младенца.
Голоса звучат тихо – дети, следуя этикету,
Не кричат и не спорят. Даже собаки знают, где надо остановиться.
Что же в ней, этой милой американской сценке?
Почему она так трогает сердце? Что означает этот внезапный
Приступ любви в этом изобилии осени?
Не напоминает ли он субботний день, когда в школе не было занятий,
Когда суббота была днем свободы и передышки?
Все это мгновенно отозвалось в моем сердце
Подобно крику надоедливой сойки, который
Как острый нож разрезает тишину.

Проза

Prose

Томас Манн

Признания авантюриста Феликса Круля

(отрывок)

Э то послание, тщательно написанное слегка склоняющимся влево почерком частично по-немецки, частично по-французски, – целая кипа маленьких бланков «Савой палас», – заканчивающееся округленной овалом подписью, ушло к моим родителям в люксембургский замок Монрефюж. Я немало потрудился над ним, ибо был очень заинтересован в переписке с этими столь близкими мне людьми, и с превеликим нетерпением стал ждать ответа, который, как мне почему-то думалось, будет написан рукой маркизы. Над этим сочиненьицем я просидел много дней, и надо сказать, что оно, за исключением нескольких слегка затуманенных мест вначале, правдиво воссоздает события, даже в том пункте, где я говорю, что предложение господина де Гюйона представить меня ко двору совпало с моими заветными желаниями. Старательность, с которой писался этот лисабонский отчет, я тем более вменяю себе в заслугу, что время для него приходилось отрывать от постоянного, уже с трудом удерживаемого в границах благоприличия общения с семейством Кукук, общения, которое – кто бы мог подумать – главным образом сводилось к спорту, до сих пор известному мне не лучше, чем и все остальные виды спорта, а именно к игре в теннис с Зузу и ее приятелями по клубу.

Для того чтобы согласиться на предложение сыграть партию в теннис и действительно прийти на корт, требовалось немало дерзости. Но на третий день, как и было услов-

лено, в точно назначенный мне час, в безукоризненном спортивном костюме – белых фланелевых брюках с белым же поясом, в рубашке с отложным воротничком, поверх которой я надел для улицы синюю куртку, в бесшумных парусиновых туфлях на тонкой резиновой подошве, придающих танцевальную легкость походке, я явился на расположенную вблизи от дома Зузу двойную площадку, которую в эти часы оставляли за ней и ее друзьями. На душе у меня было почти так же, как в свое время, когда я, волнуясь, но полный радостной решимости, предстал перед военной врачебной комиссией. Решимость – все. Воодушевленный своим спортивным костюмом и окрыляющими туфлями, я твердо решил не ударить лицом в грязь в игре, которую мне хоть и довелось видеть, но в которой я никогда не участвовал.

Я пришел раньше времени и оказался один на корте. Там имелся домик, служивший для раздевания и хранения теннисных принадлежностей. Я вошел в него, снял куртку, взял ракетку, несколько штук прехорошеньких, белых как снег мячиков и, вернувшись на площадку, начал упражняться в манипулировании этими предметами. Легонько подкидывал мяч на пружинящей сетке ракетки, а когда он высоко подпрыгивал – ловил его в воздухе или всем известным движением, напоминающим легкое движение лопатой, поднимал с земли на ракетку. Чтобы размять плечи и испытать силу, необходимую для подачи, я посылаю его обычным приемом или *back hand*’ом через сетку – весьма относительно, конечно, ибо большей частью мои мячи ударялись об нее, летели за черту противоположного поля, или, если я становился слишком ретив, то и через проволочную ограду площадки.

Так, с удовольствием сжимая рукоятку чудесного орудия игры, носился я в *singl*’е с невидимым противником, за каковым занятием меня и застала Зузу Кукук, появившаяся вместе с

*Игроки в теннис.
Харрисон Фишер.
1906*

двумя партнерами, юношей и девицей, тоже с ног до головы в белом, которые, как выяснилось, были не братом и сестрой, а кузеном и кузиной. Его звали, кажется, Коста, а может – Куна, ее – если не Лопес, то Камозэс, точно я уже не помню.

– Смотри-ка, маркиз тренируется соло. Это выглядит весьма любопытно, – насмешливо объявила Зузу и стала знакомить меня со своими спутниками, очень изящными, но бесконечно уступающими ей в прелести, а затем и с подошедшими членами клуба, дамами и мужчинами: Салдаха, Виченте, де Менезис, Ферейра и как там их еще называли.

Игроков собралось уже двенадцать человек, включая меня, но четверо, болтая и смеясь, уселись на скамейку, добровольно взяв на себя роль зрителей. Остальные разошлись по площадкам. Зузу и я очутились друг против друга на одной из них. Какой-то долговзый юнец вскарабкался на место судьи, чтобы отмечать и объявлять, кому засчитывается удар, а также все ауты, геймы и сеты.

Зузу встала у сетки, я же, предоставив это место своей партнерше, зеленоглазой барышне с желтоватым цветом лица, отошел к задней черте и, придав своему телу максимально собранное положение, приготовился к игре. Первым подавал партнер Зузу, вышеупомянутый subtilный кузен, и надо сказать, что подача у него была сильная. Тем не менее первый мяч мне удалось отбить таким точным и низким ударом, что Зузу даже снисходительно проговорила: «Ну что ж!» Но затем я наделал массу глупостей и, скрывая за суетливой беготней и прыжками полное свое неумение, сильно увеличил счет противника. Далее, с деланным хладнокровием и небрежностью играя игрока, я запускал отчаянные «свечи» и вообще проделывал с мячом какие-то немислимые трюки, которые наряду с моими безбожными аутами или ударами в сетку возбуждали веселье зрителей, и все же в силу чистого наития мне часто удавались удары, странно не выжавшиеся с полным моим невежеством в этом виде спорта, отчего могло создаться впечатление, что я играю спустя рукава и не торо-

Лаун-теннис.
Карикатура.
Журнал «Панч».
1876

плюсь продемонстрировать свои способности. Я озадачивал партнеров и зрителей то невероятной стремительностью подачи, то тем, как я «гасил» мяч у сетки, то превосходнейшей отдачей с самых разных точек площадки – и всем этим я был обязан тому горению и подъему, которые испытывал в присутствии Зузу. Как сейчас, вижу себя то принимающим труднейший драйв – одна нога у меня вытянута вперед, другая, согнутая в колене, почти касается земли, – вероятно, это была красивая картина, так как зрители наградили меня аплодисментами; то – взвившимся высоко в воздух, чтобы опять под аплодисменты и крики «браво» с силой отдать мяч, посланный маленьким кузенком и прошедший высоко над головой моей партнерши, а также в прочих невероятных, вдохновенных положениях, приносивших мне неожиданные удачи.

Надо сказать, что Зузу, игравшая умело, со спокойной корректностью, отнюдь не смеялась над моими промахами, когда, например, при подаче я, вместо того чтобы ударить ракеткой по мячу, ударял ею по воздуху, ни над прочими нелепыми выходками, но и никак не реагировала на неожиданные удачи и успех, который они мне приносили. Слишком уж случайные, эти лавры не помогли помешать тому, что, несмотря на энергичную работу моей партнерши, через двадцать минут сторона Зузу уже насчитывала четыре выигранных гейма, а в последующем десять – и сет. Мы прекратили игру, уступив площадку ожидавшим своей очереди, и, разгоряченные, уселись на одну из скамеек.

– Игра маркиза не лишена элегантности, – заметила моя желто-зеленая партнерша, которой я попортил немало крови.

– *Un peu phantastique pourtant* *, – отозвалась Зузу, заинтересованная в моей репутации, так как она рекомендовала меня в клуб.

* Несколько фантастическая, однако (*франц.*).

Но я чувствовал, что эта «фантастичность» не повредила мне в ее глазах. Я опять сослался на то, что давно не держал в руках ракетки, и выразил надежду, вновь обретя былую сноровку, стать достойным своих партнеров и противников.

Перевод Н. Ман

ФАКТЫ ЖИЗНИ

У Генри Гарнета была привычка, прежде чем возвращаться домой к обеду, забегать в свой клуб и играть в бридж. Он был приятный партнер, хорошо знал секреты игры и мог прекрасно распоряжаться своими картами. Но чаще всего Гарнет проигрывал, а когда оказывался в выигрыше, объяснял свой успех скорее удачей, чем мастерством. Он был снисходительным и, если его партнер допускал ошибку, старался находить для этого оправдание. Правда, порой, он с излишней резкостью объяснял партнеру, что никогда в жизни не видел худшего игрока. Если же он сам допускал чудовищную ошибку, а партнер делал ему осторожное замечание, он с большой горячностью доказывал, что совершенно прав. Но все, с кем он играл, были старые друзья, и поэтому никто из них не принимал всерьез недостатки его характера. Генри Гарнет был брокером, партнером уважаемой фирмы, хотя далеко не всегда акции этой фирмы были надежными.

– Как обстоят сегодня дела на бирже? – спрашивали его.

– Потрясающе. Даже простофиля мог бы делать сегодня деньги.

Но игра на бирже, очевидно, не зависела от настроения Генри Гарнета. Он был крепким парнем и отличался завидным здоровьем. Будучи довольно состоятельным, он гордился своей женой и был привязан к своим детям. Как правило, он отличался хорошим настроением. Обычно глупости, которые сопровождали разговоры во время игры, смешили его. Но сегодня он был мрачен и молчалив. Его брови были сердито насуплены, а губы мрачно надуты. Вскоре его партнеры затронули тему, которая, как они знали, волновала Генри Гарнета.

– Как поживает твой сын, Генри? Похоже, он удачно выступил на соревнованиях?

Генри Гарнет мрачно насупился.

– Он выступил не так хорошо, как я рассчитывал.

– Когда он вернулся из Монте-Карло?

– Прошлой ночью.

– А сам он доволен?

– Кажется, да. Все, что я знаю, это то, что он вел себя там глупо.

– Да? Почему?

– Мне бы не хотелось об этом говорить.

Три человека с любопытством уставились на него. Но Генри Гарнет угрюмо смотрел на зеленое сукно.

– Извини, старина. Твой ход.

Игра продолжалась при напряженном молчании. Гарнет объявил свою масть, и хотя он сыграл очень неудачно, никто не произнес ни слова. Начался другой роббер, но Гарнет отказался объявлять масть.

– У тебя нет взяток? – спросил партнер.

Гарнет был так раздражен, что даже не ответил. В результате он проиграл и этот роббер, так что его партнер не удержался от замечаний.

– Что с тобой, Генри? – спросил он. – Ты сыграл, как последний дурак.

Гарнет был смущен. Он не очень расстраивался из-за своего собственного проигрыша, но он подвел партнера.

– Пожалуй, я больше не буду играть. Может быть, я успокоюсь, если сыграю еще несколько партий, но я не в состоянии сосредоточиться на игре. Говоря по-правде, я чувствую себя ужасно.

Все присутствующие разразились хохотом.

– Тебе не обязательно говорить об этом. Это и так видно.

Гарнет вымученно улыбнулся.

– Я уверен, вы бы почувствовали себя так же, если бы это случилось с вами. На самом деле я в ужасной ситуации и был бы признателен, если бы вы дали мне совет.

– Давайте прежде выпьем, и ты расскажешь нам, в чем дело. Если мы не сможем дать тебе хорошего совета, то никто тебе больше не поможет.

– Все дело в моем сыне, – сказал Генри Гарнет.

Наконец принесли выпивку. И Гарнет рассказал им следующую историю.

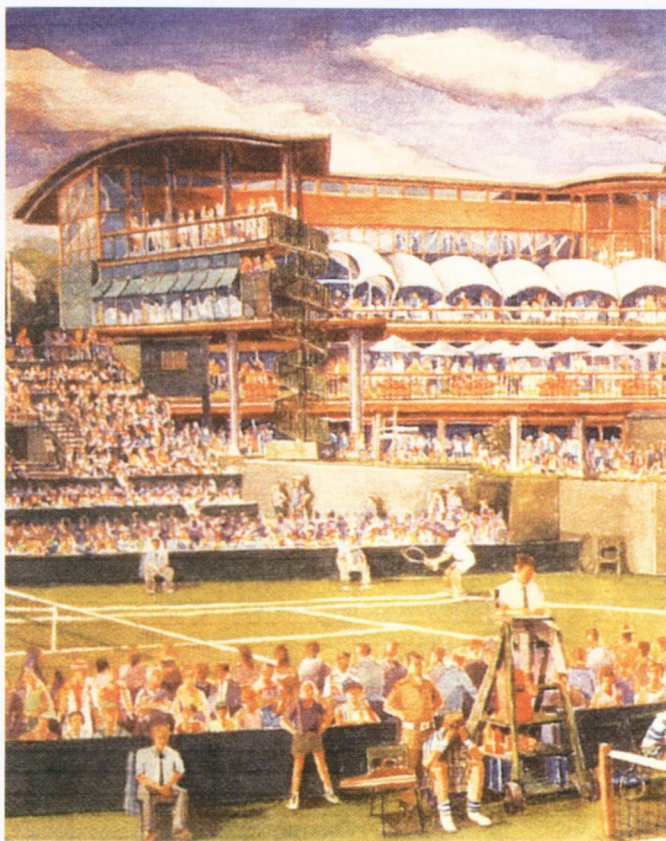
Молодой человек, о котором шла речь, был его единственным сыном. Звали его Николас, но, конечно, для всех он был просто Ники. Ему было восемнадцать лет. Помимо этого у Гарнета были еще две дочери – шестнадцати и двенадцати лет. Внешне трудно было понять, кого из них он любил больше, поскольку он не показывал своих предпочтений, в душе же он, без сомнения, отдавал свои чувства сыну. Он был добр по отношению к своим дочерям и всегда присутствовал на их днях рождения или рождественских празднествах, но он до безумия любил Ники. Гарнет был чересчур требователен к нему и всегда пристально наблюдал за ним. Впрочем, жаловаться на сына ему не приходилось. Ники был хорошим парнем, и любые родители могли бы гордиться им. Вытянулся он на метр восемьдесят, был мускулистым, широким в плечах и узким в талии, у него были светло-коричневые вьющиеся волосы, голубые глаза с длинными темными ресницами под хорошо обозначенными бровями, красные губы и темная, чистая кожа лица. Когда он улыбался, то показывал ряд ровных белых зубов. Ники не был застенчивым, но скромность только украшала его. В общении он отличался простотой, вежливостью и веселым нравом. Его родителями были симпатичные, состоятельные и благородные люди, которые вырастили его в хороших условиях, дали ему прекрасное образование. В общем, он был образцом прекрасной молодой мужественности. Чувствовалось, что Ники и в самом деле был таким благородным и открытым, каким и казался. Он никогда не создавал проблем для своих родителей. В детстве он почти не болел и не озорничал, делал всегда то, что от него ожидали. В школе он получал самые высокие оценки, был одним из самых популярных учеников и даже капитаном футбольной команды. Закончил он школу с большим количеством наград.

Но это еще не все. В возрасте четырнадцати лет Ники неожиданно обнаружил способности к теннису. Эту игру его

отец не только уважал, но и сам хорошо играл в нее. Поэтому он старался поддержать в сыне эту склонность. Ники получил несколько уроков у лучших профессионалов и уже к шестнадцати годам выиграл несколько турниров в своей возрастной группе. Он уже мог свободно побеждать своего отца. В восемнадцать лет Ники поступил в Кембридж, но его отец решил, что, прежде чем получить университетский диплом, он должен побороться за спортивную честь университета.

Ники имел все качества для того, чтобы стать великим теннисистом. Он был высоким, подвижным, быстрым, и его координация была отличной. Он инстинктивно чувствовал, куда попадет мяч, и без видимой поспешности всегда оказывался на месте, чтобы принять его. У него была сильная подача, которую было трудно принять, его удар справа, низкий, глубокий и аккуратный, был абсолютно убийственным. Его удары слева и с воздуха не были такими совершенными, но Генри Гарнет рассчитывал, что Ники исправит свои недостатки, занимаясь с лучшими английскими тренерами. В глубине души, хотя он никому не при-

*Теннисный корт,
Уимблдон.
Плакат нач.
XX века*

знавался в этом, Гарнет видел своего сына на корте Уимблдона или же представляющим свою страну на кубке Дэвиса. У Генри Гарнета подступал комок к горлу, когда он в мечтах видел своего сына перепрыгивающим через сетку, чтобы пожать руку чемпиону Америки, которого только что победил, и уходящим с корта под аплодисменты толпы.

Как постоянный посетитель Уимблдона Генри Гарнет имел много друзей в мире тенниса. Однажды вечером он оказался в Сити за одним обеденным столом с полковником Бребезоном. Это был хороший повод для того, чтобы поговорить о возможном участии Ники в университетских теннисных состязаниях в будущем сезоне.

– А почему бы вам не послать его в Монте-Карло на весенние соревнования? – неожиданно спросил полковник.

– Я не уверен, что это будет для него хорошо. Ему еще не исполнилось девятнадцать, и он поступил в Кембридж только в октябре. Он не сможет выдержать все эти испытания.

– Конечно, Остин и Крамм и кое-кто еще побьют его, но он может взять одну-две игры. Это будет для него замечательная практика. Ведь он еще никогда не встречался со спортсменами высшего класса. Он научится гораздо больше, чем на обычных местных соревнованиях, которые ему предстоят.

– Боюсь, я буду против. Я не позволю ему покинуть Кембридж в середине занятий. Я считаю, что теннис – это только игра и она не должна мешать его учебе.

– Но это займет всего лишь три дня. Мы должны послать лучшую команду, потому что немцы и американцы постараются прислать лучших игроков.

– Ничего не поделаешь, старик. Во-первых, Ники еще не лучший игрок, а во-вторых, я не собираюсь посылать подростка в Монте-Карло одного, без присмотра. Если бы я сам мог поехать с ним, об этом стоило бы подумать, а так об этом не может быть и речи.

– Но там буду я. Я назначен капитаном английской команды. И я присмотрю за ним.

– Но вы будете заняты, и я не могу вас просить об этой услуге. А он еще никогда не был за границей, да и я не найду себе места, пока он будет там.

На этом они покончили, и Генри Гарнет вскоре вернулся домой. Но он был так взволнован предложением полковника Бребезона, что не удержался и рассказал о нем жене.

– Забавно, но полковник думает, что Ники годится для соревнований. Он видел его игру и считает, что его стиль хорош. Он полагает, что ему нужно только побольше опыта, чтобы пуститься в первый полет. Вот увидишь, мы вскоре увидим нашего мальчика в полуфинале Уимблдона.

К его удивлению, жена не была против предложения полковника, как он предполагал.

– Послушай, Ники уже восемнадцать. Он никогда не делал ничего плохого, и вряд ли следует ожидать, что он сейчас будет делать что-то подобное.

– Но не забудь, что на первом месте у него должна быть учеба. Мне кажется, ему вовсе не стоит покидать Кембридж до конца семестра.

– Но что может произойти за три дня? Я думаю, нельзя лишать мальчика такого хорошего шанса. Я уверена, он обрадуется, если мы скажем ему об этом.

– А я и не собираюсь ничего ему говорить. Я послал его в Кембридж учиться, а не играть в теннис. Было бы глупо устраивать ему искушение такого рода. Он слишком молод, чтобы одному ехать в Монте-Карло.

– Но тем самым ты лишаешь его шанса сразиться против этих теннисистов.

Генри Гарнет сам немного сомневался. Еще по дороге домой, сидя в машине, он подумал, что здоровье Остина не очень хорошее, а Крамм скоро завершит свою спортивную карьеру. Вполне возможно, что Ники действительно имеет шанс играть за Кембридж. Все остальное – сплошная чепуха.

– Нечего делать, дорогая. Я уже решил и не собираюсь менять своего решения.

Миссис Гарнет не стала спорить. Но на следующий день она написала письмо Ники, рассказав, что случилось.

Она рекомендовала ему просить у отца согласия на поездку. Через пару дней Генри Гарнет получил письмо от сына. Ники писал, что говорил со своим тьютором, бывшим теннисистом, который тоже знаком с полковником Бребезоном, и тьютор сказал, что не будет возражать, если Ники покинет Кембридж до конца семестра. Они оба считают, что такую возможность нельзя упускать. Это было хорошее письмо. Миссис Гарнет увидела мужа читающим письмо за обеденным столом. Он протянул его жене.

– Не понимаю, зачем ты рассказала Ники то, что я сообщил тебе по секрету. Ты плохо поступила, только зря его беспокоила.

– Извини меня. Но мне хотелось, чтобы он знал, как высоко о нем отзывается полковник Бребезон. Почему люди должны знать только плохое, что о них говорят. Конечно, я написала, что он не сможет поехать.

– Ты поставила меня в неприятное положение. Мне вовсе не хотелось бы, чтобы мой сын смотрел на меня как на противника спорта и домашнего тирана.

– Он никогда так не думает о тебе. Он понимает, что ты просто боишься за него и поступаешь так для его же блага.

– О Господи, – простонал Генри Гарнет.

Его жена еле сдерживала желание засмеяться. Она знала, что битва уже выиграна. Как же просто заставить мужчин делать то, что хочешь. Генри Гарнет держался только сорок восемь часов, затем он сдался. Уже следующей ночью Ники прибыл в Лондон, чтобы утром отправиться в Монте-Карло. После обеда, когда миссис Гарнет и ее старшая дочь удалились из-за стола, Генри получил возможность снабдить сына хорошим советом.

– Я не думаю, что поступаю хорошо, позволяя тебе ехать в Монте-Карло практически в одиночку. Но я надеюсь, ты будешь разумно себя вести. Мне не хочется быть слишком назидательным, но хочу предупредить тебя о следующих трех вещах: первое, об азартной игре – не играй на деньги. Второе, о деньгах – не ссужай никому в долг. И третье, о женщинах – не имей с ними дело. Хорошо это запомни. И ес-

ли ты воздержись от этих трех соблазнов, ты не принесешь себе большого вреда.

– Хорошо, отец, – сказал Ники, улыбаясь.

– Это мое последнее слово. Я очень хорошо знаю жизнь, и поверь мне, мой совет очень серьезен.

– Обещаю, я не забуду твоего совета.

– Очень хорошо. А теперь можно присоединиться к леди.

Ники не выиграл в Монте-Карло ни у Остина, ни у Крайма, но он и не уронил себя. Он добился неожиданной победы над испанским игроком и провел очень ровную игру с австрийцем. В смешанной паре он даже дошел до полуфинала.

Его обаяние обезоруживало всех, да и сам он получал удовольствие от соревнований. В общем, он хорошо показал себя, и полковник Бребезон сказал ему, что, когда он чуть повзрослеет и наберется опыта, он оправдает надежды своего отца. Соревнования закончились, и на следующий день он должен

Мода.
Хелен Дриден.
1922

был лететь обратно в Лондон. Стремясь играть как можно лучше, он вел себя очень осторожно – курил немного, не выпивал и рано ложился спать. Но в последний вечер он решил увидеть ночную жизнь Монте-Карло, о которой был так наслышан. Игроки были приглашены на прощальный официальный обед, и после него Ники вместе со всеми пошел в спортивный клуб. Он был здесь впервые. В Монте-Карло, как всегда, было полно туристов, они толпились во всех помещениях клуба. Ники никогда раньше не видел игры в рулетку, разве что на картинках. Фишки различного размера были разбросаны по зеленому сукну в совершенном беспорядке, крупье резко вращал колесо и со щелчком вбрасывал в него белый шарик. После, казалось бы, бесконечного вращения, шарик останавливался, и другой крупье широким, равнодушным жестом сгребал фишки у того, кто проиграл.

* «Тридцать и сорок» (франц.). – азартная карточная игра с банкометом.

Потом Ники наблюдал за теми, кто играл в *trente et quarante**, но он ничего не понял в этой игре и подумал, что она очень скучна. Он увидел толпу в другой комнате и поспешил туда. Здесь шла игра в баккара, и он сразу почувствовал ее напряжение. Игроки были защищены от публики медной оградой, они сидели вокруг стола, по девять человек с каждой стороны, а в середине находились крупье и сдающий карты. Из рук в руки переходили крупные суммы. Ники взглянул на бесстрастное лицо сдающего, глаза которого были внимательны, но выражение лица совершенно не менялось. Один из знакомых подошел к Нику.

– Вы что-нибудь выиграли? – спросил он.

– Нет, я не играю.

– Очень умно поступаете. Дурацкая игра. Пойдемте лучше выпьем.

– Хорошо.

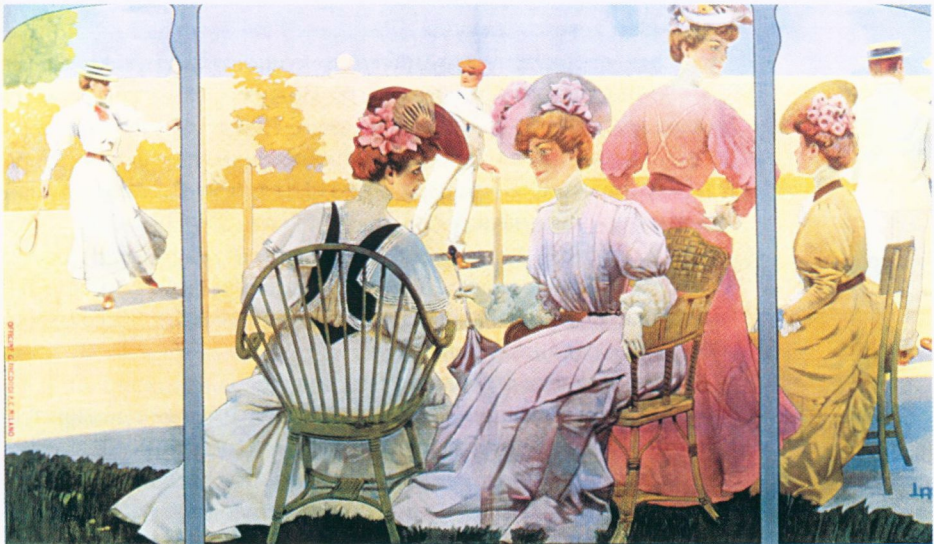
Когда они сели за стойку, Ники признался, что он первый раз в клубе.

– Ну, тогда вам нужно немного рискнуть, прежде чем уйти. Глупо покинуть Монте-Карло, не попробовав счастья. В конце концов, не большая беда потерять сотню франков или около того.

– Я-то не против, но отец советовал мне не играть на деньги.

Но когда приятель покинул его, он подошел к столу, за которым играли в рулетку. Он постоял немного, глядя на проигранные деньги, которые крупье собирал у проигравших, и выигрыши, которые выплачивались счастливым. Трудно было отрицать, игра была захватывающей. Его знакомый прав – глупо покидать Монте-Карло, не выложив какую-нибудь сумму на игральные столы. Это был бы определенный опыт, а в его возрасте любой опыт полезен. Ники подумал, что вообще-то он не обещал отцу не играть, он только обещал не забыть его совет. Но ведь это не одно и то же, правда? Он вытащил из кармана стофранковую банкноту и довольно робко поставил ее на восемнадцать. Он выбрал это число, потому что это был его возраст. С сильно бьющимся сердцем он наблюдал за вращением колеса. Белый мячик кружился как маленький злой демон. Затем колесо замедлило ход, но белый мячик как бы выжидал. Порой казалось, он совсем останавливался, но затем двигался впе-

Леопольд
Метликович.
Теннис. Плакат
нач. XX века

ред. Ники не поверил своим глазам, когда мяч наконец застыл на цифре восемнадцать. Ему передали много фишек, и его руки задрожали, когда он взял их. Похоже, это была большая сумма денег. Ники так растерялся, что даже не подумал вновь продолжить игру. Он больше не собирался играть, одного раза было достаточно. Поэтому он удивился, когда число восемнадцать выпало вновь. На нем лежала только одна фишка.

– Вы выиграли опять, – сказал ему человек, стоящий рядом.

– Разве? Но я ничего не ставил.

– Нет, это ваша ставка. Они обычно оставляют ее, пока вы не потребуете ее обратно. Разве вы не знали этого?

Ему передали еще один пакет с фишками. Голова Ники закружилась. Он сосчитал свой выигрыш – семь тысяч франков. Он вдруг почувствовал себя необычайно умным и сильным. Пожалуй, это самый легкий путь зарабатывать деньги. Казалось, изображения на выигранных им франках улыбались ему. В этот момент он увидел женщину, стоящую позади его. Она улыбалась.

– Вам везет, – сказала она.

Она говорила по-английски, но с иностранным акцентом.

– Мне трудно в это поверить. Ведь я играю первый раз в жизни.

– А, тогда это объясняет ваше везение. Не одолжите ли тысячу франков? Я проиграла все, что у меня было. Но я верну вам через полчаса.

– Хорошо.

Она взяла из пакета большую красную фишку и со словами благодарности скрылась в толпе. Человек, с которым он беседовал раньше, произнес:

– Вы никогда ее больше не увидите.

Ники был смущен. Отец наказывал ему не одалживать никому денег. Как глупо он поступил! Одолжил человеку, которого он никогда раньше не видел. Но в то же время он испытывал в этот момент такую огромную любовь к человечеству, которую ничто не может поколебать. К тому же кто

знает, какова цена этой красной фишки? Бог с ней, у него все еще есть шесть тысяч франков. Он еще раз или два попробует своего счастья, а затем вернется домой. Он поставил на число шестнадцать – возраст своей старшей сестры, но проиграл. Тогда он поставил на двенадцать – возраст своей младшей сестры, – и опять проиграл. Ники вновь ставил, но без видимого успеха. Казалось, его везению пришел конец. Тогда он решил поставить последний раз – и вдруг вновь выиграл. Через час, испытав взлеты и падения, каких он никогда не ощущал в своей жизни, он оказался с фишками, которые не помещались в его карманах. Теперь Ники решил остановиться. Сдав фишки, он получил в кассе двадцать тысяч франков. Он никогда не видел такой большой суммы денег. Он положил их в карман пальто и уже намеревался удалиться, когда увидел женщину, которая одолжила у него тысячу франков.

– Я ищу вас повсюду. Боялась, что вы уже ушли. Что бы вы подумали обо мне. Вот ваша тысяча. Спасибо, что вы одолжили ее мне.

Ники, покраснев от стыда, с удивлением уставился на нее. Как он ошибался в ней! Отец советовал ему – не играй. Но он играл и выиграл двадцать тысяч франков. Отец сказал – не одалживай никому денег. Он одолжил, да еще совершенно незнакомому человеку, и вот ему вернули долг. По-видимому, он не так глуп, как полагает отец, у него есть инстинкт, который позволяет ему без опаски одалживать деньги, и этот инстинкт не обманул его. Но он выглядел таким ошеломленным, что женщина залилась смехом.

– Что это с вами? – спросила она.

– По-правде говоря, я не надеялся получить деньги назад.

– За кого вы меня принимаете? Вы думаете, я кокотка?

Ники покраснел до корней своих вьющихся волос.

– Конечно, нет.

– Неужели я так выгляжу?

– Ни капельки.

Она была одета очень скромно, в темной одежде, с золотым ожерельем вокруг шеи. Простое платье облегло акку-

ратную, изящную фигуру. У нее было маленькое, красивое личико и хорошо причесанная головка. Она была накрашена, но не слишком сильно. Ники решил, что она старше его не больше чем года на три-четыре. Она дружески улыбалась ему.

– Мой муж работает в администрации в Марокко. Я приезжаю в Монте-Карло потому, что он считает, что мне необходима мелочь на расходы.

– Я уже ухожу, – сказал Ники, потому что не мог сказать ничего другого.

– Уже уходите!

– Я должен проснуться завтра рано утром, потому что лечу в Лондон.

– Ну конечно. Ведь теннисный турнир окончен. Я видела вашу игру. У вас прекрасный стиль. И вы прекрасно выглядите в шортах.

Ники не был нескромным юношей, но ему в голову пришла мысль, что она одолжила у него деньги, чтобы познакомиться с ним.

– Вы были в ресторане Кникерброкера? – спросила она.

– Нет, никогда.

– Тогда не уезжайте из Монте-Карло, не посетив его. Почему бы нам не пойти туда и немного не потанцевать? Говоря по-правде, я умираю от голода и мечтаю о кусочке ветчины с яичницей.

Ники вспомнил совет отца не иметь никаких дел с женщинами. Но здесь все было совсем иначе. Почему бы со стороны не полюбоваться маленькой красоткой, зная, что она вполне респектабельная женщина. Ее муж работает в системе Гражданской службы. У его отца и матери были друзья, работающие в этой системе, они приходили к ним на обед. Это были очень благородные люди. Правда, они не были так молоды и изящны, как эта женщина, но она выглядит как настоящая леди. К тому же он выиграл двадцать тысяч франков, так почему же немного не поразвлечься?

– Я с удовольствием составлю вам компанию. Только я не могу долго там задерживаться, так как меня должны разбудить утром в семь часов.

– Мы уйдем тогда, когда вы захотите.

Ники нашел ресторан Кликерброкера совершенно очаровательным. Он с аппетитом умял яичницу с ветчиной. Потом они заказали бутылку шампанского. Они танцевали, и маленькая леди сказала, что он прекрасно танцует. Он знал, что он хороший танцор, но хорошо танцуешь, когда у тебя хороший партнер. Легкий, как перышко. Она прижалась щекой к его щеке, и когда он встретил ее взгляд, она улыбнулась, и это заставило учащенно забиться его сердце. Певица-негритянка пела грудным, чувственным голосом. Зал был полон.

– Кто-нибудь говорил вам, что вы хорошо выглядите?– спросила она.

– Да нет, – рассмеялся он. «Господи, – подумалось ему, – не иначе как она влюбилась в меня».

Ники не был так наивен, чтобы не знать, что нравится женщинам. После ее замечания он крепче прижал ее. Она закрыла глаза, и робкое выражение исчезло с ее губ.

Становилось поздно, и Ники сказал, что ему пора уходить.

– Я тоже пойду. Вы не подбросите меня по дороге в мою гостиницу?

Ники оплатил счет. Он оказался довольно большим, но это не особенно огорчило его, так как его карман был набит деньгами. Они взяли такси. Она прижалась к нему, и он поцеловал ее. Похоже, ей это понравилось.

«Боже, – подумал он. – Как бы чего не произошло».

Отец предупреждал его, что нельзя иметь дела с женщинами, но на самом деле он не обещал ничего, кроме как не забывать его совет. Нет, он не забыл, он хранит его в голове. Но обстоятельства меняют дело. Она – маленькая, хрупкая вещица. Глупо отказываться от приключения, когда его преподносят тебе, как на блюде. Наконец они подъехали к гостинице, и он отпустил такси.

– Я пойду пешком, сказал он. – Подышу свежим воздухом.

– Зайдите ко мне на секундочку, – сказала она. – Я хочу показать вам фотографию моего маленького сына.

– О, у вас есть сын? – воскликнул он с наигранным удивлением.

– Да, маленький прекрасный мальчик.

Он поднялся за ней по лестнице. Он вовсе не хотел взглянуть на фото ее сына, но ему показалось невежливым отказать. Наверное, она хочет показать ему, что он тоже еще ребенок.

Но она не стала показывать ему фотографии своего маленького сына. Как только они вошли в ее номер, она обернулась, обхватила руками его шею и поцеловала его в губы. Его никогда не целовали так страстно.

– Дорогая, – произнес он.

На короткий момент в его мозгу вспыхнуло воспоминание о совете отца, но он тут же забыл о нем.

Ники обычно спал легким сном, и даже легкий звук мог разбудить его. Он проснулся через два-три часа и сначала никак не мог понять, где он находится. В комнате было почти темно, лишь свет из чуть приоткрытой ванной едва освещал ее. Неожиданно Ники почувствовал, что кто-то движется по комнате. И тогда он все вспомнил. Он увидел свою маленькую подружку и хотел уже заговорить с ней, как что-то в ее поведении остановило его. Она двигалась очень осторожно, как будто боялась разбудить его. Раза два она останавливалась, чтобы взглянуть на постель. Он удивился, почему она так себя ведет. Но вскоре он увидел почему. Она подошла к креслу, на котором он оставил свою одежду, и вновь посмотрела в его сторону. Затем довольно долго она оставалась без движения. Тишина была такой, что Ники показалось, что он слышит биение своего сердца. Очень медленно, без шума она взяла его пальто, запустила руку в карман и извлекла оттуда пачку тысячефранковых банкнот, которые Ники так неожиданно выиграл, после чего положила пальто на место, накрыла его одеждой таким образом, чтобы выглядело, что никто его не трогал. Затем с пачкой купюр в руках она вновь замерла. Ники подавил в себе инстинктивное желание немедленно вскочить и схватить ее. Отчасти он был удивлен, отчасти понимал, что это чужой отель и чужая страна, и он

не знал, что случится, если он поднимет шум. Она глядела на него. Его глаза были закрыты, и она была уверена, что он спит. В тишине она могла слышать его размеренное дыхание. Убедившись, что он спит, она вновь тронулась с места и пересекла комнату. На маленьком столике перед окном стоял горшок с цветком. Она с легкостью вытащила цветок, взяв его за стебель, положила банкноты на дно горшка и поставила цветок на место. Это был замечательный тайник. Никто не смог бы догадаться, что находится под пышно цветущим растением. Она утрамбовала пальцами землю в горшке и затем медленно, чтобы не издавать шума, пересекла комнату и шмыгнула в постель.

– Дорогой, – произнесла она вкрадчивым голосом.

Ники дышал ровно, как человек, находящийся в глубоком сне. Маленькая леди повернулась набок и погрузилась в сон. Хотя Ники лежал тихо, его мозг напряженно работал. Он был возмущен сценой, которую случайно увидел, и его внутренний голос звучал громко.

«Да это просто уличная девка. Она, и ее маленький сын, и ее муж из Марокко. Она просто воровка. Считает меня ослом. Она ошибается, если думает, что ей все сойдет с рук».

Он уже решил, что сделает с выигранными деньгами. Он давно мечтал о собственной машине. Нельзя же все время управлять семейным автобусом. За двадцать тысяч франков, за две тысячи фунтов он может приобрести подержанный автомобиль. Он вернет свои деньги, хотя еще не знает как. Не стоит поднимать шум, возможно, у этой чудовищной женщины есть в этом отеле приятели. Он не против честной драки, но терпеть не может, когда на него наставляют оружие. К тому же вряд ли ему удастся доказать, что это его деньги. Она может сказать, что они принадлежат ей, и надо будет обращаться в полицию. Он действительно не знал, как поступить. По глубокому дыханию он чувствовал, что маленькая леди спит. Она сделала свое дело и теперь спит со спокойной совестью. Ники злило, что она мирно спит, а он, лишенный сна, вынужден переживать и ворочаться. И тут ему в голову пришла блестящая мысль. Хорошо, что он со-

хранил спокойствие и не вскочил с постели. Теперь пусть двое сыграют в одну и ту же игру. Она украла его деньги, а он украдет их обратно, и все будет честно, без обмана. Он прислушался, убедился, что женщина спит. Сделал долгую паузу. Она не шелохнулась. Ее дыхание было ровным, как у ребенка.

– Дорогая, – сказал он наконец.

Ни шороха, ни звука. Очень медленно, замирая после каждого движения, он выскользнул из постели. Он остановился на мгновение, проверяя, не потревожил ли ее. Но дыхание женщины по-прежнему было ровным. Ники внимательно осмотрелся, чтобы не наткнуться на мебель и не наделать шума. Он сделал пару шагов, остановился, затем вновь сделал несколько шагов. Ему понадобилось целых пять минут, чтобы добраться до окна. С огромной предосторожностью он взялся за стебель цветка и вынул его из горшка. Другую руку он погрузил на дно, нащупал банкноты и медленно вынул их из горшка. Он вновь поставил цветок в горшок и пальцами прижал землю. После этого он медленно двинулся к креслу, на котором лежала его одежда. Прежде всего Ники положил кипу ассигнаций в карман пальто и стал одеваться. Ему понадобилось для этого четверть часа. Он надел мягкую рубашку и клубный пиджак. Ему было трудно завязать галстук без помощи зеркала, но затем он решил, что нет особой необходимости в том, чтобы галстук хорошо сидел. Его настроение поднялось. Вся история стала казаться ему веселой шуткой. Наконец он полностью оделся, оставалось надеть ботинки, которые он держал в руках. Он решил, что наденет их в коридоре. Он пересек комнату и подошел к двери. Но она оказалась закрытой. Ники осторожно повернул ключ в замке, раздался скрежет.

– Кто там?

Маленькая женщина неожиданно села в постели. Сердце Ники чуть не выскочило из груди. Он сделал огромное усилие, чтобы овладеть собой.

– Это я. Уже шесть часов, и я должен уйти. Я старался не разбудить вас.

– О, я совсем забыла, что вам надо уходить.

Она откинулась на подушку.

– Ну теперь, когда вы проснулись, я надену ботинки.

Он сел на край кровати и обулся.

– Не шумите при выходе. Служащие отеля не любят этого. О, как я хочу спать.

– Засыпайте снова.

– Поцелуйте меня на прощанье.

Он наклонился и поцеловал ее.

– Вы хороший мальчик и прекрасный любовник. Bon voyage.

Ники не чувствовал себя в безопасности, пока не вышел из гостиницы. Небо было чистое, яхты и рыболовные суда

К. Питерс.
Обложка
журнала
«Лайф».
1925

без движения лежали на водной глади гавани. На пристани рыбаки готовились к своему повседневному труду. Улицы были пустынные. Ники глубоко вдохнул свежий утренний воздух. Он чувствовал себя хорошо и бодро. Шагая широким шагом, он спустился с холма, прошел вдоль сада перед входом в казино – цветы ярко сияли в утреннем свете – и подошел к своей гостинице. Здесь день уже начался. Портье в беретах и с шарфами на шее убирало холл. Ники прошел в свой номер и принял горячую ванну. Он лежал в ней и думал, что не такой уж он осел, как некоторые могут о нем сказать. После ванны он сделал зарядку, оделся, собрал чемодан и пошел завтракать. С огромным аппетитом он съел сначала овсяную кашу, затем яичницу, свежую булочку, джем и выпил три чашки кофе. Хотя ему и прежде было хорошо, теперь он почувствовал себя великолепно. Он закурил трубку – он только начал ее курить, оплатил гостиничный счет и сел в автомобиль, чтобы ехать в аэропорт. Улица, по которой они ехали, вела через холмы, а внизу простиралось голубое море и линия берега. Ники расплатился в гостинице не из выигранных денег, а из той суммы, которую выдал ему на расходы отец. После оплаты счета в ресторане у него должно было остаться еще двадцать тысяч франков. Из-за того, что он чуть не лишился их, они для него стали вдвое дороже. Он вынул деньги из кармана, чтобы переложить в портмоне. Но что-то странное привлекло его внимание. Вместо двадцати тысячных купюр он обнаружил двадцать шесть. Он дважды пересчитал их. Но сомнений не было, вместо двадцати выигранных тысяч у него в кармане оказалось двадцать шесть. Неужели он выиграл в клубе больше, чем думал? Но он отчетливо помнил, что на стойке кассы лежало двадцать банкнот. Вдруг он наконец понял, что произошло. Когда он доставал из горшка свои деньги, он забрал все, что там было. Очевидно, цветочный горшок служил копилкой, куда складывались все сбережения. Значит, он забрал не только свои, но и ее деньги. Ники откинулся на сиденье машины и громко рассмеялся. Когда он представил себе, как, проснувшись утром, маленькая обманщица полезет в гор-

шок, чтобы найти там украденные деньги, и не обнаружит ни их, ни своих собственных, он стал смеяться еще сильнее. И ничего изменить нельзя, ведь он не знал ни ее имени, ни названия ее отеля. Он не смог бы вернуть деньги, даже если бы захотел.

– Это послужит ей хорошим уроком, – сказал он сам себе.

Эту историю Генри Гарнет рассказал своим приятелям по покеру после того, как Ники подробно описал все, что произошло с ним в Монте-Карло.

– Больше всего меня выводит из себя то, что он абсолютно доволен собой. Это история о том, как кот съел канарейку. И знаете, что он сказал в конце нашей беседы? Он посмотрел на меня невинными глазами и произнес: «Ты знаешь, папа, мне кажется, какая-то ошибка произошла с советами, которые ты мне дал. Ты советовал не играть, но я играл и выиграл. Ты говорил «не одоуживай деньги», но я одоужил, и мне их вернули. Ты советовал не иметь дела с женщинами, но я имел и в результате заработал еще шесть тысяч франков».

В ответ на это три его приятеля разразились смехом.

– Вам хорошо смеяться, но вы поймите, в какую ситуацию я попал. Мой сын доверяет мне, он принимает все, что я говорю, за святую правду. Но теперь в его глазах я выгляжу как старый дурак. Нет смысла говорить ему, что одна ласточка еще не приносит лета. Он не понимает, что это только удача, для него все произошедшее – результат его хитрости. Но это может сломать ему жизнь.

– Но ты действительно выглядишь немного как старый дуралей, – сказали ему приятели. – Довольно трудно это отрицать.

– Я это знаю, но это ведь несправедливо. К тому же мои советы действительно хороши.

– Куда как хороши.

– Тогда скажите, как мне вести себя в этой ситуации.

– Знаешь, Генри, на твоём месте я не стал бы волноваться, – сказал ему юрист. – Я полагаю, что твой сын родился счастливым, а это лучше, чем родиться умным или богатым.

Владимир Набоков

Лолита

(отрывок)

Я попробовал научить ее играть в теннис, дабы иметь с нею больше общих забав; поэтому в Калифорнии я настаивал, чтобы она взяла некоторое число дорогих уроков у знаменитого бывшего чемпиона, долговязого, морщинистого старика с целым гаремом мячиковых мальчиков. Вне площадки он казался ужасной развалиной, но иногда во время урока, когда для продления обмена он позволял себе удар чистый, как кактусовый цветок, и со струнным звоном возвращал мяч ученице, эта божественная смесь нежной точности и державной мощи напоминали мне, что тридцать лет тому назад, в Каннах, я видел, как именно он в пух и прах разбил великого Гобера! До того как она стала заниматься с ним, я думал, что она никогда не научится играть. На какой-нибудь отдельной площадке я, бывало, тренировал свою бездарную девочку – и передо мной возникали те далекие дни, когда при сильном горячем ветре, в вихре пыли, в тумане страшной усталости, я давал мяч за мячом веселой, невинной, изящной Арабелле (блеск браслетки, плиссированная юбочка, черная бархотка вокруг лба). Каждое мое слово, каждый настойчивый совет только усугубляли угрюмую злобу Лолиты. Странно сказать, нашим упражнениям она предпочитала – по крайней мере, до приезда в Калифорнию – бесформенный перешлеп (и бесконечные поиски мячей) с тоненькой, слабенькой, но удивительно хорошенькой – в стиле *ange gauche* – сверстницей. В качестве зрителя, всегда готового оказать помощь, я подходил к этой чужой девочке и вдыхал ее легкий, мускусный запах, пока трогал ее голую руку и держал ее за кисть с выдающейся косточкой или перемещал туда-сюда напором ладони ее прохладную ногу, чтобы добиться луч-

шей постановки для удара слева. Тем временем Ло, нагнувшись вперед, с солнечно-русыми волосами, падающими через лицо, вбивала ракетку, как трость калеки, в землю и выпускала страшный крик отвращения. Я оставлял их в покое и, сидя в стороне, с шелковым шарфом вокруг шеи, продолжал на них смотреть и сравнивать их телодвижения. Было это в южной Аризоне, кажется, где зимние дни с ленцой, с теплым исподом. Неуклюжая Лолиточка промахивалась и ругалась или попадала примитивной подачей в сетку и в отчаянии поднимала к небу ракетку, показывая влажный, блестящий молодой пух под мышкой, между тем как ее еще более нелепая и не менее прелестная партнерша прилежно кидалась на каждый мяч и все всегда мазала; но обе они развлекались необычайно и ясными, звенящими голосами не переставая вели точный счет в этой своей бессмысленной игре. [...]

От ее теннисной игры я испытывал неистовый зуд наслаждения: могу только сказать, что это было дразнящее, бредовое ощущение какого-то повисания на самом краю – нет, не бездны, а неземной гармонии, неземной лучезарности.

Несмотря на преклонный возраст, она более, чем когда-либо, была нимфеткой в своей теннисной одежде, с абрикосовым загаром на руках и ногах. Крылатые заседатели! Никакой загробной жизни не принимаю, если в ней не объявится Лолита в таком виде, в каком она была тогда, на колорадском курорте между Сноу и Эльфин Стоуном – и, пожалуйста, чтобы все было так же *правильно*, как тогда: широкие белые мальчишеские трусики, узенькая талия, абрикосовая голая поясница, белый грудной платок, ленты которого идут наверх, кругом шеи, кончаясь сзади висячим узлом и оставляя неприкрытой ее до безумия молоденькие и обаятельные лопатки с абрикосовым пушком на них и пре-

Владимир
Набоков с
партнершей по
теннису. 1922

лесные нежные косточки и гладкую, книзу суживающуюся спину! Ее кепка была с белым козырьком. Ее ракетка обошлась мне в небольшое состояние. Дубина, стоеросовая дубина! Ведь я мог ее заснять на кинопленке! Она бы тогда осталась и посейчас со мной, перед моими глазами, в проекционной камере моего отчаяния!

Перед подачей, до того как приступить к действию, Лолита как бы делала передышку, выстаивая два-три такта за меловой чертой, и при этом, бывало, разок-другой бросит мячик об землю или носком белой туфельки поскребет по грунту, всегда свободно держась, всегда оставаясь спокойно-веселой – она, которая так редко бывала веселой в ее сумрачной домашней обстановке! По-моему, ее теннисная игра представляла собой высшую точку, до которой молодое существо может довести сценическое искусство, хотя для нее, вероятно, это составляло всего лишь геометрическую сущность основной действительной жизни.

Изящная ясность всех ее движений находила свое слуховое дополнение в чистом, тугом звоне каждого ее удара. Войдя в ауру ее власти, мяч делался белее, его упругость становилась качественно драгоценнее. Прецизионный инструмент, который она употребляла по отношению к нему, казался в миг льнувшего соприкосновения невероятно цепким и неторопливым. Скажу больше: ее стиль был совершенно точной имитацией самого что ни на есть первоклассного тенниса, лишенной, однако, в ее руках каких-либо практических результатов. Как мне сказала Электра Гольд, сестра Эдузы, изумительная молодая тренировщица, когда однажды я сидел на твердой скамейке, начинавшей пульсировать подо мной, и смотрел, как Долорес Гейз, как бы шутя, гоняла по всему корту хорошенькую Линду Холл (которая, впрочем, побила ее): «У вашей Долли вделан магнит для мяча в самую середку ракетных жил, но, ей-богу, за чем быть такой вежливенькой?» Ах, Электра, не все ли равно – при такой грации! Помнится, присутствуя при первой же их игре, я почувствовал, как усвоение этой красоты меня буквально облило едва выносимым содроганием. У моей Лолиты была чудная манера чуть приподнимать полусогнутую в колене ле-

вую ногу при раскидистом и пружинистом начале цикла подачи, когда развивалась и на мгновение натягивалась в лучах солнца живая сеть равновесия между четырьмя точками – пуантом этой ноги, едва опушенной подмышкой, загорелой рукой и далеко закинутым назад овалом ракетки, меж тем как она обрацала блестящий оскал улыбающегося рта вверх к маленькой планете, повисшей так высоко в зените сильного и стройного космоса, который она сотворила с определенной целью – упасть на него звучным хлестом своего золотого кнута. Ее подача отличалась прямоотой, красотой, молодостью, классической чистотой траектории, но, невзирая на беговой ее темп, ее было нетрудно вернуть, ибо никакой закорючки или изюминки не было у длинного, элегантно подскока ее мяча.

Меня заставляет стонать от обиды мысль, что я мог так легко обессмертить все эти волшебные узоры, запечатлев их на целлулоидной ленте. Насколько они бы превосходили те моментальные снимки, которые я (безумец!) сжег! Ее смэш относился к ее подаче, как октет к секстету в сонете, ибо ее натренировали, мою прелесть, немедленно после подачи просеменить к сетке на проворных, ярких, в белой обуви ножках. Никто бы не смог сказать, что лучше у нее выходит – драйв справа или драйв слева: один был зеркальным отражением другого, – у меня в самых чреслах до сих пор покалывает от пушечной пальбы этих ударов, которым вторили четкое эхо и выкрики Электры. Одной из жемчужин игры Долли был короткий удар с полулета, которому великий Нед Литэм научил ее в Калифорнии.

Она предпочитала сцену плаванию и плавание теннису; все же я чувствую, что, если бы я не подломил в ней чего-то (в то время я не отдавал себе отчета в этом!), ее идеальный стиль совмещался бы с волей к победе и она бы развилась в настоящую чемпионку. Долорес с двумя ракетками под мышкой в Уимблдоне (1952), Долорес на рекламе папирос «Драмадер» (1960), Долорес, ставшая профессионалкой (1961), Долорес, играющая чемпионку тенниса в кинодраме (1962), Долорес и ее седой, смиренный, притихший муж, бывший ее тренер, престарелый Гумберт (2000).

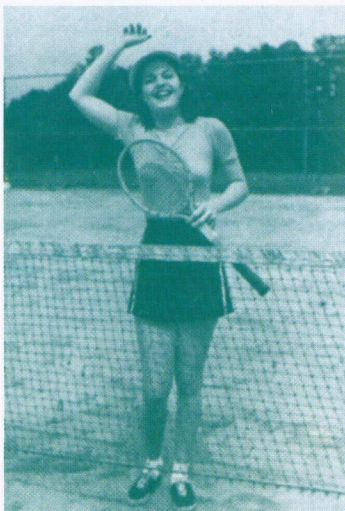
Никакой не существовало лукавинки в ее манере играть – если только не считать за финту нимфетки веселое равнодушие к исходу игры. Она, столь жестокая и коварная в обычной жизни, тут проявляла такую откровенность, такое доброжелательство в смысле пласировки, что даже посредственному, но настойчивому игроку, как бы он коряво и неумело ни играл, удавалось так прихлопывать и подрезывать мяч, чтобы проковырять себе путь к победе. Несмотря на малый рост, она покрывала всю половину (1053 квадратных фута) площадки с необыкновенной легкостью, однажды вступив в ритм обмена и покуда могла этим ритмом управлять; но всякая резкая атака, всякая внезапная перемена тактики со стороны противника приводили ее в состояние полной беспомощности. Ей, скажем, недоставало одного очка, чтобы выиграть партию – тут ее вторая подача, которая, довольно типично, была даже сильнее первой (ибо в ней отсутствовали те внутренние задержки, которые знакомы осторожным игрокам), и мяч звучно ударялся об арфовую струну сетки и отскакивал в аут. Отшлифованная бисерина подрезанного удара подхватывалась и возвращалась в угол противником, у которого, казалось, четыре ноги и кривой гребок в руках. Ее драматичные драйвы и восхитительные слётники пренаивно падали к его ногам. Вновь и вновь она мазала легкий мяч – и, смеясь, пародировала досаду тем, что склонялась вперед в балетном изнеможении, с повисшим со лба локоном. До того бесплодными оказывались ее грация и блеск, что она даже не могла побить пыхтящего Гумберта, основной удар которого был старомодный «подъёмный» драйв.

Думаю, что я особенно чувствителен к магии игр. В моих шахматных сессиях с Гастоном я видел вместо доски квадратное углубление, полное прозрачной морской воды с редкими раковинами и каверзами, розовато светящимися на ровном мозаичном дне, казавшемся бестолковому партнеру мутным илом и облаком сепии. Первую же теннисную учебу, которой я так мучил Лолиту (до того как уроки великого калифорнийца явились для нее откровением), я теперь вспоминал

как нечто гнетущее и горестное – не только потому, что мою безнадежную ученицу так отвратительно раздражал каждый мой совет, но еще и потому, что драгоценная симметрия корта, вместо того чтобы отражать дремавшую в ней гармонию, оказывалась исковерканной вконец неуклюжестью и усталостью ребенка, которого только злила моя педагогическая бездарность. С тех пор все переменялось, и в тот день, в ясной колорадской атмосфере Чемпиона, на превосходнейшем корте у подножия крутой каменной лестницы, ведущей к отелю «Чемпион», где мы стояли, мне почуялось, что я могу отдохнуть от кошмара неведомых измен, окунувшись в чистоту ее стили, ее души, ее неотъемлемой грации.

День был безветренный. Она дурила крепко и плоско, со свойственным ей вольным махом, возвращая мяч за мячом над сеткой в глубь корта, и ритмический распорядок этих ударов был так классически прост, что собственное мое передвижение сводилось в общем к плавному прогуливанию туда-сюда – настоящие игроки поймут, что я тут хочу выразить. Сильная, довольно скошенная подача, которую я унаследовал от отца (научившегося ей, в свою очередь, от французца Декюжи или бельгийца Бормана – старых его друзей и великих чемпионов), наделала бы Лолите немало трудностей, захоти я их причинить. Но кто бы решился смутить такую ясноглазую милочку? Упомянул ли я где-нибудь, что ее голая рука была отмечена прививочной восьмеркой оспы? Что я любил ее безнадежно? Что ей было всего лишь четырнадцать лет?

Любознательная бабочка, нырнув, тихо пролетела между нами.

Уильям Тилген

Убийственный драйв призрака

Бесплотный дух Старого Чемпиона одной рукой лениво перебирал золотые струны небесной арфы, а другой оправлял складки своей белоснежной одежды.

Уже прошло около двадцати лет по земному времени с тех пор, как он покинул мир скорби и раздоров и присоединился к небесному хору. Тем не менее он до сих пор ощущал свою связь с земным миром. Для него рай так и не стал райским местом. На самом деле, он никогда не чувствовал, что превратился в совершенно бестелесное, пустое место. Он знал, что не навсегда покинул землю, напротив, с каждым днем у него росло желание вернуться назад.

Арфа смолкла, когда дух Старого Чемпиона погрузился в воспоминания о земном мире, он сидел, положив руки на колени. В Небесном Городе, или как его там еще называют, прибывали с земли души вновь усопших, они несли с собой комья облаков, которые обрушивались на него. Старый Чемпион увернулся и поднял арфу, чтобы защититься от них.

«Тванг» – с таким звуком облака натолкнулись на золотые струны арфы.

Этот звук напомнил Старому Чемпиону что-то знакомое, что было в его земном существовании. Где-то, когда-то на земле он уже слышал подобный звук, который живо отозвался в его душе. Что это было и какой инструмент его производил? Это были струны, но не золотые, кажется, желтого цвета, натянутые на куске дерева.

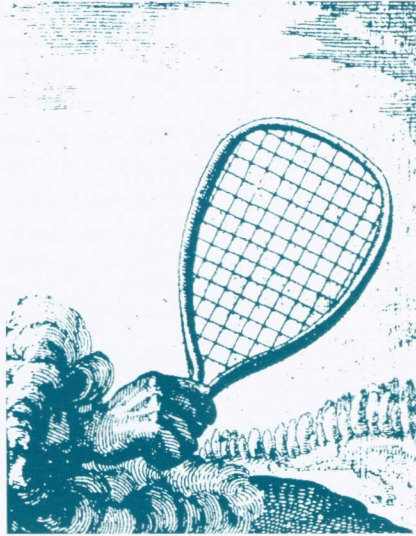
Неожиданно дух Старого Чемпиона вскочил с золотого кресла, уронив к ногам золотую арфу. Он вспомнил, как назывался этот предмет. Конечно же, это ракетка, теннисная ракетка, его старая, любимая теннисная ракетка. Почему он

не взял ее с собой двадцать лет назад? Он вспомнил, что американцы, которых он разгромил в самом трудном матче своей жизни, взяли его ракетку в память об этом событии, и теперь она, быть может, потеряна, утрачена навсегда. Но он ее найдет, он сейчас же отправится на ее поиски.

Он собрался послать прошение в Небесную Канцелярию, но вовремя вспомнил, что год назад он уже обращался туда с просьбой посетить землю, но получил ответ, что сможет это сделать только через два столетия. До этого он не получит разрешения на посещение земного мира.

Он внимательно обдумал ситуацию. Через два столетия ракетка пропадет или вообще превратится в прах. Только сегодня король Тут признался ему, что многие сокровища, положенные в его усыпальницу, были похищены, прежде чем она была открыта. Нет, теперь или никогда, решил Старый Чемпион. Отлично, он попытается использовать свой шанс. Раз так, он сбежит из рая на землю без разрешения.

Коренастый и очень взволнованный восемнадцатилетний юноша стоял перед судейским столом в Вэстсайд-клубе на Форест-Хилл в Лонг-Айленде. Его рыжеватые волосы в свободной манере спускались на лоб. За столом сидел представительный джентльмен, перед которым лежала таблица предстоящих соревнований.

В этот день было открытие чемпионата США по лаун-теннису. Председательствующий джентльмен был ни кто иной, как мистер Хайрок, бывший президент Ассоциации тенниса.

– Как ваше имя?

– Сэр, я Бобби Уайтлок, – срывающимся голосом ответил юноша.

– А, это вы, Уайтлок. Рад видеть вас. Вы будете играть против Ричарда Томаса на главном корте в три часа. На верхнем этаже вы найдете зарезервированное для вас отделение в раздевалке. Томас уже там. Пожалуйста, быстрее переоденьтесь.

Мистер Хайрок отвесил юноше прощальный кивок и повернулся к своему столу.

Бобби Уайтлок поднялся по лестнице в раздевалку. Он был изумлен. Играть против самого Дика Томаса! Для Бобби это было первое участие в соревнованиях, тогда как Дик Томас был известной личностью в американском теннисе в течение двадцати лет. Томас тоже когда-то был начинающим теннисистом. Уже в шестнадцать лет к нему пришла слава после того, как он упорно сражался в незабываемом пятисетовом матче на Уимблдоне против знаменитого Старого Чемпиона, Эла Смита, незадолго до его преждевременной кончины. Теперь в свои тридцать шесть лет он был величайшим теннисистом Америки, уступая только Билли Джолсону.

Бобби не мог поверить, что он действительно будет играть против Томаса. Может быть, произошла ошибка. Все еще погруженный в размышления, он автоматически открыл свой шкафчик в раздевалке и стал переодеваться. Атлетически сложенный человек в другом конце раздевалки наблюдал, как молодой теннисист вынимает из чехла свою единственную ракетку.

– Вы участвуете в первенстве? – спросил человек дружеским голосом.

– Да, вот пытаюсь. – Пальцы юноши нервно теребили теннисный чехол. – На многое я не рассчитываю. Наверное, буду разбит в первом же сете.

– О, я думаю, вы сыграете намного лучше, – смеясь, заметил незнакомец, надевая тенниску. – Против кого вы играете?

– Боюсь, я вообще не смогу играть с кем-либо.

Услышав неподдельную горечь в его голосе, человек повернулся к юноше. Тот уставился на свою ракетку, лежавшую перед ним. В центре ее три струны потеряли натяжку.

Юноша обернулся к незнакомцу.

– Это моя единственная ракетка.

– Не волнуйтесь. Мы ее как-нибудь поправим. Кто же ваш противник?

– Дик Томас.

– Вот это да. Как вас зовут?

– Уайтлок, Бобби Уайтлок.

– Хорошо, Бобби, попробуй мою ракетку. А я – Томас.

Юноша было расцвел, но потом его лицо опять вытянулось.

– Нет, мистер Томас, я не смогу ею воспользоваться.

– Почему, не ваяяй дурака, попробуй ее, может, она подойдет тебе.

Томас протянул ракетку «Райт и Дитсон», модель, которой он пользовался многие годы.

– Спасибо.

Бобби взял ракетку и с силой помахал ею в воздухе. В его руке она выглядела дубиной, ее ручка оказалась слишком большой. Похоже, она весила целую тонну.

Томас тревожно посмотрел на юношу. «Слишком тяжелая. К сожалению, все мои ракетки одинаковы».

– Ничего, мистер Томас, я как-нибудь воспользуюсь своей.

– Ты не сможешь, Бобби, это невозможно. Покажи-ка мне твою ракетку.

Бобби протянул ракетку Томасу. Тот с удивлением посмотрел на нее, она показалась ему слишком старомодной. Ею пользовался еще отец Бобби, прежде чем она перешла в его собственность. «Где же я мог видеть нечто подобное», – подумал Томас. Он нажал кнопку звонка, и вошел служащий.

– Пожалуйста, попросите Джорджа прислать мне старую ракетку, которую я передал ему для выставки.

– Вы имеете в виду ваш «Райт и Дитсон», мистер Томас?

– Нет-нет. Мне нужна старая английская ракетка, Джордж знает ее.

Служащий повернулся и вышел, а Дик повернулся к Бобби.

– У меня есть для вас ракетка. Ее дал мне Смит, знаменитый Старый Чемпион, после того, как он побил меня на Уимблдоне в 1903 году. Необычная история, это был мой первый большой матч, так же как у вас сегодня. А для него это был последний матч, он неожиданно умер через неделю после этого. Я дорожил этой ракеткой, ее рама до сих пор выглядит как новая. Неделю назад его клуб попросил у меня ракетку на выставку, которая будет демонстрироваться на протяжении этого первенства. Я передал ее им, и Джордж натянул новые струны. Я думаю, вы можете воспользоваться ею.

– Большое спасибо, мистер Томас. Но, может быть, не стоит? Вдруг что-нибудь с нею случится.

– Ничего не случится. Вот и ракетка, давайте, пробуйте.

Бобби нетерпеливо схватил ее. Это была полная копия его собственной ракетки.

– Да, выглядит она замечательно.

– Это модель «Пим», как и у вас, и почти такой же вес и баланс. Торопитесь, время начинать.

Подхватив ракетку в одну руку и подталкивая Бобби другой, Дик Томас поспешил к лестнице.

Дух усопшего Старого Чемпиона был вновь на земле. Он выскользнул из райских врат, воспользовавшись тем, что святой Петр был занят вновь прибывшими душами, жертвами извержения вулкана в Южных морях. Его отсутствие не произошло незамеченным, но оно оказалось весьма кстати, так как брошенную им арфу подхватили вновь прибывшие.

Старый Чемпион не был полностью счастлив. Он наслаждался тем, что был невидим на земле, но полной радости не испытывал. Он никак не мог вспомнить имя молодого американца, которому передал свою любимую ракетку. Двад-

цать лет пребывания в раю, где основным языком была музыка, серьезно подорвали его способности читать или понимать разговорную речь. Но постепенно забытое восстанавливалось в его памяти, так что вскоре он смог читать газеты из-за чужой спины.

В Бостоне, где он остановился на короткое время, он вдруг вспомнил имя своего юного друга. Он просматривал отдел спортивных новостей в газете, которую держала перед собой молодая леди в холле гостиницы «Копли Плаза», кокетничающая с сидящим рядом джентльменом. Его внимание привлекло объявление на первой странице:

«Первенство Америки по теннису открывается сегодня. Ричарду Томасу предоставляется право открытия турнира во встрече с молодым Уайтлоком».

Ричард Томас! Вот имя, которое он пытался вспомнить. В волнении Старый Чемпион подошел ближе и схватил газету.

Леди вскрикнула и вскочила на ноги. Джентльмен поспешил ей навстречу.

– Что случилось?

Девушка бессознательно рассмеялась.

– Ничего особенного. Только моя газета вдруг дернулась, а я от неожиданности вскрикнула.

– Присаживайтесь рядом со мной, и с вами ничего не случится, – назидательно сказал мужчина.

Старый Чемпион парил в пространстве над сидящими. Где же будет играть Томас? А вот, на Форест-Хилле в Лонг-Айленде. И он беззвучно полетел в пространстве по направлению Нью-Йорка.

Для открытия чемпионата, который начинался игрой Дика Томаса и Бобби Уайтлока, была построена огромная трибуна. На открытие прибыли популярные ветераны, их появление на трибуне вызвало восторг публики.

Бобби Уайтлок чувствовал себя овцой, приведенной на заклание, слушая, какой прием вызывает на трибунах появление его оппонента. Эту красочную сцену застал дух Старого Чемпиона, прибывший на открытие. Его земное существование становилось вполне реальным: он уже чувствовал твер-

дую почву под ногами, слышал звук мячей под ударами ракеток и чувствовал их соприкосновение со струнами.

Два игрока разминались, готовясь к матчу. Дух подлетел к площадке и, паря над сеткой, увидел Томаса, с которым много лет назад он играл в своем последнем матче на земле.

Это был все тот же быстрый, грациозный Дик, который не очень-то изменился за это время. Как бы хотел он, Старый Чемпион, оказаться на месте Бобби Уайтлока. Неожиданно ракетка в руках юноши привлекла его внимание. Не может быть! Да, на рукоятке были царапины, которые он сам сделал, когда однажды бросил и пнул ее в сердцах. Перед ним была его любимая старая ракетка. Он может опять почувствовать ее в своих руках. Нет! Слишком поздно, судья на вышке уже объявил начало игры. Хорошо, он воспользуется другим шансом.

Невидимый, он слетел вниз и растворился в теле юноши, его рука обхватила рукоятку ракетки вместе с рукой Бобби. Ракетка взвилась в воздух, молниеносная подача – ничего подобного Бобби до сих пор не делал – обрушилась на половину корта Томаса.

– Пятнадцать–ноль.

Сам Бобби, не говоря о Томасе и наблюдающих зрителях, был поражен. Произошло что-то неожиданное.

Дух Старого Чемпиона был в игривом и живом настроении. Ничего в своей земной жизни он не любил больше, чем играть в теннис. И никогда он не играл лучше. Он увлекал молодое, лишенное усталости тело Бобби, носясь по всему корту, нанося замечательные удары из любого места и в любом направлении. Разгневанный Дик Томас старался остановить эту безумную, своенравную атаку. Но грандиозный, ураганный драйв, который расчистил его корт, заставил ветерана отойти на заднюю линию.

Старый Чемпион был признанным игроком задней линии. Его замечательный удар по диагонали принес ему прозвище «Король драйва» и «Демон драйва». Чувствуя ракетку в своих руках, дух Чемпиона автоматически возвращался к своему старому стилю.

Публика наблюдала матч в изумлении. Даже журналисты не могли понять игру Бобби. Один из них вновь и вновь зачарованно повторял: «Посмотрите. Это воскресение старика Смита!»

Среди игроков каждый спрашивал друг друга, где это Бобби научился старому стилю игры. Все соглашались, что юноша хорошо играет и что его техника находится на высоте.

Когда Бобби выиграл второй сет, Билли Джолсон не удержался и вскочил со своего места.

– Это замечательно, я только раз видел подобную игру, когда на корте был англичанин Парк. Говорят, что Эл Смит играл на задней линии лучше, чем Парк. Но где это паренек научился этому стилю?

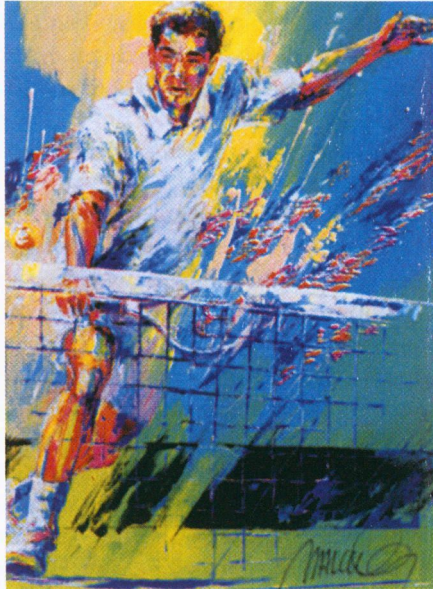
На скамейке для ветеранов сидели три чемпиона кубка Дэвиса, которые были звездами тенниса двадцать пять лет тому назад. Один из них заметил:

– Я скажу вам, что эта игра – копия игры старого Эла Смита. Я играл с ним на Уимблдоне в 1898 году, и сегодня я видел точное подобие этой игры.

– Может быть, душа его вселилась в тело этого паренька? – иронично заметил другой.

Третий ветеран возмущенно заметил:

– Смейтесь сколько хотите, но я точно знаю, что старина Смит побывал сегодня на корте. Это замечательно.

Малкольм Ферли.
Портрет Пита Сампраса

Матч оказался коротким. Бобби Уайтлок был объявлен победителем со счетом 6:4, 6:3, 7:5. Толпа, которая собралась, чтобы увидеть его изничтожение, приветствовала появление нового героя.

Бобби был сенсацией дня. Пресса долго и громко воспевала его. Все эти истории дух Старого Чемпиона читал через плечо ничего не подозревающих людей в холле отеля «Вандербилт», посмеиваясь в тишине небесной благодати. В особенности ему понравилась статья, принадлежащая журналисту-ветерану, который писал, как играли в теннис еще тридцать лет назад.

«Такой замечательный удар справа на этом корте никто не видел со времен известной теннисной звезды Эла Смита. Стиль молодого Уайтлока удивительно напоминает игру великого англичанина. Это выглядело так, будто рука Смита управляет ракеткой. Те, кто верует в воскресение, могут увидеть в Уайтлоке свидетельство возвращения чемпиона Смита.

Курьезен факт, что вчерашняя игра Уайтлока совершенно отличается от того, как он играл до сих пор. Его будущие встречи будут внимательно наблюдаться комитетом кубка Дэвиса, поскольку, как кажется, он достигнет вершины теннисной славы».

Старый Чемпион ощущал свое небесное тело в экстатическом состоянии радости. Слава Богу, на земле есть хоть один человек, который помнит его лучшие игры и хочет увидеть их вновь. Он решил остаться и помочь пареньку выиграть, если он сможет, а он чувствовал, что сможет.

Успешный день упрочил веру Бобби в себя. Достигнув полуфинала, он, или, скорее, Старый Чемпион, уверенно и не без артистизма справился с молодым Ричардом Винсеом, продемонстрировав такой совершенный драйв, что пресса вновь заговорила о возвращении «Короля драйва».

Тем временем Бобби, сохранив у себя ракетку Старого Чемпиона, на всякий случай отремонтировал свою собственную.

День финала оказался теплым и солнечным. Вереницы машин с самого утра прибывали на Форест-Хилл. Уже в де-

сять часов утра у ворот клуба образовалась толпа болельщиков. К двум часам каждый дюйм пространства был заполнен публикой, которая нетерпеливо дожидалась теннисного сражения за титул чемпиона Америки между чемпионом прошлого года, теннисистом из Калифорнии Билли Джолсоном и Бобби Уайтлоком, «Демоном драйва». Вокруг корта на месте судей на линии сидели пять бывших чемпионов Америки, а на вышке восседал старшина судей Эдди Конгдон.

Бобби вышел на площадку под восторженные крики болельщиков. Над его головой, улыбаясь небесной улыбкой, парил Старый Чемпион, который готовился к игре. Билли Джолсон, живой, нервный, энергичный и жилистый человек, вышел из клубного помещения и сердечно приветствовал Бобби. Оба теннисиста были окружены армией фотографов, нетерпеливо ожидающих начала борьбы.

При розыгрыше подачи право подавать досталось Джолсону.

Разминка была короткой. Джолсон находился в прекрасной форме, а Бобби демонстрировал скорость и мощные драйвы.

– Судьи на линии готовы? Игроки готовы? Игра! – прокричал Конгдон со своей вышки, и Джолсон начал подавать.

Старый Чемпион сразу почувствовал, что имеет дело с более упорным оппонентом, чем те, с которыми он встречался, будучи во плоти. Современный теннис, так, как его демонстрировал Билли Джолсон, ушел далеко от того тенниса, который он знал при жизни. Во времена Старого Чемпиона было достаточно отойти назад и бомбардировать своего противника мощными ударами, ожидая того момента, когда его можно поразить убийственным драйвом. В те блаженные дни теннисисты редко выходили к сетке, чтобы погасить мяч.

Джолсон опрокинул все правила Старого Чемпиона о том, как надо играть. Во-первых, в игре Джолсона не было никаких слабостей, а во-вторых, что еще хуже, он не давал возможности другому игроку сильно ударить. Было невоз-

можно предвидеть, что Джолсон предпримет в следующий момент. Время старой игры, рассчитанной на сильный удар, ушло. Прошлогодний чемпион подрезал, подавал свечи, укорачивал и постоянно выходил к сетке, проявляя такое тактическое разнообразие, что это выводило из себя Старого Чемпиона.

Даже его замечательный драйв, исполняемый со всей мощью молодым телом Бобби, ничего не мог поделать с замечательной игрой Джолсона. Порой он делал паузу. Первые шесть геймов были сыграны со счетом три-три только благодаря помощи небесной тактики. В конце концов Джолсон не выдержал и пошел к сетке. Это открыло для Старого Чемпиона боковую линию для его молниеносного драйва. Он пробил в брешь, образовавшуюся в обороне, и Бобби выиграл первый сет 6:4.

Джолсон был раздосадован. Это смехотворно. Никому не известный юноша, появившийся неведь откуда, ведет себя как без пяти минут чемпион. Молча, упрямо и угрюмо он продолжал сражаться с молодым теннисистом.

Бобби гонялся за мячами по всем углам площадки, а Джолсон атаковал все безжалостнее и упорнее. Старый Чемпион устал, он был слишком разгорячен и раздражен. Он не мог воспользоваться своим превосходным драйвом, так как ноги Бобби не успевали донести тело Бобби до той точки, откуда Старый Чемпион мог бы произвести свой удар справа. Задышавшись, тяжело дыша Бобби проиграл сначала второй (6:3), а потом и третий сет, 6:4.

Десять минут отдыха позволили ему восстановить дыхание и сменить грип на ручке ракетки. Финальная борьба будет до победного конца.

Один—один.

Два—два.

Три—три.

Четыре—четыре.

Игра развивалась с монотонной правильностью. Оба игрока сохраняли свои подачи, стараясь удержать ожесточенный натиск противника. Это был мощный, энергичный, вызы-

вающий благоговение классный теннис. Два величайших мастера ударов справа схватились в смертельной схватке, не уступая противнику ни сантиметра.

Прошлогодний чемпион понимал ситуацию острее, чем кто-либо другой. Сегодня или никогда. Позади были восемь геймов. Борясь с растущей усталостью, Джолсон сражался с упорной решимостью, на которую только был способен.

В девятом гейме счет был 30:40 в пользу Джолсона, но Бобби провел два прекрасных удара по диагонали корта и повел в счете. Джолсон пошел к середине площадки, полагая, что сильный удар с короткой дистанции позволит наконец смять Бобби. Но при этом он открыл заднюю линию, и Старый Чемпион увидел брешь, в которую он мог положить мяч. Он отвел руку Бобби назад и приготовился послать мяч своим замечательным драйвом, который вошел в историю тенниса уже двадцать лет назад.

Крэк! Деревянная рама ракетки треснула, и мяч, потеряв силу, мягко упал в сетку. Бобб остановился, глядя на треснувшую ракетку в своих руках. Потом с угрожающим криком он бросил ее под судейскую вышку и схватил свою старую ракетку.

– Ровно, – объявил судья.

Старый Чемпион парил над своей любимой ракеткой. Он увидел, что восстановить ее нельзя. Никогда больше она не будет служить его воле и выполнять его желания. Стоило ли покидать рай ради всего этого!

Старый Чемпион вновь вернулся в тело Бобби. Его невидимая рука обхватила ракетку юноши. Каким-то образом он почувствовал, что что-то не так. Он знал, что эта ракетка абсолютна такая же, как его, но ощущал какой-то внутренний с ней разлад. Джолсон подавал, а они с Бобби отвечали.

Мяч пришелся в квадрат подачи. Старый Чемпион чуть не плакал от огорчения, тогда как Бобби старался подобрать безжалостный драйв Джолсона. Теперь он понял то, чего не понимал раньше. Материальные вещи не имеют цены для него. Для мира, частью которого он стал, смыслом обладают только любовь и высокие чувства. Он горячо любил свою

старую ракетку, которая позволяла ему так хорошо играть. Теперь, когда ракетка, состоящая из дерева и животных жил, распалась на части, он сам почувствовал себя бесполезным.

На следующий день все газеты отмечали, что игра Уайтлока совершенно расстроилась после того, как он сломал ракетку. Окончательный счет – 4:6, 6:3, 6:4, 6:4 – свидетельствовал о его полном разгроме.

Дик Томас поспешил к Бобби, после того, как пожав руку Джолсону, тот направился к выходу.

– Ты хорошо играл, Бобби.

– Спасибо, мистер Томас. Я ужасно извиняюсь, но я сломал вашу ракетку.

– Все в порядке. Не беспокойся о ней. Я хочу подарить тебе ее на память об этом соревновании.

– Спасибо, мистер Томас. Я никогда так не играл прежде и, наверное, никогда не смогу играть в будущем. Я чувствовал, что кто-то учит меня тому, чего я не знал до сих пор. Теперь я знаю, что освоил этот удар драйвом и смогу им пользоваться. Сначала я не думал, что это мой удар, но теперь я знаю, что он принадлежит мне.

– Прекрасно, Бобби. Где же ракетка?

– Я оставил ее под судейской вышкой.

– Но ее здесь нет.

– Должна быть. Я оставил ее здесь.

– Нет, Бобби, ее нет.

Ракетка исчезла.

Утомленный дух Старого Чемпиона тревожно прогуливался у золотых райских врат. Они были закрыты. Он не знал, как попасть внутрь, а он так нуждался в отдыхе. Даже игра на арфе казалась ему неподходящим занятием в данный момент. Неожиданно Старый Чемпион почувствовал руку на своем плече. Оглянувшись, он увидел позади себя стража ворот с ключами в руках.

– Где ты был?– спросил страж.

– В самовольной отлучке на земле, – коротко ответил Старый Чемпион.

– Замечательно, я тоже. А что у тебя в руках?

Старый Чемпион бессознательно держал в своих руках расколовшийся кусок дерева и струны на нем. Затем ему вернулось воспоминание о том, что произошло сегодня после полудня.

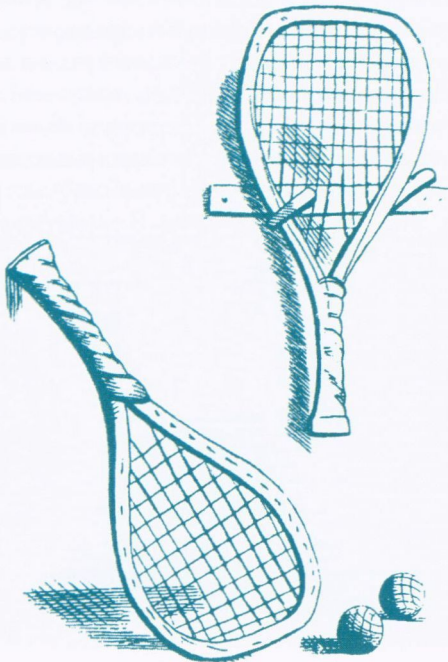
– Это моя старая теннисная ракетка, которой я пользовался, когда жил на земле.

– А, теннис! Прекрасно! Научишь меня играть в него?

– Нет, – с чувством вскричал Старый Чемпион. – На земле теннис должен быть раем, но если современный теннис попадет в рай, то рай станет адом. Позвольте мне войти.

Удивленный страж райских ворот открыл золотой замок с помощью золотого ключа, и два духа вошли в рай, один пошел сторожить врата, а другой – искать свою арфу.

Забывтая ракетка осталась лежать у входа в рай.

Роджер Эйнджелл

Теннис

О моем отце известно, что он замечательно играет в теннис. Точнее сказать, играл, так как в прошлом году он распрощался с этой игрой. Но даже прошлым летом, когда ему исполнилось пятьдесят пять, его игру стоило посмотреть. Он никогда не играл в тот теннис, в который обычно играют люди среднего возраста. Он не позволял себе таких штучек, как бесконечные подрезки и укороченные мячи, не отсиживался на задней линии, в общем, избегал всего того, к чему прибегают пожилые люди, когда они полнеют и не желают слишком много бегать по площадке. Это было не для него. Он по-прежнему придерживался тактики – либо все, либо ничего. Он предпочитал большой теннис – жесткая подача и немедленный выход к сетке. Такая игра требует много беготни, но он по-прежнему предпочитал такой стиль. Конечно, в последние годы он стал делать много ошибок, и это его чудовищно раздражало. Но он не менял своей тактики. Поэтому стоило посмотреть на то, как он играл. Все говорили об этом. В конце недели вокруг корта, на котором он играл, собиралась небольшая толпа. И когда он и его партнеры уходили с корта после парной игры, жены обнаруживали, что их мужья покраснелись и еле дышат. А мой старик только улыбался и было непохоже, что он запыхался после всей этой беготни на заднюю линию за свечами. И они говорили: «Послушай, Хью, я не понимаю, как тебе это удастся в твоем возрасте. Завтра же я запрещу Стиву (Биллу или Тому) курить сигареты и посажу его на диету. Он на десять лет моложе, но только посмотрите на него». На что мой старик улыбался, качал головой и, закуривая сигарету, говорил: «Это все оттого, что мне приходится много играть». И минутой позже он оглядывал публику, загорающую на лужайке, и выбирал меня или кого-нибудь из

молодых парней и предлагал: «А не сыграть ли нам одиночный сет?»

Если вам знаком северный Джерси, у вас есть шансы знать моего отца. Его зовут Хью Майнот, он из района Монтклэр, а не из Нью-Брунсвика. В этом районе живут богатые агенты по недвижимости. Мои отец и мать владеют тридцатью пятью акрами земли в Монтклэре, на которых имеется большой огород, бассейн, теннисный корт. Неплохой дом. Мой отец стал известным, играя в футбол, и это помогло ему, когда он занялся бизнесом. Он не играл в теннис в колледже, но после учебы занятия футболом помогли ему овладеть техникой игры в теннис. Конечно, я был слишком мал, чтобы запомнить, как он играл в молодости, но друзья говорили мне, что это была игра высшего класса. Он легко вошел в игру, и даже профессионалы говорили ему, что если бы он начал играть пораньше, то мог бы добиться многого, например, занять в национальном рейтинге место где-нибудь во второй десятке. Так или иначе, он увлекся теннисом и, как я полагаю, в течение двадцати лет не пропустил летом ни одного из уик-эндов. Он даже стал членом одного из этих престижных теннисных клубов в Нью-Йорке с крытыми кортами, так что мог играть и зимой. Однажды, как я помню, он играл с Алисой Марбл и Сидни Вудом. Он много раз рассказывал об этой игре моей

*Неизв. художник.
Партия в теннис
в Америке.
1886*

матери, но это как-то до нее не доходило. Она сама попробовала играть, так, для удовольствия, но играла не слишком хорошо и быстро бросила это занятие. Сейчас все свое время она уделяет огороду и редко приходит на корт, даже для того, чтобы посмотреть на чью-то игру.

Я играю в теннис как мой отец. О, нет, не так хорошо, как он. Но близко к его уровню, хотя у меня нет большого опыта. Но в действительности это тот же теннис. Те, кто видел нас играющими вместе, говорят, что мы оба наносим удар одинаковым способом. Может быть, удар слева у меня немного лучше, и мне кажется, что у моего отца при ударе справа мяч не опускается достаточно низко. Но в общем-то мы играем в равную игру. Это неудивительно, потому что именно он научил меня играть. Отец начал заниматься со мной, когда мне было девять или десять лет. Он тратил на меня целое утро, обучая одному-единственному удару. Я полагаю, он был хорошим учителем, но теперь, когда я вспоминаю эти уроки, мне кажется, что они как-то обескураживали нас обоих. Похоже, я медленно усваивал его уроки, а он нервничал и кричал мне: «Выпрями руку! Выпрями руку!» И в результате удар у меня получался еще хуже. Оба мы были счастливы, когда уроки кончились.

Я не думаю, что отец играл много лучше меня. Долгое время мы были равны. Я до сих пор помню день, когда я впервые выиграл у него одиночную игру. Это было в июне 1937 года. Я довольно много играл в школе, и это был мой первый уик-энд после школьных занятий. Мы стали играть рано утром, когда никого на площадке не было, и, как обычно, он выиграл первый сет, кажется, со счетом 6:1. Я играл намного хуже, чем обычно, на это были, очевидно, какие-то причины. Но в следующем сете я выиграл у него несколько эйсов и взял сет со счетом 7:5. Это была замечательная игра, и я был на вершине блаженства, когда она кончилась. Я помню, как помчался бегом в дом, чтобы сообщить о моей победе матери. Отец тоже вернулся в дом и, улыбаясь, сказал матери: «Эми, похоже я состарился».

Но не думайте, что после этого я стал побеждать его.

Это стало настоящей бедой для меня. Мне уже исполнилось пятнадцать или шестнадцать лет, я уже достаточно вырос и начал думать: «Хорошо, пришло время побить его, ведь он уже немолод». Но он постоянно выигрывал у меня. Как-то получалось, что против него я никогда не играл хорошо. Даже когда я начинал стараться, я допускал еще больше ошибок, огорчался и моя игра разлаживалась.

Я помню, как однажды в мае с двумя приятелями и тремя девушками из колледжа мы поехали повеселиться в Монтклер. Мы развлекались, как могли. Но потом пришли на теннисный корт, и, конечно, отец был там. Мы, дурачась, сыграли смешанную пару, но затем отец спросил, не хочу ли я сыграть с ним одиночку. Это было типично для него. И конечно, счет был 6:2, 6:3 или что-то в этом роде. Во втором сете мы действительно сражались друг против друга изо всех сил, и мои приятели внимательно смотрели, как мы играем, как будто это был Форест-Хилл. А когда мы кончили, Алиса, за которой я тогда ухаживал, сказала мне: «Я думаю, что твой отец замечательный человек. Просто замечательный. Ты так не думаешь?» Может быть, она хотела смягчить мой проигрыш, но это был бессмысленный вопрос. Что я мог сказать, кроме «да»?

Когда я учился в колледже, я стал немного играть в гольф. Мне нравилась эта игра, и я даже вступил в клуб и получил там пару уроков. Я написал о своем увлечении отцу. Хотя он никогда не играл в гольф, он ответил мне с некоторой иронией, говоря, что это игра для пожилых людей. Он просто высмеял меня. А что я мог еще ожидать от него? Понятно, что после этого я старался больше не упоминать дома о гольфе.

В колледже я немного играл в сквош и даже был включен во вторую команду. Но я никогда не пытался попасть в команду по теннису. Это несколько удручало моего отца, ведь он хотел, чтобы я был членом команды. Он приехал в колледж и смотрел, как я играю в сквош. После этого мы несколько раз играли с ним и я побил его, хотя, думаю, если дать ему время, он стал бы побеждать меня.

Я не хочу сказать, что я вообще не получал удовольствия от игры с ним. Я помню замечательное время, когда мы играли с ним парные игры против друзей или одиночные игры, когда мне удавалось выиграть хотя бы сет. После игры мы возвращались с ним, проходя мимо деревьев в парке, и отец обычно сбивал зеленые яблоки ракеткой. По дороге мы курили и беседовали на самые разные темы. Затем, прежде чем погрузиться в освежающую воду бассейна, мы сидели на веранде и пили пиво. Мы были очень близки друг другу в такие моменты.

Я вспоминаю один забавный эпизод, который случился, когда мне было тринадцать или четырнадцать лет. Все вторым мы решили поехать на лето в Нью-Хэмпшир. Там мы много играли в теннис, и моя игра стала много лучше, хотя отец всякий раз обыгрывал меня в одиночных партиях. Затем в конце августа мы с ним включились в первенство, которое разыгрывалось в одном маленьком городке. Конечно, я был выбит уже в первом круге (я был тогда совсем мальчишкой), но мой отец вышел в финал. Он играл против молодого парня, которому, на мой взгляд, было всего лет двадцать. Я сидел в самом низу возле корта и, когда они разминались, стал шептать, глядя на противника моего отца: «Побей, побей его!» Я не знаю почему, но мне очень хотелось, чтобы этот парень в финале победил моего отца. Когда я осознал это желание, оно напугало меня. Затем они стали играть, и поначалу это была очень ровная игра. Молодой парень играл хорошо, очень хорошо. Он контролировал игру, выжидал момент и выходил на добивание тогда, когда был абсолютно уверен в выигрыше очка. Он выиграл первый сет, а в следующем отец стал все чаще попадать в сетку, и стало ясно, что игра может закончиться во втором сете. Я продолжал наблюдать. Когда отец проиграл на ноль очередной гейм, я стал дрожать. Затем я вскочил и побежал по дороге к дому, где мы снимали комнату, лег на кровать и заплакал. Я так хотел, чтобы мой отец проиграл, но впервые в жизни увидел, как он проигрывает всухую. Мне никогда не было так стыдно. Конечно, это было много лет назад.

Я думал, что эти воспоминания не будут слишком долго мучить меня. Дело в том, что я всегда любил моего отца. Мы с ним всегда хорошо ладили. Он никогда не хотел, чтобы я был партнером в его офисе. Он не терпел обращения типа: «Позвольте, сэр, я зажгу вам сигару». И никакого похлопывания по плечу. Порой я не видел его год или около того, но когда мы бывали вместе – на теннисном корте или в длительном путешествии в машине, – мы всегда беседовали, и спорили, и много смеялись. Когда перед службой во флоте я получил увольнительную и приехал домой, то обнаружил, что отец зафрахтовал шхуну. Вдвоем мы отправились в плавание вдоль побережья штата Мэн, и это было здорово. Пристав на ночь к берегу, с утра мы плавали, готовили пищу на костре. Как прекрасна была тишина в этих маленьких бухточках, где мы перед ужином сбивали себе коктейли. Однажды ночью, когда мы сидели на палубе и курили сигареты, отец рассказал мне то, о чем он не рассказывал моей матери, – о том, как он пытался вступить в армию, но получил отказ. Я был рад, что он рассказал мне об этом. Все это помогло мне чувствовать себя лучше перед отправкой на фронт.

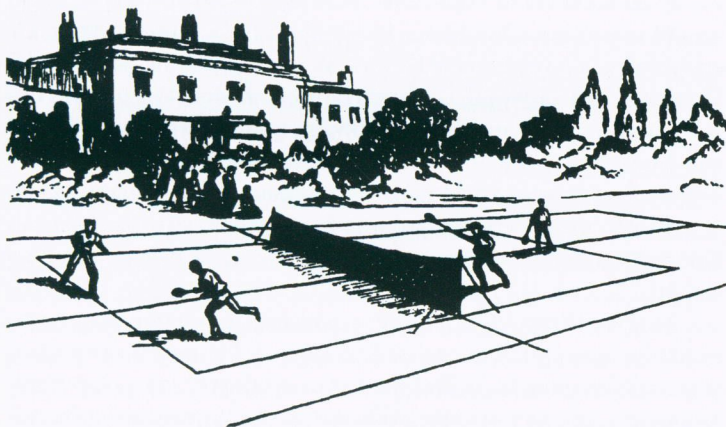
Конечно, во время войны мне было не до тенниса. А когда я вернулся после войны домой и, став старше, женился, то теннис уже не значил для меня так много, как раньше. И тем не менее в первый же уик-энд мы играли с моим отцом. Это была первая игра после четырех лет перерыва, и она окончилась как обычно. Впрочем, мне уже было все равно. Но Джанет, моя жена, которая никогда еще не видела меня играющим с отцом, имела на этот счет свое мнение. «Что с тобой? – спросила она. – Почему ты так реагируешь? Это просто игра, не так ли? Я понимаю, что теннис очень важен для твоего отца. Поэтому он так хорошо играет. Но что происходит с тобой?» Я видел, что она отчасти дразнила меня, отчасти была раздосадована. «Все это необъяснимо. Мы ведь не избираем лучшего спортсмена графства, не правда ли?» Я попытался объяснить ей кое-что, но она даже не попыталась меня понять. «Я не хочу видеть у себя дома психов», – сказала она и вышла из комнаты.

Все это несколько охладило меня, но затем произошло вот что. Это случилось в сентябре прошлого года, в один из этих замечательных вечеров, когда наступает прохлада, а воздух становится кристально чистым. Отец играл шесть или семь парных сетов в субботу, а мы с Джанет в воскресенье разыгрывали обычную парную встречу с нашими друзьями. Мужчины провели три парных сета, после чего мы сидели, пытаясь восстановить силы и дыхание. Я ожидал, что отец предложит мне сыграть с ним одиночную партию. Но он еще раньше сказал, что плохо спал прошлой ночью и решил, что он слишком устал для одиночной игры. Конечно, я не стал обсуждать это в присутствии других. Я осмотрелся вокруг и увидел, что отец сидит на раскладном стуле, вместо того чтобы стоять, как это он делал обычно между сетами. Он был чрезвычайно бледен, даже несмотря на загар. Внезапно он схватился за живот, и его стошнило на траву. Мы уложили его, накрыли голову шапочкой, и я побежал домой, чтобы сообщить о происшедшем матери и вызвать врача. Когда мы несли отца в кресле к дому, он не сказал ни слова. А затем приехал доктор Стоктон и объявил, что у отца случился сердечный приступ и что это его последний теннисный матч.

Вы можете подумать, что после всех этих месяцев, проведенных отцом в постели, теннисный корт превратился в пашню и зарос травой. Однако когда мы с Джанет приехали сюда в прошлый месяц на уик-энд, я был поражен тем, что корт находился в прекрасном состоянии. Отец сказал, что он пригласил на корт соседей и поэтому у меня будут хорошие партнеры для парной игры. Он поставил кресло в тени так, чтобы быть наполовину в саду, наполовину на корте. Он медленно прошел к креслу, уселся в него и откинулся, закрыв глаза.

Я не часто играл в теннис в этом году, но в тот день я почувствовал, что играю так, как мой отец в лучшие его дни. Не думаю, что я когда-либо добивался больших результатов на этом корте. Я совершенно не делал ошибок и полностью отдался игре. Все, кто видел игру, говорили о том, как хорошо я играл.

Дело было не в удовольствии от игры. Я совершенно не чувствовал, что все это происходит со мной, совершенно не заботился о том, как я подаю, кто мой партнер. Может быть, первый раз в моей жизни я понял, что существует только игра, в которую мы играем, только она одна и ничего больше. И я начал осознавать, что мой отец и я сделали для этой игры. Все это время, все эти годы я пытался повзрослеть, а он стремился остаться молодым, и все это происходило с нами на теннисном корте. И вот теперь наше с ним сражение закончилось. Я обнаружил это именно в тот день и немедленно захотел сказать об этом отцу. Однако, взглянув на него, сидящего в кресле с соломенной шляпой на голове, я решил ничего не говорить. Я заметил, что он вовсе не следит за нами. Вместо этого, как мне показалось, он слушал, как мы играем в теннис, очевидно воображая или вспоминая, как он разыгрывал очко – сначала сильная, с высокой точки подача, затем быстрый выход к сетке, удар с лета, затем возвращение на заднюю линию, чтобы принять свечу, и то прекрасное ощущение, когда вы принимаете смэш и отправляете мяч в пустое место площадки.

Ирвин Шоу

Смешанная пара

Когда Джейн Коллинз выходила вслед за мужем на корт, она ощущала сильное чувство гордости за него. Оно пробуждалось в ней вновь и вновь, начиная с того времени, как она познакомилась с ним. Джейн и Стюарт были женаты уже шесть лет, но, глядя на то, как он идет своей особой, наполовину горделивой, наполовину комической походкой, похожей на маршировку вымуштрованного прусского сержанта, Джейн испытывала странную смесь смеха и восхищения, которые так тронули ее еще тогда, когда она впервые встретилась с ним. Стюарт был высокий и широкоплечий человек, с несколько капризным и не лишенным юмора лицом. Джейн чувствовала, что даже на расстоянии в сотню метров, в окружении толпы людей она может безошибочно узнать его. В белых теннисных брюках и оксфордской рубашке с длинными рукавами он выглядел элегантным и чуть-чуть старомодным среди других игроков.

Джейн была одета просто, в шорты и теннисную рубашку, ее волосы были спрятаны под пестрый платочек, чтобы не лезли в глаза. Она знала, что шорты несколько укрупняют ее фигуру, а платочек на голове делает ее слишком строгой. Поэтому она ощущала элементарную женскую зависть, поглядывая через теннисную сетку на привлекательную Элеонор Бёрнс в изящно укороченной теннисной одежде и с красной лентой на голове. Но она стремилась не обращать на нее внимание, чтобы сосредоточиться на мячах, которые мистер Крокер, партнер Элеонор, методично, раз за разом накидывал ей.

Мистер Крокер, круглый, рассеянный, маленький, серьезный человек был соседом Коллинзов. На нем были слишком тесные шорты, и Джейн знала по опыту, что после полудня его лицо становится обычно более уставшим и багро-

вым. Но он играл серьезно и ответственно и был весьма полезен, особенно когда в клуб прибывали новые гости, а все остальные игроки были либо слишком ленивы, либо слишком много выпивали за ленчем, чтобы играть в послеобеденное время.

Два больших дуба отбрасывали свою тень на корт, мячи летали по площадке взад и вперед, из света в тень, удары ракеток издавали звук, подобный аккордам гитары, а на маленькой террасе над кортом, где завтракали гости, звучала особая музыка кубиков льда в стаканах и металась яркие вспышки летнего света, когда кто-либо входил или выходил на террасу.

Как замечательно, подумала Джейн, покинуть город на уик-энд ради этого прохладного, затененного деревьями райского места, освободиться от всех служебных проблем, почувствовать свежий деревенский воздух, ощутить молодость в своих ногах, осознать, что хотя бы на этот короткий воскресный день ты свободна от рабочего стола, хлопающих дверей и вездесущего асфальта.

Стюарт погасил мяч над головой, вытянувшись вверх во всю длину своего тела, и мяч, попав в ноги Элеонор, отскочил высоко в воздух. Он ухмыльнулся. «Я готов», – сказал он.

– Не собираетесь ли вы с такой силой играть против меня? – спросила Элеонор.

– Именно так я и буду играть, – ответил Стюарт. – Никакой жалости к женщинам. Таков древний лозунг моей семьи.

Они разыграли подачу, и Стюарт выиграл. Он подал на Элеонор подкрученную, яростную подачу и выиграл ее эйсом.

– Джейн, дорогая, – сказал он, когда игроки менялись площадками. – Сегодня мы сотворим нечто великолепное.

Они без труда выиграли первый сет. Стюарт играл очень хорошо. Он легко и быстро двигался по корту, жестко отбивал мячи хорошо поставленным ударом. Публика аплодировала наиболее удачным из них, а он, помахивая в воздухе ракеткой, улыбнулся и сказал: «Сегодня мы настроены на убийство». Во время ударов он что-то приговаривал про себя – это были дисгармоничные, но его собственные музыкальные со-

чинения, – словно болтовня маленького мальчишки, который совершенно доволен самим собой. Он доминировал в игре – загорелый, быстрый, симпатичный, одетый в белый костюм, окруженный лучами солнца, как актер в центре сцены, высветленный лучом прожектора.

Временами, когда Стюарт мазал мяч, он останавливался в трагической позе, смотрел на небеса и заявлял с безнадежным отчаянием: «Коллинз, тебе пора домой». А потом, обернувшись к Джейн, говорил: «Джейн, дорогая, прости меня. Твой муж сегодня никуда не годится».

Джейн играла свою собственную игру – ровно, негероично, но остро, возвращая все мячи, чтобы Стюарт смог гасить их у сетки. Они составляли хорошую команду. Джейн позволяла Стюарту вторгаться на свою территорию, чтобы он мог зрелищно убить пару мячей, а Стюарт несколько раз делал одобрительные замечания за ее спиной, после того как она вытягивала трудные мячи.

Стюарт завоевал последнее очко в сете, послав глубокий мяч ударом слева, в то время как Элеонор была у сетки. Она покачала головой и сказала: «Коллинз, вы невозможный человек», а Крокер флегматично заметил: «Замечательно, замечательно». Стюарт ответил, улыбаясь: «Я приберегу кое-что для этого удара».

Они покинули площадку, усевшись в тени. Крокер и Джейн обмахивались полотенцами, щеки Крокера выглядели тревожно багровыми.

– Ваш удар с воздуха, – сказала Элеонор Стюарту, – выглядит абсолютно устрашающим. Когда я увидела, как вы несетесь прямо на меня, мне захотелось бросить ракетку и бежать, чтобы спасти свою жизнь.

Джейн подняла голову, чтобы увидеть, как Стюарт будет отвечать. Он отвечал не лучшим образом, посылая улыбку за улыбкой Элеонор и как-то по-мальчишески демонстрируя свое очарование. «Ничего особенного. Просто я кое-чему поучился на кортах Омаха-Бич».

Вот так, подумала Джейн с горечью. Наконец-то можно побыть одной. Она накрыла свое лицо полотенцем, чтобы не

сказать что-либо лишнее. «Последний раз, – сказала она себе самой, ощущая прохладу ткани на потном лбу, – последний раз я приезжаю на этот корт, набитый незамужними или полужамужними, охочими до мужчин, полуголыми и говорливыми женщинами». Она овладела собой, и когда сняла полотенце, выглядела просто как приятная, безмятежная женщина, которая интересуется только тем, чтобы сыграть еще один сет в теннис.

Элеонор, у которой были огромные зеленые глаза, недвусмысленно пялилась через свою ракетку на Стюарта, а он, обворожительный и несколько смущенный, поглядывал на Элеонор. «О Боже, – подумала Джейн, – какой у него долгий взгляд».

– Ну что ж, – сказала она. – Кажется, я готова для еще одного сета.

– У меня есть предложение, – оживленно сказал Стюарт. – Давайте поделимся. Крокер сыграет с тобой, Джейн, а я сыграю с молодой леди.

– Боюсь, я буду слишком большой обузой для вас, – сказала Элеонор. – И к тому же я уверена, что ваша жена предпочитает играть с вами.

– Все нет, – невнятно пробормотала Джейн. Но про себя она подумала: «Ничего себе, молодая леди. Как же банальны могут быть мужчины!»

– Нет, – неожиданно сказал Крокер. – Давайте играть так, как мы играли. – Джейн захотелось покрыть его круглое, багровое лицо благодарственными поцелуями. – Я полагаю, на этот раз мы сыграем лучше. Я придумал, как найти на вас управу, Коллинз.

Стюарт посмотрел на него неприязненно, затем очаровательно улыбнулся. «Как скажешь, старина. Я только хотел...»

– Я уверен, что мы сыграем получше, – сказал Крокер твердо. – Пойдемте, Элеонор.

Элеонор встала, гибкая и грациозная в своей укороченной одежде, которая обвивалась вокруг ее загорелых ног на летнем ветру. «Никогда больше, – подумала Джейн, – я не надену больше шорты. Буду одеваться как она, даже если

одежда будет стоить по пятьдесят долларов за каждую деталь, и никакого платочка на голову, даже если я не буду ничего видеть при каждом ударе».

Стюарт наблюдал за тем, как Элеонор следует за Крокером на корт, и Джейн уловила его оценивающий взгляд.

– Пойдем, – сказал Стюарт, двигаясь к корту. – Давай, Джейн, покажем этому упрямому идиоту.

– Хорошо, дорогой, – ответила Джейн и затянула потуже концы головного платка.

Первые три гейма они выиграли до нелепости легко. Стюарт выходил к сетке, чтобы провести коварный удар в ноги Крокеру, заставляя его носиться по корту, так что тот тяжело задыхался и стал еще багровее.

Джейн играла, как всегда, основательно, без ошибок, осмысленно, хотя и предсказуемо. Она подавала в четвертом сете при счете 45:15, когда Стюарт сбросил укороченный мяч под сетку. Крокер с трудом принял мяч и перебросил его через голову Стюарта, но мяч оказался в нескольких сантиметрах за линией.

Она услышала, как Стюарт сказал: «Прекрасный удар. Как раз в площадку».

Джейн удивленно посмотрела на Стюарта. Тот одобритительно кивнул в сторону Крокера.

В это время Элеонор стояла у сетки, на другой ее стороне. «Мне кажется, это был аут», – сказала она.

– Ничего подобного, – возразил Стюарт. – Прекрасный мяч. Подавай, Джейн.

«О Боже, – подумала Джейн, – теперь мы будем играть в поддавки».

Джейн не подала следующую подачу, а Стюарт попал в сетку и в результате гейм выиграли Крокер и Элеонор. Стюарт отошел назад принимать подачу, он уже не приговаривал при ударах, лицо его потемнело и стало раздражительным.

С этого момента Крокер неожиданно стал играть очень хорошо, отвечая острыми, кручеными и подрезанными ударами и заставляя Стюарта и Джейн допускать ошибки. В процессе игры, отбивая удары, Джейн вспоминала мяч, который Стюарт

ошибочно засчитал в пользу противников и который стал поворотным моментом в игре. Он был не в состоянии отказаться от галантного жеста, в особенности когда Элеонор стояла у сетки и видела, куда попал мяч. Это было типичным для Стюарта. Джейн тряхнула головой, стараясь сконцентрироваться на игре. Сейчас не время осуждать мужа, к тому же они провели восхитительный уик-энд и Стюарт был таким замечательным, шуточным, забавным. Критические замечания можно оставить на начало следующей недели, чтобы не портить уик-энда. Но все же это было очень характерно для Стюарта. Он всегда так поступал. Всю свою жизнь он демонстрировал подобные жесты. Однажды он ударил своего начальника в присутствии трех секретарш, потому что тот накричал на него. В 1942 году он записался на военную службу, хотя у него была отсрочка. Он отдал пять тысяч долларов, их последние сбережения, Гарри Мазеру, вложив их в его дело, только потому, что он учился с ним в школе, хотя все знали, что Гарри беспробудно пьет и никто из его друзей не дал ему ни цента. Со стороны это выглядело как бескорыстие и свидетельство благородства, но для семейного бюджета это было пустой тратой...

– Проклятые брюки, – пробурчал Стюарт после очередного удара. – Мне приходится все время их подтягивать.

– Тебе надо носить шорты, как это делают другие, – ответила Джейн.

– Обязательно надену. Купи мне их на следующей неделе, – сказал Стюарт, выигрывая время на то, чтобы отвернуть рукава рубашки. Месяц назад Джейн купила ему три пары шорт, но он делал вид, что не может найти их, и поэтому надевал брюки. У него были жилистые, волосатые ноги, и он не хотел их показывать. Она устремилась за мячом, а затем остановилась, увидев, что Стюарт тоже бросился за ним.

Отбив мяч, он сказал:

– Дженни, дорогая, не стой на моем пути.

– Извини, – пробормотала она, подумав про себя: «Стиви, дорогой, будь справедлив. Не набрасывайся на меня. Ведь ты не такой. Я знаю, ты не такой. Даже на секунду, не поступай так».

Стюарт завершил следующий гейм ударом в сетку. Он грустно уставился на покрытие корта.

– Нужно лучше раскатывать площадку, – сказал он низким голосом, – раз вы приглашаете людей играть на ней.

«Пожалуйста, Стиви, – безмолвно взмолилась Джейн, – не делай этого. Не оправдывайся. Когда ты забыл подписать договор о найме квартиры и мы потеряли ее, ты обвинил во всем своего адвоката. Ты потерял работу в Чикаго, потому что по ошибке стал преподавать не в том колледже...» Усилием воли Джейн отбросила свои мысли и сконцентрировала взгляд на мяче, чтобы методично, вновь и вновь отбивать его.

Элеанор и Крокер выиграли очередное очко. Крокер начал укорачивать каждый мяч, мягко подкручивать, укладывая мячи в середину корта, чтобы они не могли высоко подпрыгивать. Джейн могла возвращать их только аккуратным, несильным ударом. Но Стюарт по-прежнему бил мячи со всей силы размашистым ударом, посылая их или в сетку, или за пределы площадки. Его игра выглядела техничной и привлекательной, но он терял одно очко за другим.

– Что это за теннис, – бурчал Стюарт в спину своим оппонентам. – Почему бы нам не сыграть в пинг-понг или в карты?

– Ты не должен со всей силой бить эти короткие мячи, – заметила Джейн. – Их надо мягко обрабатывать.

– Ты играй свою игру, а я буду играть свою.

– Извини, – ответила Джейн. А про себя она прошептала: «О Стюарт, ты не прав».

Стюарт вновь отбил пару резаных ударов Крокера своим обычным мощным ударом слева, каждый раз попадая мячом в сетку.

«Это ему не поможет, – подумала Джейн. – Он такой, какой он есть. Видимость для него прежде всего. Когда он лезет на скалы, то предпочтет свалиться в море, чем выглядеть неуклюжим, осторожно перебираясь с камня на камень. Он всегда расплачивается в баре или ресторане, независимо от того, сколько у него гостей или кто они, и все это в благородной, смешливой, слегка ироничной манере, даже если у нас

остаются последние пятьдесят долларов. А когда у нас дома гости, то за столом должны прислуживать двое слуг, а на столе стоять французское вино и специальная бутылка коньяку, которая стоит не меньше, чем недельный отдых на природе. Но он становится холодным и замкнутым, когда Джейн упрекает его в роскошестве, напоминая, что они не богаты и что нет смысла пускать пыль в глаза. А его обувь...» Мысленно перед ней возник длинный ряд изысканных туфель, каждые по семьдесят долларов за пару, которые он коллекционировал. Он всегда прекрасно и модно одевался, независимо от того, сколько это стоило.

Счет стал 4:3 в пользу Элеонор и Крокера. Удары Стюарта неожиданно стали достигать цели, и они с Джейн легко выиграли следующий гейм. Улыбка вновь вернулась к Стюарту, и он дружелюбно ободрил Джейн: «Сейчас мы их сделаем». Но после того, как они выиграли два очка, Стюарт трижды промазал, и в конце концов они проиграли гейм.

Я не должна делать из этого каких-либо выводов, говорила себе Джейн, когда она выходила к сетке при подаче Стюарта. Каждый может допустить такие неудачные удары, каждый. Но как это характерно для Стюарта. Особенно в то время, когда нужно быть выдержанным и ответственным. Однажды она болела, прислуги не было, и Джейн, несчастная и разбитая, лежала в постели три недели, и никто не ухаживал за ней, за исключением Стюарта. Он был заботливым и отзывчивым первую неделю, готовил пищу, читал ей, сидел у постели часами, помогая ей перенести болезнь. А потом он стал вдруг нервным и грубым, исчезал часами, появлялся на некоторое время, а затем вновь исчезал, оставляя ее одну в смятой постели, одинокую и дрожащую. Она была уверена, что появилась другая женщина. Но когда она почувствовала себя лучше, стала двигаться и решила поговорить со Стюартом, его непредвиденные отлучки кончились также неожиданно, как и начались. Он опять стал нежным и заботливым, опять он сидел у ее постели и ухаживал за ней, и она спрятала свои сомнения на дно своей памяти. И теперь опять все повторяется в этот воскресный полдень, в этой глупой, вя-

лой, не приносящей очков игре, на виду у публики, которая, потягивая напитки, лениво наблюдала за ними.

Несколькими секундами позже она взглянула на него, такого обаятельного, привычного и дорогого. Он улыбнулся ей, и она устыдилась мыслей, которые неожиданно всплыли в ее сознании. Все это по вине этой глупой женщины, стоя-

щей по ту сторону сетки, которая так пялится на всех. Очевидно, это явная, совершенно автоматическая техника соблазнения мужчин. Это бессмысленный, скорее, жалкий флирт. Глупо принимать все это близко к сердцу. Помимо всего прочего, брак – это связь, в которой есть свои подъемы и падения, это сложная и хрупкая вещь, которую не следует анализировать слишком пристально. Брак – это не банковский счет и не международная политика или рентге-

новский снимок в руках доктора. Вы вступаете в него и живете с ним, а потом, много позже, быть может за день до смерти, подводите итог. Но если вы разумная, зрелая женщина, то вы, конечно, не будете делать сложение и вычитание на теннисном корте после того, как ваш муж попадает мячом в сетку. Джейн улыбнулась самой себе и покачала головой.

– Прекрасный удар, – заметила она мягко Стюарту, когда он пробил слева в угол и заработал очко.

Но у их оппонентов все еще был сет-пойнт. Крокер вышел на прием подачи Стюарта, напряженный, сосредоточенный и немного смешной со своим багровым лицом, круглым телом, которому было тесно под одеждой. Зрители приумолкли, ветер утих, и наступила тишина, все смотрели, как Стюарт забрасывает руку и подает мяч.

Джейн была у сетки и слышала звук, который издала ракетка Стюарта при ударе по мячу, а затем мяч задел сетку и упал на их сторону. Стюарт потерял свою первую подачу.

Джейн не смела посмотреть вокруг. Она чувствовала, как Стюарт вновь подошел к месту подачи, нервно пошаркал ногой, но она не могла оглянуться. «Пожалуйста, – молила она, – пожалуйста, подай». Она вновь вспомнила о всех тех случаях, когда в решительный момент он терялся. «О Боже, – по-

Энди Уорхол.
Портрет
Крис Эверт

думала она, – как это глупо. Я не должна этого вспоминать. Он так часто вел в счете, но в конце концов проигрывал. В спортивной литературе это состояние называют клинчем. Некоторые игроки могут выиграть, а некоторые нет, причем какое-то время неизвестно, кто из них может, а кто нет. Если трезво размышлять, то надо признать, что до сих пор Стюарт был в числе тех, кто не в состоянии выигрывать».

Она чувствовала, как за ее спиной Стюарт собирается по-давать. Спинным мозгом она ощутила чувство надвигающейся катастрофы. Будет двойная ошибка. Она знала это. «Нет, – подумала она. – Этого не должно быть. Он не такой. Он такой умный, талантливый и добрый. Она не должна так плохо судить о муже только по тому, как он играет в теннис. Хотя его теннис таков, какова его жизнь. Талантливый, грациозный, мощный, яркий, но порой неровный и полный ошибок...»

«Пожалуйста, – молила она про себя, – подай хорошо». Совершенно по-детски она загадала, что, если он сейчас подаст, это будет переломный момент в его жизни, знак того, что вся его жизнь будет другой. Она ненавидела себя за свои мысли и старалась не замечать Элеонор, такую собранную и привлекательную в ее красивой одежде.

«Какого дьявола она приехала сюда в это воскресенье», – безнадежно подумала Джейн.

Она услышала удар ракетки позади себя. Мяч просвистел рядом, задел сетку, на мгновение нерешительно прокатился по ее верху и упал к ногам Джейн. Двойная ошибка на подаче и сет.

«Слишком плохо». Она повернулась и улыбнулась Стюарту, начиная думать при этом, как же она сумеет выкроить шесть недель для поездки в Рино*. Она покачала головой, зная, что вовсе не собиралась в Рино, но в то же время понимая, что эта мысль вновь и вновь будет мелькать в ее голове, все чаще и чаще, со все большей настойчивостью.

Она вышла с корта вместе со Стюартом, пожав его руку.
– Это все из-за тени, – оправдываясь, сказал Стюарт. – После полудня здесь совершенно невозможно увидеть линию.
– Да, дорогой, – сказала Джейн.

* Город в штате Невада, славящийся быстрыми разводами. – *Прим. перев.*

Пол Торо

Теннисный корт

Все ненавидели Шимуру, хотя на самом деле никто его хорошо не знал: Шимура был японцем. Он не был членом клуба. Каждую вторую неделю по дороге в Сингапур он на одну ночь останавливался в клубе «Ай-ер Хитам». Потом Шимура проводил одну ночь в Сингапуре, а по дороге назад вновь останавливался здесь. Он предпочитал проводить две ночи в клубе, чем в дорогом отеле. Я уже говорил, он не был членом нашего клуба. Но поскольку он был членом клуба «Селангор» в Куала-Лумпуре, он имел право пользоваться всем нашим техническим оборудованием, так как между клубами существовал договор о взаимных услугах. Когда Эванс замечал у ворот клуба голубую «тойоту», он говорил: «Опять приехал этот нахлебник».

Скуиб замечал: «Мне кажется, япошка в воздухе».

А Алек советовал ему: «Подстрели его с лёта».

Я не принимал участия в их фанатических литаниях. Шимура мне нравился. Мне было стыдно, что я активно не защищал его, но я был уверен, что он в этом не нуждается.

В этот год появилось множество японских бизнесменов, продававших транзисторные приемники малайцам. Это была безобидная деятельность, но англичане возмущались, так как считали, что у них незаконно отнимают то, что является исключительно британской принадлежностью. Эванс говорил: «Я не сражался на войне, поэтому эти типы не должны учить меня, как управлять клубом».

Шимура был теннисным игроком. На пятый или шестой визит он заявил, причем из-за неуверенности в языке это прозвучало как бестактная жалоба, что мальчишки, подающие мячи, излишне много движутся по корту.

«Они должны стоять неподвижно».

Это было единственное сделанное им замечание, и тем не менее именно поэтому его предали проклятию. Сказали, что это типично японская привычка обращаться с болл-боями как с военнопленными. Тони Эванс, президент клубного комитета, заявил, что такое не прощается. Он сказал Шимуре: «В Сингапуре тоже есть корты». Но тот только засмеялся в ответ.

Похоже, он не замечал, что его ненавидят. Его самообладанию можно было позавидовать. Шимура был маленьким, темноволосым молодым человеком, с узлами мускулов на руках и ногах, и когда он приседал на корте, то становился похож на существо с четырьмя ногами. Он играл в жесткий теннис, как правило обвязывая полотенцем шею напоподобие шарфа. При ударе по мячу он издавал громкие, лающие звуки.

Обычно он появлялся после полудня и играл несколько сетов с тем, кто оказывался рядом. С ним сражался Алек, потом Элиот и Стрэнг, но он выигрывал у них все матчи. Эванс, который был лучшим игроком в клубе, отказывался встречаться с ним на корте. Если не было партнеров, Шимура упражнялся с деревянной стенкой, прикрикивая при ударах, причем он практиковался с таким усердием, что его крики были слышны в читальной комнате. Он обедал в одиночку и рано ложился спать. Он не выпивал и ни с кем не разговаривал. Я иногда думал, что если бы Шимура посещал пивной бар, в котором обычно собирались те члены клуба, которые останавливались в «Айер Хитам», то у него не было бы проблем в клубе.

Алек говорил: «Он не очень-то похож на члена клуба».

«Ставлю десять к одному, он экономит на расходах», – замечал Скуиб.

Эванс критиковал его свечу.

Степень ненависти, которую он вызывал, трудно было себе представить. Раздражало все – его национальность, рост, скупость, смех, выбор партнеров для тенниса (однажды он даже играл с очередной пассией Элиота). Он держался отчужденно, а это считалось самой ужасной социальной

болезнью в Малайе. Его называли паразитом и, более того, считали, что он всех презирает. Он несправедливо обвинял болл-боев, часто парковал машину в неполюженном месте, шумно ел и т. д.

Довольно трудно было быть американцем (иногда я вспоминаю наших окруженных противниками учителей Корпуса Мира), но еще труднее было быть в Малайе японцем. Японцы проиграли войну и завоевали мир. Они были непроницаемы, их невозможно было понять. Более вежливые, чем китайцы, они использовали свою вежливость, чтобы быть скрытными. Китайцы были чрезвычайно говорливыми, их молчание могло означать только истерию. Японцы были совершенно другими, они никогда не изменяли своей холодности. Презрение к другим, которое им приписывалось, вовсе не было презрением. Скорее всего, это было недоверие к каждому, кто не был японцем. Но главное заключалось в том, что они были прямой противоположностью англичанам во всем, что можно было себе представить.

Война не разрушила Англию, она укрепила англичан в роковой час. Но японцы оказались совершенно разрушены, однако из этой разрухи появился совершенно другой человек. Только преданность осталась старой чертой, все остальное было новым. Шимура, которому казалось не больше тридцати, был таким новым человеком, продукцией послевоенного времени, эталонным японцем. В довершение ко всему, он был хорошим теннисистом.

Таким же был и Эванс. Именно он организовал новую клубную игру: кто посрамит Шимуру?

Скуиб был терпим по отношению к малайцам и умеренно относился к китайцам, но из всех членов клуба он больше всех испытывал отвращение к японцам. Когда Алек говорил: «Я думаю, нам всегда нужно держать его на дистанции», Скуиб злобно добавлял: «Мне всегда хочется выпустить ему кишки».

– Мы должны поймать его на нарушении правил клуба, – предложил Стренг.

– Это трудно сделать, – сказал Скуиб. – Он не нарушает правил. Мы обречены всю жизнь терпеть его присутствие.

Ненависть к Шимуре имела старые корни. Его имя ассоциировалось со словом «Шанги». Так называлась тюрьма, в которой во время войны содержались пленные англичане, после того как город пал. Шимура нес личную ответственность за то, что происходило в то время: за пытки водой, бесконечные телесные наказания, бамбуковые дыбы, голод и жестокость японцев.

– Я знаю, что нам делать, – наконец сказал Алек. – Он хочет играть в теннис, а мы не дадим ему играть. Если мы не пустим его на корт, мы никогда больше не увидим его.

– Но это довольно грязный прием, – сказал Эванс.

– А вы можете предложить что-нибудь получше? – спросил Скуиб.

– Да, – сказал Эванс. – Надо выиграть у него.

– Я ни за что не буду с ним играть, – сказал Скуиб.

– В любом случае он побьет вас, – заметил Алек.

– Но он не побьет Тони, – возразил Скуиб.

– Да я и не собираюсь с ним играть. Мы должны найти кого-нибудь другого, чтобы он побил его, – сказал Эванс. – Этот японец не выдержит унижения. Если кто-нибудь разобьет его в пух и прах, мы избавимся от него.

Я сказал:

– Все это низко. Вы не знаете Шимуру, у вас нет причин не уважать его. Я не хочу в этом участвовать.

– Ну и отваливай! – пробурчал Скуиб, повернув ко мне свое красное лицо. – Нам не нужно, чтобы чертовы янки учили нас...

– Остынь, – прервал его Алек. – Лежи в баре.

– Послушайте, – сказал я Скуибу. – Я член клуба, и я вправе высказать свое мнение.

– А как же быть с Шимурой? – спросил Алек.

– Так, как я сказал. Если кто-нибудь побьет его, он сам уйдет, – сказал Эванс.

Скуиб посмотрел на меня и произнес:

– Некоторых маленьких негодяев никогда не унизишь.

Но Эванс улыбался.

На следующей неделе Шимура вновь появился, полный безразличия. Он переделся, выпил чаю и отправился на

корт с полотенцем вокруг шеи, держа ракетку как меч. Он помахал ею в воздухе и огляделся, ища партнера.

Корт был пуст, только в конце его два болл-боя в длинных саронгах припали к земле. Шимура пошел к деревянной стенке, чтобы размяться.

Мы смотрели на него через перила веранды, сидя в глубине ее, – Эванс, Стренг, Алек, Скуиб и я. Шимура проверил упругость ракетки, ударяя ею по своей ладони. В это время один из болл-боев встал и вытащил потрепанную ракетку. Он подошел к Шимуре, и хотя тот не мог услышать, на веранде раздались четыре одобрительных возгласа.

Разиах, один из болл-боев, был стройным юношей. Его мятая синяя спортивная рубашка и причудливый саронг выглядели небрежно и даже комично. Он был выше, чем Шимура, и когда тот повернулся и подошел к сетке, контраст был очевиден – шаркающая походка малайца, обутого в резиновые шлепки, и пружинящая походка японца, который энергично двигался вперед, кланяясь в знак приветствия.

Разиах сказал:

– Вы можете играть против меня.

Шимура подумал и, прежде чем ответить, удивленно огляделся вокруг, как бы раздумывая, не делает ли он что-нибудь недостойное. Затем он сказал:

– Хорошо, давайте.

– Теперь посмотрим на его игру, – сказал Эванс, поднимая кружку пива.

Разиах подошел к линии подачи и скинул свой саронг. Под ним оказались теннисные шорты. Он сбросил резиновые шлепки и надел новые белые теннисные туфли – они выглядели огромными и ослепительно сверкали на солнце. Разиах самодовольно засмеялся, он знал, что совершенно преобразился.

Скуиб сказал:

– Тони, вы настоящий гений.

Разиах выиграл розыгрыш подачи и стал подавать. Ему было семнадцать лет, из них семь лет он был болл-боем. Он научился играть, наблюдая за тем, как играют члены клуба.

Почтовая
карточка.
Рига.
1926

Позднее, подобрав выброшенную кем-то ракетку, он стал тренироваться, прежде чем кто-то появлялся на корте. Эванс однажды увидел один из таких матчей в шесть часов утра. Пораженный быстротой Разиаха и его ударом слева, он научил его подавать и показал ему некоторые тонкости тенниса. Эванс постарался развить в нем способность к быстрой реакции и уверенность в себе – качества, которые создают теннисных чемпионов.

Он постарался передать свой оптимизм и энергию Разиаху, и тот стал сначала его учеником, а потом и партнером. Эванс пообещал в недалеком будущем сделать Разиаха членом клуба, если тот хорошо покажет себя. Но он не спешил выполнять это обещание, несмотря на успехи юности и то, что Разиах уже несколько раз побеждал его.

Играя очень размашисто, Разиах выглядел неуклюжим. Но это впечатление было обманчивым – он был быстр, правда, пытаясь остановиться, часто спотыкался. Уже после первого сета стало ясно, что все явно недооценили Шимуру. Разиах подавал мяч, Шимура резко отвечал и, казалось, без всяких видимых усилий. Шимура легко выиграл два первых сета со счетом 6:0. Меняясь площадками, Разиах пожал плечами в сторону веранды, как бы говоря: «Я делаю все, что могу».

– Разиах медленно начинает. Ему необходимо выиграть несколько геймов, чтобы почувствовать уверенность в себе, – заметил Эванс.

Но Разиах проиграл первые три гейма в третьем сете. Затем Шимура, которому легко было завершить игру, кинулся к сетке, но не смог достать два укороченных Разиахом мяча. Когда Разиах выиграл этот гейм, а затем и второй на подаче Шимуры, на веранде послышались победные крики. Разиах помахал рукой, а Шимура, который все еще улыбался, обернулся и увидел четырех человек на веранде, двух слуг-китайцев на ступенях и двух садовников-тамиллов под верандой – все внимательно глазели, словно они были членами жюри.

Шимура почувствовал, что что-то произошло. Он стал играть с раздражением, направляя подрезанные мячи прямо на Разиаха, или укорачивал медленные мячи под сетку так, что они совершенно не подпрыгивали. Стало очевидно, что это не была просто случайная встреча. Повара и поварята выстроились вдоль боковой линии корта, остальные, в большинстве своем малайцы, толпились у изгороди. Раздался смех, когда Шимура поскользнулся, и аплодисменты, когда полотенце упало с его шеи.

Да, вот было бы здорово, если бы Разиах победил! Это была бы романтическая битва, попытка реванша – худощавый местный парнишка со своей старой ракеткой сражается с незваным гостем. Это была бы драма о возмездии, она подняла бы репутацию не только молодого теннисиста, но и всего клуба. Но романтика была чужда тому, что происходило в то время в «Айер Хитам». Матч не отличался особым шармом: Разиах во время игры жевал и глотал слюну, много разговаривал, чтобы нервировать противника, тянул время при подаче, тряс плечами, долго ударял мячом о землю. Но несмотря на все это, к великому огорчению Эванса и всех других, кто с надеждой и серьезностью судей наблюдал за матчем, Разиах проиграл.

Самое удивительное, что никто из служащих клуба или друзей Разиаха не понял, что он проиграл. Они смеялись, подбадривали и поздравляли самих себя даже после того, как Шимура выиграл подачу эйсом. Это праздничное настрое-

ние долгое время не проходило. Эванс не выдержал и прибежал на корт. Шимура в это время убирал ракетку в чехол и вытирал лицо. Увидев Эванса, он двинулся с площадки.

– Я хочу поговорить с вами, – сказал Эванс.

Шимура выглядел подавленным. Потные волосы слиплись на его голове, его усталость казалась, скорее, угрюмостью, будто это он проиграл матч. До этого времени он не обращал внимания на окружающую его ненависть, он просто не замечал нас. Но смех, неожиданная толпа у корта, неровный ход матча вдруг показали, как его ненавидят и сколько усилий все мы приложили, чтобы продемонстрировать это. Он остановился и спросил:

– В чем дело?

Эванс побагровел:

– Я вижу, вы часто бываете в клубе.

– Да.

– Я полагаю, вы знакомы с правилами клуба.

– Я не нарушал никаких правил.

– Вы не расписались в книге для гостей, – отрывисто сказал Эванс.

Шимура поклонился и пошел к клубному домику. Эванс сердито уставился на Разиаха. Тот покачал головой, затем надел свой саронг и вновь превратился в малайца, одного из тех многочисленных бездельников, которые никогда не могли стать членами клуба «Айер Хитам».

На следующий день Шимура уехал. Больше мы никогда не видели его. В течение месяца Эванс похвалялся этим как своей личной победой. Но затем стало известно об измене Разиаха. Шимура пригласил его в Куала-Лумпур и включил его в первенство федерации, на котором Разиах занял почетное третье место, и на форме, которую он носил, было имя электронной фирмы, принадлежащей Шимуре. Более того, Шимура помог ему получить членство в клубе «Селангор». Теперь Разиах мог в любой момент вернуться в «Айер Хитам» в качестве гостя и на основе договора между клубами воспользоваться всеми правами членов нашего клуба.

Даже те, кто ненавидел Шимуру и критиковал его сечу, оценили всю мудрость его восточной мести.

Роберт Соррелз

Матч на асфальтовом корте

Я стараюсь оптимистически смотреть на жизнь, но когда Хоук Уорбл пришел ко мне и сказал, что он принял предложение сыграть матч с Ньютоном Слоком с призом на тысячу долларов, я сказал ему: «Хоук, почему бы тебе сразу не пойти к Ньютону и не отдать ему деньги. Тем самым ты спасешь себя и всех нас, твоих друзей, от необходимости сидеть на расщепленных сиденьях загородного клуба под палящим летним солнцем и глядеть, как тебя выпорют». Или что-то в этом роде.

Но сначала об Акки-Хони. Это городок в южной Каролине, теперь его называют воротами к Голубым горам. В самом деле, он находится недалеко от гор, хотя снег здесь выпадает раз в четыре или пять лет и даже не тает вплоть до полудня. Лучше сказать «недалеко от», чем «близко к».

В противоположность тому, что вам могут наговорить эти болтуны из университетского городка Клемсон, название клуба означает совсем не то, о чем вы можете подумать. «Хони», например, – это искаженное от индейского слова «Honea», что у индейцев чероки означает «тропа». «Акки» – это другое искажение индейского слова «Ikeowaywa», что в переводе означает «место, откуда прыгают». В Клемсоне вам расскажут, что Акки-Хони – это конец земли, откуда надо прыгать. Но куда прыгнешь с конца земли? На самом деле это начальная точка, место, откуда охотники отправлялись на охоту или воины начинали войну и так далее. Можно еще добавить, что это центр, место, где сходятся все пути. Что-то подобное Риму, как я полагаю.

Что можно ожидать от испорченных людей, как не порчу языка?

Так или иначе, здесь чтут историю. Вот почему команда атлетов в средней школе называется «Путники войны». Мы держимся нашей старой школы, поскольку она отличается от тех новых, которые строятся неизвестно где, у них порой даже соседей нет, а только парковки для автобусов.

Хоук Уорбл был для меня не другом, а, скорее, частью меня самого. Ни друг, ни враг. Просто Хоук. Для нашего городка он был такой же органичной частью, как шишки на елках, как красный цвет нашей земли, как обрезы, из которых палят на наших свадьбах.

Хоук всегда мечтал путешествовать. Уехать куда-нибудь. Хотя, с точки зрения нашего собственного населения, мы считались богатыми, на самом деле, если посмотреть на нас со стороны, мы были довольно бедными. Всего несколько заправок станций, парочка продовольственных магазинов, аптека и церковь, в которой можно дважды в неделю послушать службу. И это все.

Можно было либо наслаждаться безмятежной жизнью в Акки-Хони, либо же готовиться к тому, чтобы уехать в большой город. Но если бы вы были на месте Хоука, вы бы мыслили в других, более грандиозных масштабах. Если большинство из нас решали оставаться здесь или покинуть городок для Большого мира, то Хоук решил для себя одновременно и остаться и уехать. Иными словами, он замыслил принести Большой мир в Акки-Хони. Поэтому он основал и построил в Акки-Хони загородный клуб, который стал первым шагом на пути цивилизации.

Незаинтересованный наблюдатель может сказать, что загородный клуб – это на самом деле еще не цивилизация. Городской парк имел импозантный въезд, а внутри парка был пруд (огороженный вокруг после того, как в нем утонуло несколько человек), два баскетбольных столба со снятыми сетками и теннисный корт.

Теннисный корт. Хоук построил его пятнадцать лет назад, задолго до того, как теннис, равно как и гольф, стал иг-

рой масс. Хоук, как утверждали некоторые, обладал даром предвидения. Последний раз я подумал об этом в день, когда Хоук пришел ко мне сообщить о готовящемся матче.

– Что ты имеешь в виду, говоря «тебя выпорют»? – Он посмотрел на меня сверху вниз. – Конечно, я побью его, – заявил он, вытирая свое потное лицо огромным платком. Был поздний июнь, но лето у нас наступает рано.

– Да, – продолжал он, нацеливаясь указательным пальцем мне между глаз. – Я уничтожу его. Ньютон Слок. Что это за имя? Это даже не имя. Я тебе расскажу о Ньютоне Слоке...

– Нет, Хоук, – прервал я его. – Тебе не надо объяснять мне, кто такой Ньютон Слок. Я хорошо его знаю. Он поступил в пресвитерианский колледж и в течение четырех лет был там президентом спортивного клуба и издателем ежегодника «Указующий свет».

– Ха! – сказал Хоук. На его красном лице появилась горькая улыбка. – Ясно, что ты крутился вокруг него. Я уничтожу его, – вновь вернулся он к основной теме и стал прятать свой носовой платок в карман голубых шорт.

– Послушай, Джи Би, – сказал я. Джи Би – это его прозвище. – Прежде всего Ньютон Слок твой друг. Он помогает тебе обустроить город. Кроме того, – торопился я сказать, прежде чем он вновь начнет совать мне палец между глаз, – Ньютон Слок очень хороший теннисист, он был капитаном теннисной команды и довольно много играл сам. И он не тратит свободное время для того, чтобы, как некоторые, смотреть теннис по телевизору, прихлебывая при этом пиво.

– Ты не понимаешь, – сказал Хоук. – Этот чужак не сможет побить меня. Он не сможет, во-первых, потому что он чужак, во-вторых, потому что он не прав, и, в-третьих, потому что прав я. – Он схватил мою руку. – Ты можешь держать пари, – сказал он.

– Хорошо, – сказал я торопливо, считая, что легко отделался. Но, взглянув на него, я вдруг почувствовал подвох.

– Ты должен помочь мне обрести форму, – сказал он, глядя искоса.

– Это невозможно.

– Очень даже возможно.

– Хоук, ты идиот. Я ничего не знаю о теннисе и не представляю, как обретают форму в этой дурацкой игре.

– Я научу тебя. В этом нет ничего особенного. Честно. Все, что тебе нужно, это только набрасывать мне мяч и потом отбивать его. Очень просто.

– Я тебе скажу, что такое просто, – сказал я. – Я не могу бывать на природе столько, сколько мне бы хотелось, потому что у меня артрит колена с тех времен, когда я играл в футбол в команде «Путников войны». Это значит, что я должен большую часть времени проводить в моем офисе, и поэтому я не в состоянии, как двадцатилетний, носиться по асфальтовому корту. Да и ты не можешь, если не хочешь свалиться замертво от закупорки сосудов или теплового удара, в особенности в такую погоду.

– Есть еще одно обстоятельство, – сказал он так, будто я и не открывал рта. – Ты будешь судьей, поэтому тебе надо приступить к изучению правил.

Я не отвечал. Он знал, что я практичный человек и если я замолкаю, то ему нужно спешить, потому что я не буду тра-

*Эдуард
Негребецкий.
Почтовая
карточка.
Россия.
Ок. 1930*

тить время на споры. Сейчас Хоук, почувствовав себя антрепренером, превратился в мешок аргументов.

– Хорошо, – сказал он. – Я вижу, мы поладим. Не так ли?

– Лоди.

Это Хоук зовет меня. Я опускаю ракетку к ногам. Ему не нравится, как я играю.

– Черт возьми, Лоди. Ты должен следовать за мячом. Сопровождай его, а потом бей. И не надо набрасывать мне постоянно на правую руку, чтобы я бил только справа. Ты даже не заставил меня вспотеть.

– Это ты не вспотел. Зато я только и знаю, что потею.

– Если ты наденешь шорты и тенниску вместо брюк-хаки и рубашки, тебе не будет так жарко.

Я прицелился в него ракеткой.

– Хоук, ты даже глупее, чем кажешься, если думаешь, что я пойду по городу в одежде, напоминающей нижнее белье.

– Ладно. Приготовься к следующей подаче, Лоди. Если буду подавать со всей силы, я его достану.

– Хоук, ты забываешь, однако, что Ньютон может вернуть твою подачу.

Хоук взглянул на меня через сетку.

– Ничего у него не выйдет. Единственное, что он будет делать, это заступать при подаче. Ты должен внимательно следить за его заступами, наблюдай за тем, как подаю я, и тогда ты легко поймаешь его на заступах.

Я пошел поперек корта, подошел к скамейке и стал расстегивать рубашку.

– Эй! – Хоук суетливо забегал у сетки. – Куда ты идешь? Ты обещал два часа заниматься со мной, а мы занимаемся всего тридцать минут.

– Пожалуй, мне не стоит судить ваш матч, Хоук, потому что я буду вынужден указывать тебе на твои заступы.

– Но я не заступаю.

– Ты заступаешь.

– Нет.

– Да.

– Нет, – нервно сказал он.

Я молча стоял и смотрел на него.

– И как часто? – спросил он.

– Каждый раз, – ответил я.

– Какого черта, Лоди. Ты хочешь сказать, что будешь делать мне замечания за его ошибки.

Я продолжал расстегивать рубашку.

– Лоди, – заныл он, – приятель, ты мне нужен. Ты должен мне помочь. Расскажи мне, как он подает, как он играет у сетки. Я должен знать это, Лоди.

Я взглянул на него.

– Хоук, сколько лет ты играешь с Ньютоном?

– Наверное, десять. А что?

– Да ты сыграл с ним как минимум двести игр, и ты спрашиваешь о том, как он играет.

– Ну хорошо. А что же относительно заступов?

Я даже онемел.

– Я буду делать замечания о всех заступах, и о твоих тоже.

– Хорошо, – просиял он. – Я должен был удостовериться, что ты мистер Неподкупный. Бери ракетку, и будем продолжать.

Так мы тренировались, Хоук и я. Мы отработывали удар справа, удар слева, подачи, свечи, прием подачи, удар двумя руками. Мы имитировали игру Артура Эша, Джимми Коннора, Илие Настасе...

За неделю до матча Хоук завел со мной серьезный и долгий разговор, прежде чем мы приступили к тренировке.

– Лоди, – сказал он. – Ты не представляешь, как я благодарен тебе за помощь.

Я пожал плечами. В конце концов мне тоже стала нравиться наша игра, хотя поначалу я думал иначе.

– Я должен тебе что-то сказать, – начал он. – Я побью его.

Я ждал продолжения, но он замолчал. Я взглянул на его лицо, и будь я проклят, если в его глазах не было слез.

– Хоук, четыре недели назад я был уверен, что у тебя нет никаких шансов. Но теперь я думаю, что ты заставишь его побегать, если он захочет заполучить свои деньги.

Наконец наступил день матча. Собралась огромная публика, и когда появились Хоук и Ньютон, зрители пришли в волнение.

Справа был Ньютон Слоук: высокого роста, около ста восьмидесяти сантиметров, темноволосый, опрятный, видно было, что он находится в хорошей форме. Хоук, напротив, выглядел приземистым крепышом. Оба были одеты в белоснежную теннисную форму, с белыми повязками на руках и голове. На теннисках красовался фирменный крокодильчик. Они не стали разминаться, как это обычно делают другие теннисисты перед матчем. Поэтому следующей была моя очередь. Я подошел к сетке и подозвал обоих.

– Я думаю, пора начинать.

Ньютон, разминаясь, растягивал руки, а Хоук сделал несколько наклонов. Оба выглядели как боксеры на ринге.

– Хоук, Ньютон, – объявил я. – Это призовой матч со ставкой в тысячу долларов, победитель получает все, для победы надо выиграть два из трех сетов. Первые два сета играются с тай-брейками, третий – по старым правилам, победитель должен иметь преимущество в два гейма. Понятно?

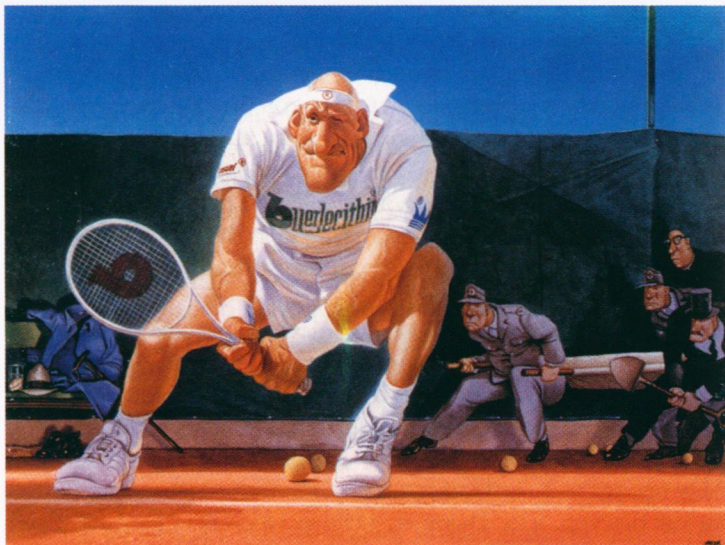
– Мы согласны с этими условиями, – сказал Ньютон таким сладким голосом, как будто его язык был намазан медом.

– Ньютон, поскольку вы претендент, вы подаете первым. Хоук, вы готовы?

Хоук кивнул. Я был близок к тому, чтобы сказать: «Пожмите руки и начинайте бой», но они уже отвернулись и заняли свои позиции.

Что можно сказать о матче? Ньютон подавал и зарабатывал очки. Подавал и выигрывал. Опять подавал и опять выигрывал. Первый гейм был за ним. Они обменялись площадками.

Теперь подавал Хоук. Первая подача была в сетку, вторая задела край сетки. Он подал еще раз, но Ньютон удачно принял и ответил ударом слева по диагонали, так что Хоук

Герхард
Харднер.
Теннис по
всему миру.
Карикатура.
1987

только проводил мяч взглядом. Три следующие подачи были похожими на первую. Вот и вся история о первом сете, Ньютон его выиграл, отдав всего два гейма, и то из-за собственных ошибок.

Очевидно, я не мог хладнокровно объявлять счет. После того как Ньютон выиграл третий гейм во втором сете и стал вытирать пот с лица, Хоук бросил ракетку к огораживающей сетке, подошел к ней и разразился потоком брани. После этого ему стало заметно легче. Затем он сделал несколько глотков «крокодилова сока» из своей бутылочки. Это был напиток зеленого цвета, однажды я его попробовал, у него был вкус лекарства против простуды. Хоук пил и злобно посматривал на Ньютона.

После минутного отдыха оба заняли свои позиции. Очередь подавать была у Хоука. Вместо того чтобы высоко подбросить мяч, он быстренько перебросил его через сетку, подав с руки. Ньютон стоял и смотрел, как мяч подпрыгнул первый раз, второй и третий, и только после этого до него что-то дошло.

– Что это? – спросил он.

– Это 15:0, глупенький, – ответил ему Хоук.

Все еще не веря в происшедшее, Ньютон посмотрел на меня. Но что я мог ему сказать. Ньютон был к игре готов, Хоук тоже был готов. Оба находились там, где им было положено быть.

– 15:0, Ньютон, – сказал я, подняв обе руки, как бы демонстрируя, что у меня нет никаких личных симпатий.

– Ну-ка подай так еще раз, ну-ка подай. – Ньютон готовился остро ответить.

Но Хоук предпринял нечто иное. Он высоко подбросил мяч. Тот медленно вращался в воздухе, так что были видны волоски на его поверхности. Затем Хоук выбрал подходящий момент и подрезал его, сделав такое движение, которое делал средневековый рыцарь, отрубая голову противнику. Мяч пролетел в сантиметре от сетки и отскочил от площадки так быстро, что Ньютон, даже если он был готов к приему, никак не мог его достать.

– Если хочешь знать, это 30:0, – объявил Хоук, пританцовывая на месте и готовясь к новой подаче. Подав, он бросился к сетке со страшным криком, как будто был готов снести долой сетку. От неожиданности Ньютон допустил ошибку.

– Нет, – закричал он. – Это нечестно. Ты не имеешь права так орать.

Я не читал в правилах ничего о том, что кричать нельзя. Наоборот, когда я играл в футбол со «Спутниками войны», военные крики были там в большой моде.

– Нечестно, – продолжал Ньютон. – Не разрешается так обращаться с противником. Это ведь не крикет. – Его обычно сладкий голос перешел в крик.

– Кончай спорить, Ньютон Слок, – подзадоривал его Хоук. – Ты ведешь в гейме со счетом 3:1, а тебе все мало. Что тебя не устраивает? Хей, хей.

Ньютон немного успокоился. Похоже, он был готов к подаче, но вдруг повернулся и сделал несколько шагов назад, разговаривая сам с собой.

– Давай, приятель. Побей этого шута, пусть катится домой.

Он встал на линию подачи и подал сильнейшую из них. Публика изумленно вскрикнула, но Хоук остался холодным, как вчерашний пирог.

– Аут, – сказал он очень вежливо и мягко.

– Что? Что ты выдумываешь. Мяч был в пяти сантиметрах от линии. – Ньютон посмотрел на меня.

– Я не видел, – сказал я как можно тише, чтобы меня не заподозрили в том, что я вообще не смотрю на корт.

– Лучше переиграть, – предложил Хоук.

– Какого черта. Мяч правильный, – настаивал Ньютон.

– Правила говорят, – промяукал Хоук голосом сонного кота, – что надо переигрывать, если возникли разногласия, а судья ничего не сказал.

Ньютон опять стал разговаривать сам с собой, но вернулся к линии подачи. Он вновь подал, но совершил двойную ошибку. 0:15. Он подал следующую подачу, но Хоук вернул. Ньютон не ожидал, что его подачу можно принять. 0:30. В результате Ньютон проиграл гейм, и счет стал 3:2 в его пользу.

Жара наступила ужасная. Каждая подача требовала больше времени, каждый прием требовал больших усилий. Постепенно игра перешла в пользу Хоука, и он выиграл второй сет со счетом 7:6. В третьем сете при счете 6:6 Ньютон приготовился подавать в тринадцатом гейме. Был уже час после полудня, и они играли уже три часа.

Ньютон хорошо подал, но Хоук принял и направил мяч так, что Ньютону пришлось пробежаться, чтобы его достать. Рано утром это не составляло труда, но теперь было видно, что его руки и ракетка работали нормально, но ноги отказывались поспевать за ними. Затем я взглянул на Хоука и увидел что-то необычное. На его белых носках были безобразные темные пятна, которые я сначала принял за грязь. Но это был гудрон. Я посмотрел на корт и увидел на нем рябь, которой не было тогда, когда игра начиналась. Корт выглядел как рельефная карта Аппалачей, повсюду по ней проходили глубокие трещины.

А потом Хоук, поскользнувшись на корте, упал на спину. Его ноги просто скользили по размягченному корту, который быстро превращался в асфальтовое озеро.

– Стоп, – закричал я и вскочил на ноги. – Ньютон и Хоук, подойдите сюда.

– Зачем? – спросил Ньютон.

– Затем, что я судья, Ньютон. Подойдите сюда, и вы, Хоук, тоже.

Они подошли, и я сказал им.

– Играть больше нельзя. Корт тает прямо на глазах. Невозможно завершить мяч сегодня. Давайте тянуть жребий, и каждый заберет свои деньги, или закончим матч завтра, когда корт остынет.

– Завтра воскресенье, Лоди, – напомнил мне Ньютон.

– Лоди, ты не имеешь права прерывать теннисный матч. Это тебе не крикет, – сказал Хоук.

– Но когда идет дождь, игра останавливается и ждут, когда корт высохнет.

– Но сейчас нет дождя. Сегодня замечательная теннисная погода.

– Послушайте, Хоук... Ньютон...

В это время зрители начали стучать ногами и спрашивать, когда же продолжится зрелище.

– Ну хорошо. Черт с вами. Подавайте.

В это время кто-то из зрителей потянул меня за руку.

– Это долго еще будет продолжаться?

– Похоже, что так.

– Тогда держите. – Он протянул мне банку с пивом. – Вам это необходимо.

Я хотел расцеловать его, но вместо этого запрокинул голову и глоток за глотком осушил банку. Боже, это было прекрасно. После этого я почувствовал себя лучше.

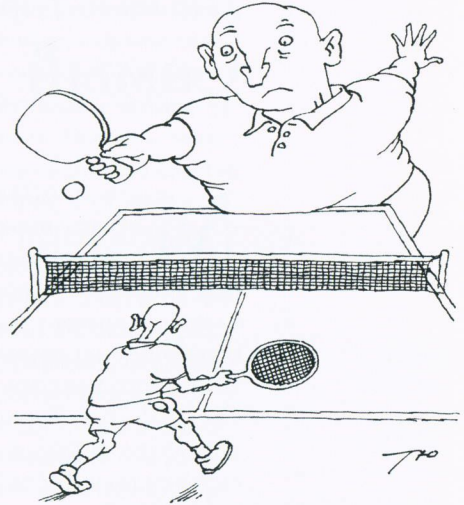
Действо стало развиваться уже без меня, хотя я хотел понять, что происходит на корте, хотя бы для того, чтобы знать результат. Игроки уже не могли двигаться. Их обувь была забита асфальтом, они постоянно скользили. Скоро я заметил, что их ракетки стали клейкими, а мячи вообще перестали подпрыгивать. Но в руках у меня оказалась новая банка с пивом, и поэтому все происходящее стало казаться мне даже забавным. В какой-то момент Ньютон не мог оторвать ногу

от поверхности корта и, рванувшись, упал – это выглядело как при замедленной съемке. Публике все это нравилось, так же как и Хоуку, который посмеивался над Ньютоном и самим собой.

Счет был 8:8, и Ньютон был опять на подаче. Мне уже было все равно, кто выиграет. Я начал понимать, что этот матч, как наказание Сизифа, никогда не кончится. Неважно, кто имеет преимущество, в следующем гейме опять будет равенство. Все мы прокляты. Мир приходит к своему концу, только никто не понимает этого. Мы находимся в Вечности, чтобы без конца смотреть битву между Ньютоном Слоком и Хоуком Уорблом под безжалостным солнцем, которое становится все более и более раскаленным, пока не высушит наш мозг до конца... Главный Судья, сидящий на небесах, останови этот матч, довольно!!!

И с этими безумными мыслями я пошатнулся, потерял сознание и упал лицом вниз на теннисный корт, который уже превратился в вязкий бассейн. Мои глаза были широко раскрыты, губы растянуты в бессмысленной улыбке.

Когда через несколько дней я окончательно пришел в себя после теплового удара, я увидел в еженедельной газете фотографию, на которой Хоук и Ньютон, улыбаясь как голливудские актеры,жимают друг другу руки и держат чек на тысячу долларов, который они приносят в дар загородному клубу и спортивному центру Акки-Хони, чтобы здесь были построены новые теннисные корты, чтобы жители города могли играть в теннис друг с другом и тратить свои с трудом заработанные деньги на покупку дорогих ракеток, носков, теннисок с крокодилчиками, цветных мячей и всего такого. Таков был итог этого матча на асфальте, в котором мне пришлось быть тренером, судьей и зрителем...

Сергей Тюмин.
Карикатура

Шамиль Тарпищев

САМЫЙ ДОЛГИЙ МАТЧ

Матч, о котором я собираюсь рассказать, продолжался девять часов пятнадцать минут и может по праву считаться самым долгим в мировом профессиональном теннисе. Но про книгу рекордов Гиннеса мы в те годы слышали краем уха, и посылать туда заявку – все равно что передавать во вражеский штаб родные секретные документы. Оттого наш рекорд и оказался незафиксированным.

1972 год. Турнир сильнейших теннисистов страны в Ташкенте. Я был в одной группе с Толей Волковым, в нее еще входили Костя Пугаев, Сергей Лихачев. Первый матч я выиграл у Лихачева, следующий предстоял с Волковым, после него была встреча с Пугаевым – круговая система.

С Толей мы вышли на корт в четыре часа дня. Жара на улице – за тридцать градусов, а у меня ангина. И нос, и горло – все заложено. У меня с детства горло слабое. А тут пекло целыми днями, что-то холодное выпил – вот и прихватило. Начали играть. Счет по сетам 2:1, я проигрывал, но в четвертом вел 5:2. На переходе попросил судью вызвать на корт врача, сказал, что не могу глотать и что он, может, даст мне какое-нибудь лекарство. Судья мне ответил: «Кагаловский (врач) – человек пожилой, ему тяжело идти к тебе на корт». Кстати, первый раз я попросил позвать врача при счете 4:1, через два гейма, когда стало 5:2, обратился уже повторно. Судья принимает необычное решение: «Тебе положено десять минут, ты сам сходи к врачу». Я ушел с корта, поскольку судья меня отпустил, вернулся, а мне засчитали поражение.

Я в шоке: «Как? Десять минут еще не прошли! Вы же сами меня отпустили! И мне же поражение!» Подошел к нам главный арбитр по фамилии Перетт и велел судье снять меня с соревнований. Я тут же написал заявление в тренер-

ский совет с просьбой разобраться в данной ситуации: знал, что прав на сто процентов. Началось долгое, как мне показалось, обсуждение на совете. И вот наконец его решение – доигрывать. Мы к тому времени уже отмучились четыре часа (тогда еще тай-брека не существовало). Время – около восьми, уже стемнело. Я с Толей всегда сражался долго, так как игра у нас обеих вязкая, с задней линии, с редкими выходами к сетке.

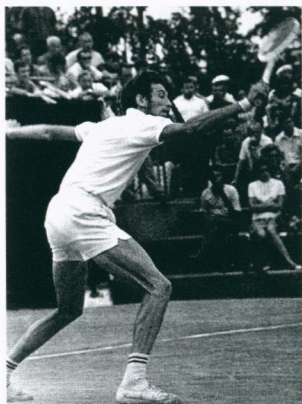
Тогда в теннисе царило полное бесправие, но все равно Семен Павлович Белиц-Гейман, руководитель советской Федерации тенниса, умудрился всех удивить. Волков играл с Лейусом на каком-то турнире, и шел натуральный, бесконечный кач. Семен Павлович подходит к судье и говорит: «Если будут продолжать качать, снимайте Лейуса с соревнований». Но они не смогли перестроиться – продолжали в том же духе. Лейуса дисквалифицировали. Такая вот спортивная борьба. Скандал, но отменить ничего нельзя. Белиц-Гейман придумал для детских соревнований такое правило: если ты «с лета» забил, то получаешь два очка. Со спортивной точки зрения – вещи несуразные, а с точки зрения советской волюнтаристической системы – нормально: раз решили формировать у теннисистов атакующий стиль игры, следовательно, для этого любые средства хороши...

Но вернемся в Ташкент. Так как тренерский совет прозадал до темноты, то объявили, что матч будет доигрываться на следующий день. Волков был против. «Нет, я доигрывать не согласен. Это лотерея. Начнем все сначала». Я не спорил. «Сначала так сначала».

На следующий день температура на улице была, наверное, еще выше, а я расклеился окончательно, но на корт вышел. Сперва мы отыграли плановые матчи: свободные дни не предусматривались, а в четыре встетились вновь. Толя выигрывает первый сет 7:5, второй 6:3 и ведет по геймам 3:1. Я стою и думаю: «Ради чего я все это затеял? Чтобы взять и пролететь? Нет, нельзя проигрывать». Вытаскиваю в свою пользу третий сет, в четвертом у меня снова, как и вчера, – 5:2. Рок! Такое нарочно не придумаешь. Играем дальше. Я

отбиваю мяч на его сторону, и Толя попадает по нему ободом. Я отбиваю второй раз, он снова играет ободом. Я бью третий раз, а он – мимо мяча. И говорит: «Я ничего не вижу». Я невольно завелся: сам же все устроил, потребовал играть сначала. Спрашиваю у него: «Там, в углу, мотоцикл стоит. Ты что, его не видишь?» – «Не вижу». Волков от перенапряжения ослеп!

А у меня у самого тоже круги перед глазами – зеленые, радужные... Я посмотрел на часы: без двенадцати минут восемь. По правилам в восемь часов из-за темноты матча переносятся на следующий день. Судья спустился с вышки. Тренер сборной Андреев объявил: «Матч вновь переносится на завтра». – «Почему на завтра? Время еще есть, сейчас без двенадцати минут восемь». – «Десять минут положено на врача. А за две минуты ты его не обыграешь». – «В таком состоянии? Он же подать не может. Я выиграл матч. Спросите у любого, кто победитель, если противник даже стоять не в состоянии, а не то что играть». Но Андреев был неумолим: «Матч переносится на завтра».

На корте
Шамиль
Тарпищев

Толя, когда прочел эту главу, попросил вставить, как его веселит, когда футбольный комментатор говорит о жаре и о том, как будет трудно игрокам во втором тайме после отдыха. Трудно бегать всего сорок пять минут. И это профессионалы! Мы же «пахали» под солнцем по четыре часа!

Картина получалась следующая: Толю увезли на «скорой», я, выходя на корт, весил семьдесят восемь килограммов – это мой боевой вес, а ушел с корта весом семьдесят один с половиной. Идти не мог – шатало. Добрел до раздевалки, упал на скамейку. Сколько лежал – не помню. Знаю, что делать этого нельзя, но включил холодную воду и встал под душ. Стоял минут двадцать, холодная вода или горячая – ничего не чувствовал. Ко мне кто-то пришел, сказал, что уезжает последний автобус в гостиницу. Я махнул рукой – мол, сам доберусь. В общем, я выполз из раздевалки где-то около

десяти вечера. Собирая вещи в таком состоянии, думал только об одном: «Куда бы сумку засунуть, чтобы сейчас не нести, а завтра взять из укромного места?» Но спрятать ее негде. Тогда я повесил сумку на ручку ракетки, а ее пристроил на плече, нести сумку в руке сил не было.

Вышел, смотрю: перед входом стоит «рафик», его водитель копается в двигателе. Я молча открыл дверцу, кинул сумку в салон и сам туда же упал. Но самое интересное – реакция водителя: он как возился в моторе, так и продолжал возиться, ничего мне не сказал. Я задремал. Но в голове звенело, как в пустом котле, любой шорох в ней отдавался, кровь пульсировала: бум-бум-бум. Водитель закрыл капот, спросил: «Куда ехать?» Еле ворочая языком, я ответил шепотом: «Три километра отсюда – дача Совмина». (Дача Совмина – это несколько домиков, двухэтажный корпус посередине и огромный сад, прямо в черте города.) Когда он меня довез, время уже подошло к одиннадцати. Девочки, сидящие внизу у входа на скамейке, спрашивают: «Как сыграли?» – «Не доиграли». И понимаю, что подняться на второй этаж сил нет. Мне от этого стало так неловко, что я тихонечко сел прямо на землю, прислонился к дому и ждал, пока все не разойдутся. Сажу и думаю: «Надо все же что-то попить, завтра же играть».

У меня произошло полное обезвоживание организма, плюс полное его истощение. В те времена нас уверяли, что пить воду во время игры или тренировки нельзя. Наши деятели всегда умели изобрести нечто такое, до чего в мире никто додуматься не мог. Я, наплевав на все эти предписания, всегда пил во время игры, сильно потел, но водный баланс быстро восстанавливался. Добрался до столовой – там у нас с Толиком столик на двоих. Смотрю – он ничего не ел. Я налил «Боржоми», но одной рукой не смог поднести стакан ко рту. Поднял его с трудом двумя руками, выпил. Руки дрожали, зубы стучали по стакану. Ужинать, конечно, не мог.

Сумку я оставил в столовой, а сам, держась за перила, побрел на второй этаж. Мы с Толиком жили, как всегда, в одном номере. Не включая света, с трудом добрался до кровати, лег

не раздеваясь. Хочу заснуть, но в комнате постоянно раздаётся какой-то стук, который очень меня раздражает. Я тихо спросил: «Толь, ты спишь?» Нет ответа. А стук продолжается. Понимая, что подступает психоз, я из последних сил поднялся, включил свет. Вижу – Толик лежит землисто-зеленого цвета, мышцы у него на лице даже не дрожат, а прыгают – самая настоящая судорога. А странный стук оттого, что верхняя челюсть бьет по нижней.

Возможности организма в критические минуты беспредельны. Не знаю, откуда в тот момент силы взялись, но меня как ветром вынесло! Сбежал вниз, постучал к врачу Кагаловскому: «Толя умирает». От моего стука все поднялись, ринулись вверх. А я остался один внизу. И снова, цепляясь за перила, еле-еле поднялся к себе на этаж. Так же с трудом опять лег на кровать.

Волкова оттирали горячей водой. Наконец все ушли. Я, так и не раздеваясь, пролежал всю ночь с закрытыми глазами: назвать сном это состояние было нельзя – так, вроде дремоты. Я чувствовал любой шорох, но голову повернуть не мог: глаза приоткрою – все качается.

Утром снова услышал постукивание. Посмотрел в окно – дождик. В дождь играть нельзя – значит, пауза. С кровати я встать не мог, спустил сперва ноги, потом сел, внутри меня все скрипит. Сижу и думаю: «Надо пробежаться, хоть кровь из носа. Может, вечером придется играть, так что необходимо разогнать такое состояние». Если пульс сто двадцать, то, когда через силу бежишь минут сорок, организм восстанавливается. Сорок минут тогда было не для меня, но минут двадцать пять я продержался.

А Толя так и лежал: он вообще не вставал. Дождь его спас. Если бы нас вызвали на корт, ему бы пришлось отказаться от встречи. После нашей доигровки мне предстояло выходить против Пугаева, а ему – против Лихачева, причем в тот же день. Но, к счастью, дождь шел целые сутки. И на следующий день – тоже. Я уже немножко оклемаюсь и предложил: «Толя, ты прав, что доигрывать пятый сет – это лотерея. Начнем все сначала». Пошел к Андрееву: «Сергей Серге-

евич, так как вы в аналогичной ситуации решили проводить матч по новой, то я считаю, что и теперь уже ничего не надо менять». – «Ничего подобного, будете доигрывать».

Но это была не единственная его подлянка. Дождь, дождь, дождь... Сидим в гостинице. Вдруг позвонил Андреев: «Ты играешь через полчаса». Приезжаю на стадион «Спартак», потому что на «Динамо» корты залиты, а здесь воду убрали. С трудом, но играть можно. Толя уже размялся, а мне Андреев разминаться не дает, кричит: «Ты опоздал. Сейчас поражение тебе запишем». Я не возмущаюсь – привык, все как всегда.

Мы начали играть. В четвертом сете я вел 5:2 и выиграл его. Счет 2:2. А в пятом, решающем, я сразу лечу 0:3. Все же я был посвежей, чем Волков, и с 0:3 делаю 5:3, но он отыгрывает гейм – 5:4. Моя подача – 40:0, он делает 40:40. Более пятнадцати минут я не мог последнее очко выиграть. Очередной матч-бол. Я подумал: «Если сейчас забью, то он уже никогда меня не победит, а если проиграю, то мне у него никогда в жизни не выиграть». Когда такая усталость, то в тебе может проявиться все что угодно. Первый мяч я неожиданно даже для себя и тем более для него подал снизу. Толя, не готовый к тому, что мяч будет такой «тухлый», как дал по нему – и в «середину забора». Другими словами, большой аут. Я победил.

В какой бы плохой форме я ни находился или в каком бы отличном состоянии ни был он, но после этого матча Волков действительно у меня больше ни разу не выигрывал.

Наш матч с Волковым продолжался не только девять часов пятнадцать минут, но и три дня. Никто в стране, а может, и в мире так долго на таком уровне (первая десятка страны) не играл.

*Друзья-соперники:
Анатолий Волков
и Шамиль
Тарпицев*

Вячеслав Шестаков

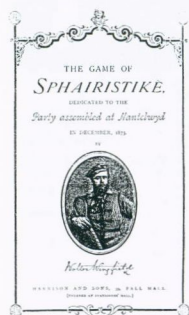
Жизнь и деяния майора Уолтера Уингфилда

Наверное, каждый, кто играет в теннис, знает, что эта игра родилась в Англии и ее изобретателем был майор Уолтер Уингфилд. Ну а кто не знает, может заглянуть в Американскую энциклопедию тенниса или на худой конец в нашу отечественную Азбуку тенниса. Там про все это написано...

Про майора Уингфилда я что-то где-то слышал, но до поры до времени мои знания о нем были самые общие и отвлеченные. Я знал о нем не больше, чем о других великих изобретателях, например Иване Кулибине или братьях Райтах. Ну был и был. А как он изобрел, кем он был, как человек, личность, наконец, что случилось с его изобретением, меня как-то не очень волновало. Но случаю было угодно, чтобы я познакомился с майором Уингфилдом поближе.

Это произошло несколько лет назад, когда вместе с женой я приехал в Кембридж по приглашению Черчилль-колледжа, основанного Уинстоном Черчиллем. С Черчиллем я тоже близко познакомился, потому что долгое время жил рядом с его архивом и время от времени посещал это замечательное учреждение, но это другая история.

Кембридж – необычное и ни на что не похожее место на всем земном шаре. Городом его не назовешь, потому что в самом его центре мирно пасутся коровы, а с другой стороны – это центр мировой науки, в особенности естествознания и техники. Бертран Рассел назвал его островом средневековья в океане современной цивилизации. Действительно, здесь

Обложка
описания правил
игры в теннис
Уолтера
Уингфилда.
1873

парадоксально сочетается прошлое и настоящее, средневековье, сохранившееся в готической архитектуре колледжей и студенческих традициях, и самая передовая наука. Этот город связан с именами мировых ученых и писателей – Ньютона, Дарвина, Виттгенштейна, Резерфорда, а из русских – Петра Капицы и Владимира Набокова. Кстати сказать, Набоков проучился в Кембридже три года и много времени посвятил здесь теннису, о чем он так ярко написал в стихотворной «Университетской поэме».

Кембридж издавна был теннисным городом. Каждый колледж, а их здесь около пятидесяти, имел свой крытый корт. Студенты посещали корты с большей охотой, чем университетские аудитории. Не случайно Франсуа Рабле рисовал следующий несколько шаржированный портрет студента:

Если ваши карманы набиты теннисными мячами,
В руках ракетка, на голове шляпа с полями,
В ногах – неумная жажда танцев,
 а в мозгах – сплошная вата,
Значит вы вполне созрели до степени доктора
 или кандидата.

От этого счастливого времени в Кембридже осталось название улицы «Теннис-корт», на которой, правда, не было уже ни одного корта, и огромный, двухзальный корпус так называемого риэл-тенниса, того тенниса, который существовал в Европе, начиная со Средних веков и кончая XIX веком, до возникновения лаун-тенниса.

Следуя традициям Владимира Набокова, я тоже с удовольствием посещал теннисные корты, как старинного, королевского, так и современного лаун-тенниса. В клубе «Кокс энд хэнс», что значит «Петушки и курочки» (это название тоже историческое, оно связано с тем временем, когда появились первые клубы, где мужчинам и женщинам разрешалось играть вместе), мне приходилось играть на изумрудно-зеленых травяных кортах, а в сумрачном, лишенном окон зале ри-

эл-тенниса знакомиться с правилами и техникой старинной игры в теннис, где ракетки имеют асимметричный вид, очень длинную ручку, а мячи набиты шерстью и обтянуты кожей. В общем, в Кембридже обнаруживаешь столкновение средневековья и современной цивилизации не только в науке или архитектуре, но и в теннисе. Здесь наглядно представлены две эпохи: первая, которая существовала шесть-семь веков назад, и вторая, связанная с именем майора Уингфилда и с самой популярной игрой двадцатого века.

Таким образом, изобретатель лаун-тенниса стал меня интересовать более пристально. И тут выяснилось, что родовое гнездо Уолтера Уингфилда, замок Уингфилдов, находится недалеко от Кембриджа, не более чем в ста милях, на границе двух соседних графств – Норфолк и Саффолк. Я решил посетить этот замок, чтобы воочию увидеть, как жили предки изобретателя тенниса. Но сначала мне пришлось обратиться к историческим и литературным источникам. Засев в библиотеке, я стал изучать биографические данные о майоре Уингфилде и его предках. И вот что я обнаружил.

Семья майора Уолтера Уингфилда владела старинным замком, построенным еще в 1362 году. Этот замок известен тем, что в нем длительное время провел Шарль Орлеанский, внук короля Франции, страстный теннисист, который был взят в плен англичанами в битве при Азинкуре.

Судьба Шарля Орлеанского достаточно трагична, она связана с большими жизненными конфликтами и переменами. Шарль принадлежал к знатному французскому роду, был племянником французского короля. Но после битвы при Азинкуре в 1415 году, описанной Шекспиром в трагедии «Генрих V», в которой, кстати сказать, речь тоже идет о теннисе, Шарль попадает в плен к англичанам и проводит значительную часть жизни в заключении в замке Уингфилдов. Здесь он находится с 1415 по 1440 год. 24 ноября 1439 года, празднуя свое сорокапятилетие, он пишет поэму о теннисе – первое известное нам поэтическое произведение, посвященное этой игре.

На теннисном корте жизни
Я сражаюсь с собственной Старостью.
Ставки в игре высоки, а счет сорок пять
означает финал игры.

Но я все еще увлечен ею,
И по-прежнему борюсь изо всех сил,
победить стараясь,
Вечного соперника – собственную Старость.

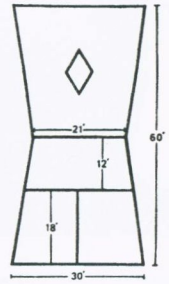
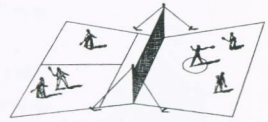
Но Старость ведет безжалостный бой,
Сводит к нулю все мои труды и усилия.
На ее стороне преимущество, она ведет в счете.
Удача сопутствует ей.

Мой партнер – надежда, с ней мы дружим,
победить стараясь,
Вечного соперника – собственную Старость.

Верю, на корте жизни успех будет мой.
И хотя сражение, несомненно, будет жестоким,
Я не сомневаюсь, что сокрушу, победить стараясь,
Вечного соперника – собственную Старость.

Несмотря на известный меланхолический настрой, поэма проникнута идеями и настроениями философского стоицизма. В ней человеческая жизнь изображается как теннисный матч, на котором человек героически сражается с собственным возрастом и судьбой. Так история сложно переплела битву при Азинкуре, судьбу Шарля Орлеанского и изобретателя лаун-тенниса Уолтера Уингфилда.

Предки майора Уингфилда занимали важные государственные посты, они были военными или дипломатами. Сэр Джон Уингфилд участвовал в сражении при Греци в 1346 году. Он умер в 1361 году и похоронен в церкви Св. Андрея, его скульптурное изображение до сих пор находится в этой церкви. При жизни он основал колледж, где его вдова и наследники при помощи влиятельной семьи де ла Пола в течение двух веков содержали частную школу. Когда король Ген-

Трапециевидный вариант корта, предложенный Уингфилдом

*Уолтер
Уингфилд –
молодой
драгунский
офицер*

рих VIII в 1520 году встречался во Франции с французским королем Франциском I, он представил ему семь рыцарей, пятеро из них были Уингфилды. Сэр Ричард Уингфилд был послом при французском дворе Шарля V. В середине XVI века Хамфри Уингфилд был спикером в палате общин. Другой член рода – Томас – был мэром Шрюсбери в 1640 году. В общем, семья была знатная и богатая.

Но в XIX веке род Уингфилдов пришел в упадок. Замок захирел, стены его заросли мхом и стали рушиться. Денег на ремонт и содержание замка не хватало. Поэтому замок был продан. Неизвестно, в каком году это случилось. Во всяком случае, молодой Уинг-

филд, который родился в 1833 году, воспитывался уже вне стен замка.

В соответствии с семейной традицией – его отец был офицером – молодой Уолтер Уингфилд посвятил себя военной карьере. Он вступил в полк драгунской гвардии, который квартировал в Ирландии. В 1855 году полк был послан в Крым, но Уингфилду воевать с русскими не пришлось, так как вскоре был заключен мир с Россией. После этого он был послан в Индию, где получил капитанское звание, а затем командовал кавалерийским полком в Китае. Военная служба, помимо воинских обязанностей, была связана с физическими упражнениями, ездой на лошади и спортивными играми. В 1861 году, выйдя в отставку, Уолтер Уингфилд вернулся в Англию, где поселился сначала в деревне, а затем в 1868 году переехал в Лондон. К этому времени его семья утратила бывшее благосостояние. Словом, бывшему майору пришлось искать побочные источники заработка. Он решил, что лучше всего для этого подходит спорт.

В Англии конца прошлого века спорт был чрезвычайно популярен, в особенности такие его виды, как крикет, футбол, регби, гребля. Сам Уингфилд в молодости играл во все виды игры в мяч и хорошо знал их правила. Большое распространение в то время получил бадминтон, вывезенный армейскими офицерами из Индии. Но беда заключалась в том, что

в эту игру нельзя было играть в ветреную погоду – легкий мячик легко уносился ветром.

Над идеей новой игры Уингфилд начал работать, как свидетельствуют его письма, в 1873 году. Уингфилд задался целью предложить такую игру, которая сочетала бы пафос спортивной борьбы с пребыванием на открытом воздухе, где могли бы соревноваться не только мужчины, но женщины и дети. Он объединил элементы различных игр, взяв сетку из бадминтона, мяч из другой игры, которая называлась «болл-файф», более легкий и мягкий, чем сегодняшний, систему счета из игры в ручной мяч. Совершенно новым оказался и трапециевидный корт, который обозначался на траве лентами. В результате получилась совершенно новая игра, которую Уингфилд назвал «Сферистике, или лаун-теннис». Слово «сферистике» он позаимствовал из древнегреческого языка, где так называли игру в мяч, а «лаун-теннис» означал игру на лужайке в противоположность «теннису на корте» или «риэл-теннису» (название последнего происходило не от слова «real» – настоящий, а, скорее всего, от слова «royal» – королевский).

В декабре 1873 года Уингфилд был в гостях у своего друга Томаса Наулера-Лейланда в его усадьбе в Уэльсе. Здесь он предложил гостям опробовать вновь изобретенную игру, и она всем понравилась. После этого надо было выпустить ее в мир. И предприимчивый майор быстро достиг успеха. Прежде всего он

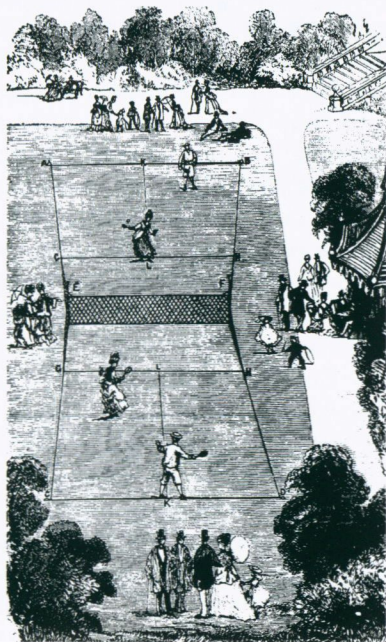

Рисунок теннисного корта в книге-инструкции о «Сферистике»

оформил патент на «новый и переносной корт для древней игры в теннис». Предложенный 23 февраля 1874 года, этот патент был зарегистрирован под номером 665 и был принят 22 августа. Стоимость его оформления была всего 25 фунтов. Вторым шагом было пустить игру в массовое обращение, сделать ее популярной. Обратившись к фирме «Френч энд компани», Уингфилд запустил в производство оборудование для новой игры. Деревянный ящик с надписью «Сферистике, или лаун-теннис» содержал стержни для крепления сетки, деревянный молоток для их забивания в землю, саму сетку шириной в один метр двадцать сантиметров, еще две боковых маленьких сетки, которые как бы отгораживали корт по длине, четыре ракетки, цветную веревку и ленту для разметки корта и даже щетку с длинной ручкой для сметания пыли с площадки. Корт был не прямоугольным, а трапециевидным, его ширина по сетке была 24 фута, а по линии подачи 30 футов. Так что задняя линия была больше, чем линия сетки. Уингфилд планировал площадку как два встроенных друг в друга треугольника, основания которых составляли задние линии площадки, а точки пересечения боковых сторон были местом для осевой линии и установки сетки. Ко всему этому прилагался буклет с инструкциями о том, как пользоваться оборудованием, и описанием правил игры. Книжечка эта содержала наглядные рисунки, изображающие игроков на корте. Такой ящик со всем оборудованием стоил пять гиней – довольно дорого по тем временам. (Сегодня этот ящик со всем его содержимым можно увидеть в Музее лаун-тенниса в Уимблдоне.)

Ящики с теннисным оборудованием довольно быстро были распроданы, и Уингфилду пришлось заказывать новую серию, по ходу дела модифицируя оборудование. Так, он отказался от боковых сеток и одновременно поднял цену до 6 гиней за ящик.

Игра получила широкое распространение как в аристократической среде, так и среди широкой публики. В течение первого года теннисное оборудование Уингфилда приобрели принц Уэльсский, прусская принцесса и многие предста-

вители английской знати. Все, предложенное Уингфилдом, было принято, за исключением названия «Сферистике», которое не привилось. Зато название «лаун-теннис» вошло в широкий обиход и практически существует и по сей день.

Появление новой игры, которая с быстротой эпидемии распространялась по стране, а затем и за границей, было оптимистически встречено прессой. В статье, опубликованной в «Коурт Джорнал», сообщалось, что «лаун-теннис» майора Уингфилда «представляет собою хитроумную адаптацию тенниса к современности. Теперь он будет лучшим времяпровождением для всей нации. В Англии не станет ни одного частного дома, ни одной отведенной для общественного пользования площадки, ни одной школьной территории без теннисного корта». Следует сказать, что это предсказание сбылось довольно скоро, быть может, даже раньше, чем предполагали предсказатели. Уже через два десятилетия корт для лаун-тенниса стал неотъемлемым элементом английского пейзажа.

Положительные статьи о новой игре появились в 1874 году также в «Армейской и флотской газете», а также в журнале «Зе Филд», издаваемой Джоном Уэлшем, который также сыграл значительную роль в развитии и распространении лаун-тенниса.

Но одновременно с восторженными статьями стали появляться и скептические голоса. Говорилось, что «открытие» Уингфилда вовсе не открытие, что в теннис на лужайке многие играли и до его лаун-тенниса. В этом отношении показательная статья, опубликованная в «Таймс». В ней неизвестный корреспондент писал: «Сферистике не является в действительности открытием, да к тому же это не оригинальная иг-

Каждому
по ракетке

ра. В Англии бить по мячу битой или просто рукой – это национальный инстинкт. Это можно назвать теннисом, но, скорее всего, это традиционная английская привычка... Когда майор Уингфилд предложил натянуть сетку на лужайке, поставить по обеим ее сторонам по игроку, снабдив их ракетками и резиновым мячом, все вообразили, что он изобрел теннис. Игра до смешного проста, и удивительно, что она не была изобретена задолго до Уингфилда».

Конечно, Уингфилд не изобрел ни одного нового элемента, взяв из разных других игр мяч, ракетки, сетку, систему подсчета очков. Но из всех этих элементов он создал нечто новое, чего не было до него. Обвинять Уингфилда в заимствовании уже известного – все равно что обвинять изобретателя машины в том, что он не сам изобрел колесо, а взял его в готовом виде. Несомненная заслуга Уингфилда состоит в том, что он вывел теннис из стен закрытых кортов на открытый воздух, что демократизировало игру, сделало ее доступной миллионам. К тому же он продумал игру в мельчайших подробностях, от правил счета до изготовления колышков для забивания стоек сетки. Игрокам не надо было

– Я придумал
это первым...
– Нет, не вы,
а я!

ничего изобретать, все было готово и хранилось на дне деревянных ящиков с таинственной надписью «Сферистике».

К сожалению, несмотря на огромные предпринимательские способности, майор Уингфилд большого богатства от тенниса не приобрел. Вслед за первоначальным бурным успехом наступил период спада. Пуб-

лика довольно быстро поняла, что нет необходимости платить шесть гиней за ящик с теннисным оборудованием, его можно сделать и самостоятельно без больших расходов. Поэтому спрос на оборудование вскоре упал.

К тому же появились конкуренты, также претендовавшие на изобретение лаун-тенниса. Еще в 1869 году адвокат Гарри Жерм и его бразильский приятель Аугурио Перейра экспериментировали с игрой в мяч на траве. Они назвали свою версию игры первоначально испанским словом «пелота», а позднее «лаун-рэкет». Для игры они использовали асимметричные ракетки из «риэл-тенниса», провисающую сетку, натянутую на высоких шестах, и систему подсчета очков до 15-ти.

В 1872 году Жерм и Перейра с двумя молодыми врачами Фредериком Хейнесом и Артуром Томкинсом основывают клуб в Лемингтон-Спа, в курортном городке, недалеко от Уорвика. Оба они переезжают сюда из Бирмингема, чтобы развивать и популяризировать новую игру. Считается, что клуб, основанный Жермом и Перерой на территории отеля «Мэнор хауз», является первым в мире клубом лаун-тенниса.

Когда Уингфилд объявил об изобретении новой игры, Жерм вступил с ним в полемику, доказывая свой приоритет в изобретении тенниса на траве. Сейчас трудно судить, кто из них и в чем был первым. Быть может, каждый шел своим путем к одной цели. Идея лаун-тенниса носилась в воздухе. К сожалению, Жерм умер рано, в 1881 году, а Перейра после этого покинул Лемингтон, и его следы затерялись. Так что клуб просуществовал недолго.

Ко всему этому перед Уингфилдом возникла другая, более серьезная опасность – поглощение его детища профессиональными клубами. В то время играми на траве в Англии ведал «Мэрилебон крикет-клуб» (Marylebone Cricket Club). Руководство клуба стало тревожиться, что новая игра приобрела такую популярность, что стала соперничать с крикетом. Тогда было решено принять теннис в число клубных игр, правда несколько изменив правила и понизив сетку.

23 июня 1868 года в Уимблдоне, в юго-западной части Лондона, был основан «Всеанглийский крокет-клуб» (All England Croquet Club). В то время это был заброшенный и далеко не престижный район лондонских окраин. С одной стороны он примыкал к железной дороге, где станция «Уимблдон» была построена в 1838 году. С другой стороны район огораживала пыльная и грязная Уорпл-роуд. В этом районе тогда жили главным образом железнодорожные рабочие и строители, которые получали не больше одного фунта в неделю. Именно здесь клуб арендовал пять акров земли, заплатив за три года ренты 225 фунтов.

Инициатором создания клуба был Джон Уэлш, редактор газеты «Филд». Основание клуба происходило в офисе его газеты на Стренде. Другим членом комитета клуба был сорокашестилетний доктор Генри Джонс по прозвищу Кавендиш, прекрасный спортсмен и инициативный человек. Третьим членом комитета нового клуба был историк тенниса Джулиан Маршалл, который взял на себя обязанности секретаря клуба. Он же возглавил подкомитет клуба, который занялся выработкой правил соревнований, которые клуб планировал провести в ближайшее время.

Клуб отказался от многих предложений, внесенных Уолтером Уингфилдом и принятых «Мэрилебон-клубом». В частности, он заменил счет до 15-ти счетом на 15, 30, 40, равенство и преимущество. Подкомитет решил играть на соревнованиях пятисетовые матчи, он предоставил возможность подающему иметь две попытки при подаче. Наконец, вместо трапециевидного корта члены комитета предложили прямоугольную форму площадки размером 78 на 27 футов. Сетка была провисающей, пять футов у стоек и чуть более трех футов в центре.

Таким образом, от предложений и правил, выработанных майором Уингфилдом, не осталось ничего, за исключением названия «лаун-теннис», высоты сетки и общей идеи игры на воздухе. Все это, на мой взгляд, не умаляет его заслуги как первооткрывателя игры. Однажды родившись, теннис начал самостоятельную жизнь.

Можно сожалеть, что руководство «Всеанглийского крокет клуба» отказалось сотрудничать с Уингфилдом и сделало все возможное, чтобы устранить его от вновь созданной игры. Изобретатель оказался совершенно в стороне, пассивно наблюдая, как другие люди собирают урожай с посеянных им семян.

Несмотря на то что игра, изобретенная Уингфилдом, была запатентована, с его патентом мало кто считался. Поэтому Уингфилд вынужден был пойти на встречу с руководством обоих клубов и принять все условия, которые они предлагали. Начиная с 1877 года контроль над правилами теннисной игры, проведением национальных соревнований перешел ко вновь созданному «Всеанглийскому клубу крокета и лаун-тенниса» (All England Croquet and Laun-Tennis Club). Этот клуб принял решение проводить национальное первенство в июле каждого года. Первое такое состязание, положившее начало знаменитым уимблдонским играм, состоялось на арендованной «Всеанглийским клубом» на Уорпл-роуд территории в Уимблдоне в 1877 году.

В 1883 году на его площадках был проведен первый международный матч, на котором братья Реншоу, Уильям и Эрнст, легко победили своих американских соперников – Кларенса и Джозефа Кларка из Филадельфии. Все это положило начало открытому международному первенству на кортах Уимблдона по теннису, которое длится вот уже более ста лет.

Так непритязательная игра на лужайке, изобретенная майором Уингфилдом, постепенно превратилась в одну из самых популярных спортивных игр не только в Англии, но и во всем мире. Английский лаун-теннис со скоростью чумной эпидемии стал распространяться по всему миру. В США теннис попал в деревянном ящике с надписью «Сферистике», это было теннисное оборудование Уолтера Уингфилда. Его купил для себя в Лондоне молодой американец из Бостона Уильям Апплетон. Но его друзья, братья Сирс – Ричард и Фред, и молодой доктор Джеймс Дуайт, опробовав новую игру, присвоили подарок себе и провели август

1874 года за игрой. Изобретение майора Уингфилда пришлось им по душе, и они развили бурную деятельность по популяризации тенниса в Америке. В скором времени в теннис стали играть не только в Бостоне, но и в Ньюпорте и Нью-Йорке.

Ящики Уолтера Уингфилда с огромной скоростью завоевывали Европу. Они попали во Францию, Германию, Россию и положили там начало развитию тенниса. Это еще одно доказательство его несомненного вклада в развитие лаун-тенниса.

До нас дошел портрет Уолтера Уингфилда, на котором он изображен с усами и бородкой, с деревянной ракеткой в

Σφαιριότικη
Major Wingfield

руках, в берете, в рубашке с короткими рукавами и шейным платком. По внешнему виду он напоминает скорее художника, чем отставного военного. В левом углу рисунка надпись «Σφαιριότικη» свидетельствует о попытке майора назвать теннис греческим словом. Уингфилд отдал изобретению и популяризации тенниса тридцать пять лет своей жизни – довольно большой

срок. Это изобретение не сделало его богатым, но зато оно создало ему заслуженную славу изобретателя одной из самых популярных спортивных игр двадцатого столетия.

Чем больше я знакомился с жизнью майора Уингфилда, тем большей симпатией и сочувствием к нему я проникался.

Несмотря на всю его предприимчивость, ему очень не везло в жизни. Обедневший потомок богатого аристократического рода, он наследовал только былую славу предков, богатство исчезло, а родовой замок был продан, и как оказалось, достался в собственность нуворишам. Пришлось искать другие способы заработать себе на жизнь. Он и изобрел теннис, игру на открытом воздухе, доступную всем мужчинам и женщинам, детям и взрослым, но его изобретение попало в чужие руки, а о нем как изобретателе никто не хотел вспоминать.

Майор Уингфилд умер в 1912 году в возрасте семидесяти восьми лет. Ему пришлось разделить участь изобретателей, чей вклад не был оценен по-настоящему при жизни. Лондонская газета «Таймс» в посмертной статье отмечала его принадлежность к знаменитой аристократической фамилии, его военные подвиги, но она ни словом не отметила его заслугу изобретателя лаун-тенниса.

Даже после смерти Уингфилда продолжается дискуссия о том, кто был первооткрывателем тенниса и какова заслуга майора в этой области. Например, Т. Тод, автор очень интересной книги о возникновении лаун-тенниса, считает, что его изобретателями были Гарри Жерм со своим испанским другом Аугурио Перейрой, а Уингфилду принадлежит только попытка коммерциализации тенниса. «Майор Уингфилд многократно объявлялся изобретателем лаун-тенниса. Однако он не является ни изобретателем игры, ни даже названия «лаун-теннис». Его «Сферистике» было слабым подобием той игры, которая игралась в 1877 году, когда предложенные им правила были совершенно изменены перед первым чемпионатом Уимблдона. Некоторые полагают, что патент Уингфилда на лаун-теннис был нарушен другими производителями спортивного инвентаря, но на самом деле майор никогда не имел патента на свою игру»*.

Мне представляется, что это мнение чересчур категорично и довольно спорно. Оно игнорирует совершенно очевидные факты, которые сегодня никто не подвергает сомне-

*Фотография
Уолтера
Уингфилда
в зрелом
возрасте*

* Todd T. The Tennis Players. From Pagan Rites to Strawberries and Cream. Guernsey. 1979. P. 5

нию. Быть может, Уингфилд не был единственным изобретателем лаун-тенниса, но это не умаляет его заслуг. Я полагаю, что при всех недостатках игры, предложенной Уингфилдом, современный теннис обязан ему тем, что он вывел его из узких стен крытых кортов и превратил из «игры королей» в спортивное занятие, доступное миллионам.

Вот такие сведения о жизни майора Уингфилда я добыл из разных литературных и документальных источников. Мне удалось найти пару статей о нем в различных теннисных сборниках. Теперь, вооружившись всеми этими знаниями, можно было совершать паломничество в замок Уингфилдов.

* Windt H. W. Major Walter Wingfield // Tales from the Tennis Court. An Anthology of Tennis Writings. Ed. by R. Evans. L. 1983.

В этом предприятии я не был первым. Американский журналист Герберт Уинд, написавший биографическую статью об Уингфилде*, побывал здесь в 70-х годах. Он обнаружил, что замок стал собственностью барона Эша. Барон жил жизнью сибарита. Окруженный челядью в двадцать пять человек, он интересовался только охотой и коллекционированием автомобилей.

Предприимчивый журналист попытался попасть в замок. Он дозволился по телефону из местного паба до барона, но тот выразил полное нежелание с кем-либо общаться. История Уолтера Уингфилда и изобретение тенниса его совершенно не интересовали и он выразил страшное неудовольствие прежними владельцами замка, из-за которых его покой нарушается чрезмерно любознательными паломниками. Герберт Уинд покинул поместье Уингфилдов, так ничего и не увидев, за исключением внешнего вида замка.

Я полагал, что через четверть века что-либо могло измениться, и решил попытать счастья, чтобы найти следы Уолтера Уингфилда в его семейном замке. С этой целью, ориентируясь по карте, я с кембриджскими друзьями направился на север графства Саффолк. Здесь, неподалеку от старинного городка Ай, известного своей замечательной церковью XIV века с живописью по дереву, я обнаружил деревеньку Уингфилд-грин. В центре ее – старинный замок Уингфилдов, густо окруженный деревьями и рвом с водой. На парад-

ных воротах красовалась надпись «Частная собственность» (Private), запрещающая посещение замка посторонними. Поэтому замок удалось увидеть только со стороны. Парадный вход представлен тремя арками, открывающими вход в замок. По углам здания стоят башни, стены замка украшены скульптурными головками. Особую художественную ценность представляют оригинальные печные трубы, украшающие крышу замка, о которых специально упоминает Николай Певзнер в своем путеводителе по Саффолку.

Был ли в замке теннисный корт, как об этом говорят некоторые исследователи, что в нем осталось в память о Шарле Орлеанском, который провел здесь четверть века, и сохранились ли следы Уолтера Уингфилда – обо всем этом можно лишь догадываться. Как я узнал у местных жителей, после смерти раздражительного барона Эша, замок принадлежал баронессе. Она открыла его для посетителей, и при ней многие соседи побывали в замке. Но после ее смерти замок переходил из рук в руки разным владельцам, пока он не стал собственностью семьи Линдон-Стэмфорд, которая ведет замкнутую и, как мне сказали, «очень частную жизнь», предпочитая не интересоваться памятью семьи Уингфилда и в особенности ее экстравагантным чле-

*Вид на замок
Уингфилдов*

ном, опустившимся до изобретения «лаун-тенниса». Хобби новых владельцев замка – национальная символика. Они занимаются тем, что вывешивают над замком флаги различных государств. В день моего посещения над замком реял флаг Новой Зеландии.

Поэтому тайна замка Уингфилдов так и осталась неразгаданной. Один из историков тенниса высказал предположение, что в замке изначально находился теннисный корт и Шарль Орлеанский написал свою поэму в день своего сорокапятилетия, находясь на корте. Естественно, что корт не сохранился до наших дней. Но, быть может, в замке есть место, которое прежде использовалось под корт. К сожалению, на этот счет нет никаких свидетельств очевидцев. Частная собственность охраняет замок не только от праздных посетителей, но и от истории.

Правда, за последние годы в деревне, примыкающей к замку, произошли значительные изменения. На деньги магната Сейнсбери, владеющего сетью продовольственных супермаркетов по всей Англии, в Уингфилде открыт центр искусств и частная художественная школа. Здесь местная молодежь изучает тайны изобразительного мастерства, а также здесь проводятся концерты классической музыки. Для этой цели реставрировано здание Старого колледжа (Old College), основанного сэром Джоном Уингфилдом в 1362 году. Огромный старый сарай, построенный в 1760 году, реставрирован и превращен в выставочный и концертный холл. Директор этого центра собирает материалы, связанные с богатой историей замка. Но о майоре Уингфилде, как он признался, знает мало.

Тщетно искал я могилу Уолтера Уингфилда на местном кладбище, близ старинного собора. На нем захоронено несколько Уингфилдов, но среди них не было изобретателя тенниса.

В поисках следов майора Уингфилда, я направился в Музей лаун-тенниса в Уимблдон. В музее выставлены бюст майора, ящики с оборудованием, с надписью «Сферистике». А в библиотеке музея я обнаружил книгу американского автора Джорджа Александра «Уингфилд», изданную в 1986 году*.

* Alexander G. Wingfield. Edwardian Gentleman. L. 1986.

Это настоящая энциклопедия об Уингфилде и его знатной семье. Из нее я узнал многое о жизни майора Уингфилда, о его военной карьере, о его изобретении «Сферистике», о его последних годах в Лондоне и даже о месте его могилы, которую я тщетно искал в Саффолке. Оказывается Уолтер Уингфилд захоронен под Лондоном. Его могила долгое время была заброшена и предана забвению, крест покосился, могила заросла травой. Но сейчас она приведена в порядок. И память об изобретателе лаун-тенниса сохраняется. В 80-х годах был создан клуб памяти Уолтера Уингфилда под председательством Стенли Маллиза. Этот клуб установил памятную табличку на доме 112 по Белгрейв-роуд, последней лондонской квартире Уингфилда. Этот клуб собирает и сохраняет все связанное с памятью об этом человеке.

Споры о том, кто изобрел теннис, продолжают и сегодня. Но совершенно ясно, что как бы ни был запутан этот вопрос, миллионы людей обязаны майору Уолтеру Уингфилду теми мгновениями вдохновения, подъема, разочарования и восторга, называемыми одним простым словом – теннис.

*Скульптура
Уингфилда
в Музее лаун-
тенниса
в Уимблдоне*

Юмор и
карикатура

Humor and
Caricature

Carpentier 81

Во время перерыва на лэнч в теннисном матче мой соперник-американец обратил внимание на мое удостоверение донора органов, которое я ношу в своем бумажнике. Я заметил, что моих детей изумило, что мои слишком поношенные детали могут еще пригодиться после моей смерти.

– А не могли бы вы оставить мне удар слева? – спросил американец.

*Джеймс Вуд,
Великобритания
«Ридерз Дайджест», 1997*

В.В. Дубов. Теннис. Карикатура. Ок. 1960

Мисс Мауг. Какой у нас счет?

Капитан Лавлайс. У них шесть, у нас лав (англ. «ноль», «любовь»), но, как вы знаете, лав ничего не значит.

Мисс Мауг. Неужели ничего?

*«Панч»,
сентябрь 1874*

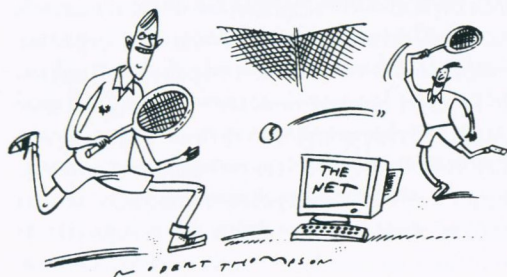
Использовать ракетку как сачок
Пришло на ум изящной этой даме,
Но кавалер от шалостей далек,
А что подходит вам – решайте сами.

Мария Зигмунд

Мария Зигмунд.
Карикатура.
1998

IF YOU WISH
TO REST
TENNIS IS
THE BEST

«Спейктетор». 1999

Муж засыпает у телевизора, по которому транслируется теннисный матч.

Жена будит его и говорит:

– Проснись, уже одиннадцать двенадцать.

– В чью пользу? – спрашивает муж.

Ринг Ларднер

Теннис по телеграфу

Эту идею подсказал мне мой сын Джонни, когда мы обедали после того, как был сыгран матч по теннису между западным и восточным регионом. Я заметил, что Винсет Ричардс победил Билла Джонстона в тяжелом поединке, а Джонни спросил, где проходил матч, и я ответил, что здесь, в Лонг-Айленде.

Джонни спросил, а был ли вчера Ричардс в Лонг-Айленде. В ответ я саркастически заметил: «О нет, он был в Сан-Франциско, и они играли по телеграфу, как иногда играют международные матчи по шахматам». Вот тогда-то я объяснил ему, как проводятся международные шахматные матчи по телеграфу, на что он сказал, а почему бы так не разыгрывать международные встречи по гольфу или теннису, по крайней мере спортсменам не придется мучиться с переездом туда и сюда.

Тогда я немного подумал и пришел к выводу, что, может быть, это неплохая идея. Зачем игрокам пересекать океан для товарищеских встреч, которые не приносят денежного выигрыша? Зачем, например, австралийской команде плыть в Америку, ведь это стоит им уйму денег, и все только для того, чтобы немного поупражняться? Но если они сыграют теннисный матч по телеграфу, им не придется страдать от морской болезни и тратить деньги, не знаю, сколько там стоит приплыть сюда из Австралии.

Предположим, например, что Тилден играет с Жеральдом Паттерсоном и Тилден подает первым. Почему бы ему не протелеграфировать Паттерсону, что он уже подал и его подача жутко сильная, отвечайте, что вы собираетесь делать, а Паттерсон бы послал в ответ телеграмму, что, мол, «ваша подача для меня вовсе не страшна. Я принял мяч и вернул его в левый дальний угол, так что вам будет невозможно достать

мяч». На что Тилден ответил бы: «Я отбил ваш мяч ударом слева по линии и поскольку вы находитесь близко к сетке, вы не сможете принять мой мяч». А Паттерсон ответил бы: «Это вам только кажется, что я не смог принять ваш мяч, а на самом деле я принял его и ответил таким феноменальным ударом, что вам понадобится неделя, чтобы принять его».

Тогда Тилден немного подождал бы и послал следующую телеграмму: «Не пришло и пяти дней со времени вашего последнего удара, но я принял мяч и послал через вашу голову такую высокую свечу, что сомневаюсь, что вы сможете принять мяч, для этого вам понадобится не ракетка, а дирижабль».

Паттерсон ответил бы следующее: «Получив вашу телеграмму, я купил дирижабль и принял свечу, причем я ударил мяч с такой силой, что уверен, что ваша ракетка разлетится, если вы попытаетесь принять его». Тилден на это ответил бы: «Я убедился, что ваш мяч мог разбить мою ракетку, потому что она довольно старая, на ее жилах много потертостей и разрывов, поэтому я купил новую ракетку и положил мяч в нескольких сантиметрах от задней линии, так что я очень сомневаюсь, чтобы кто-либо смог его принять».

В такой манере матч можно было бы продолжать бесконечно, и это был бы самый доступный матч, он бы не стоил так дорого, если бы Паттерсон приехал к нам играть в теннис, и к тому же нам не надо было бы сидеть и жариться на горячем солнце, чтобы наблюдать матч. Трудно сказать, были бы у Паттерсона шансы выиграть.

Олимпийские игры тоже следовало бы проводить таким же образом. Например, Хаббард из Мичигана соревновался бы в прыжках в длину с Лафайетом из Франции и Хаббард сделал бы первый прыжок и телеграфировал, что он прыгнул на 8 метров 20 сантиметров, попробуйте прыгнуть лучше. На что Лафайетт телеграфировал бы: «Не смешите меня, я прыгнул в первой же попытке на 8 метров 45 сантиметров». Они продолжали бы так до тех пор, пока рекорд не был бы побит.

Но еще лучше было бы играть по телеграфу в бридж, потому что тогда никто из игроков не смог бы заглядывать в карты друг другу.

А.А. Милн

УДАЧНЫЙ МЯЧ

Хотите играть в теннис? – спросила рассеянно моя хозяйка. – Очень хорошо. Позвольте познакомить вас с мисс ...ер...ум.

– О да, мы встречались, – сказала с улыбкой мисс, я опять забыл ее имя.

– Спасибо, – сказал я с благодарностью. Исключительно приятно, что она вспомнила меня. Кажется, во время танцев я облил ее лимонадом и этот случай крепко засел в ее памяти. Иногда случаются такие мелкие инциденты, сначала не обращаешь на них внимания, а потом выясняется...

– Мы выбираем эту сторону, – вдруг раздался голос.

Я обернулся и увидел таинственно появившихся двоих моих противников, и моя партнерша направилась к корту.

– Если вы не возражаете, я стану справа, – заявила она. – И давайте договоримся относительно извинений. Когда мы будем извиняться – после каждого удара, или после каждого

гейма, или когда мы будем прощаться, или вообще никогда? Мне надоело постоянно говорить им «извините».

– О, мы не должны извиняться. Я уверен, что мы с вами прекрасно сыграемся.

– Я надеюсь, вы много играли этим летом?

– Все нет, но я чувствую себя в хорошей форме и к тому же у меня новая ракетка. Так или иначе, я надеюсь, что мы неплохо с вами сыграемся.

В этот момент наш против-

Теннис.
Журнальная
карикатура.
1930

ник подал. Я должен сказать, что у него была чудовищно подкрученная подача. Первый его мяч отскакивает очень неожиданно и попадает моей партнерше в голову. («Простите», – сказала она извиняющимся тоном. «Все в порядке», – великодушно ответил я.) Следующую подачу я не принял, попав в сетку. Третья подача выбила из равновесия мою партнершу, а последняя проскользнула мимо меня. (Один–ноль.)

– Вы будете подавать? – спросила мисс, имя которой я так и не запомнил. Ее звали или Надежда или Милосердие, что-то в этом роде. Буду называть ее Надеждой. – Так вы будете подавать? – опять спросила мисс Надежда.

Я решил подавать американскую подачу, которая заключалась в том, что до самого последнего времени я не знал, какой стороной ракетки я ударю по мячу. Я заявил, что это будет мертвая подача, но мяч угодил за площадку, попав в цветочницу с очень красивыми цветами.

– Это и есть американская подача? – заинтересованным голосом спросила мисс Надежда.

– Южноамериканская, – объяснил я. – В Перу никто не пользуется никакой другой.

Затем я продемонстрировал элементарную подачу «смэш из Хэмпстеда», но мяч попал в сетку. После четырех хэмпстедских смэшей и четырех перуанских подарков (ноль–два) я почувствовал, что необходимо как-то объяснить мои неудачи.

– У меня новая ракетка, которой я никогда еще не пользовался, – сказал я. – Моя старая нуждалась в перенатяжке, и вчера я посетил магазин, чтобы обзавестись новой. Вам не кажется, что с новой ракеткой вы всегда немного, как бы это сказать?..

В третьем гейме, мы несколько раз перебили мяч через сетку, но мяч оказывался за задней ли-

Теннис.
Журнальная
карикатура.
1930

нией (три–ноль). В четвертом гейме мисс Надежда подала точно, тогда как я, по ее совету, занял позицию близко у сетки, чтобы отбивать мячи моей новой ракеткой. После двух ударов я заслужил аплодисменты (тридцать–ноль) и удачно увернулся от следующих трех (тридцать–сорок), но последний удар был слишком быстр, и я заработал шишку на лбу. (Ноль–четыре.)

– Спасибо, все в порядке, – утешил я свою партнершу. – Это не очень больно. Теперь давайте начнем все сначала и выиграем следующей гейм.

Мисс Надежда была замечательна в пятом гейме, но я так и не смог увеличить счет. Стараясь играть аккуратно, я был не в состоянии быстро завершать игру, так как обычно предпочитаю длительный и жесткий обмен мячами.

– Вы случайно не музыкант? – спросила в конце концов моя партнерша. (Пять–ноль.) Она оказалась слишком разговорчивой.

– Вы что, – ответил я с чувством, – хотите, чтобы я запел на корте? Вы не можете подождать до конца сета?

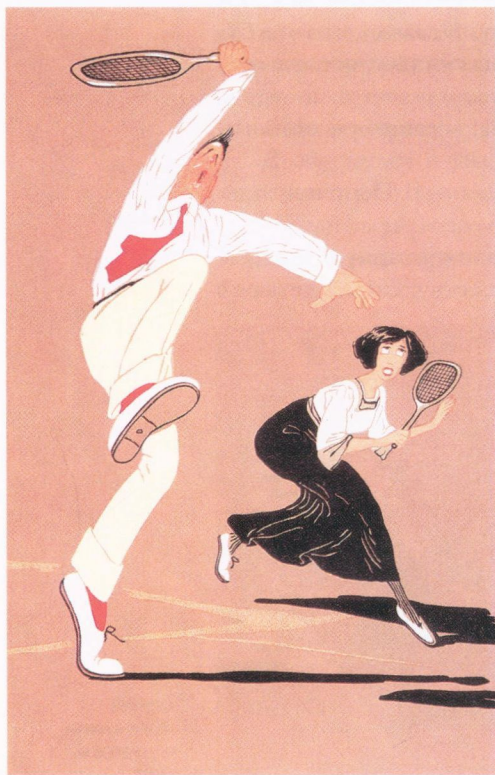
– Да что вы, я просто так спросила.

– Я отлично вас понимаю. Вы хотите сказать, что природа стремиться к компенсации и поэтому...

– О нет, я ничего подобного не имела в виду, – возразила мисс Надежда.

Но она имела в виду именно это. Не следует в середине матча просить человека запеть, в особенности если вы его плохо

Теннис.
Журнальная
карикатюра.
1930

знаете и ваше знакомство ограничивается пролитым на вас лимонадом. Конечно, я не был травмирован, но мои нервы были напряжены. Когда пришла пора подавать, я отказался от смэша из Хэмпстеда и от подач по-перуански. Вместо этого я подал две Пикадильских и две Уэстминстерских подачи. Пикадильская подача – это мое изобретение. Когда я подаю, навстречу должен подуть ветер. Вы подаете ее спиной к сетке, чтобы противники подумали, что вы вообще забыли об игре или же вы извиняетесь перед зрителями за ваши предыдущие неудачи. Вы же неожиданно резко поворачиваетесь и подаете. Когда ваш противник понимает, что вы подали, он полагает, что мяч не перелетел через сетку. Поэтому он заявляет: «Аут», а затем торопливо добавляет: «Извините, на самом деле это не аут». Это случается, когда подует ветер.

Вестминстерская подача теоретически то же самое, что и смэш из Хэмпстеда, но при этом мяч перелетает через сетку. Нужно быть в очень хорошей форме, чтобы подать ее.

Итак, мы выиграли этот гейм, и воодушевившись, взяли и второй. (Пять–два.) После этого мисс Надежда стала вновь подавать.

– Прощайте, – сказал я ей. – Я удаляюсь к сетке. Надеюсь, вы не против?

– Вовсе нет.

К сожалению, мисс Надежда подала только со второй подачи, но в ответ мы получили мяч, который следовало «убивать». Инстинктивно я почувствовал, что должен сделать это, и крепко схватил ракетку двумя руками. Но противник, который последние два гейма откровенно скучал, был настроен серьезно. Он удачно вышел на мой удар. В следующий момент я оказался на коленях перед сеткой, а затем увидел через сетку странную картину. Мой противник, бросив ракетку, схватился двумя руками за глаз.

– Вам не кажется, – заявила мисс Надежда (игра прервана при счете два–пять), – что ваш удар с лета немного жестковат?

Марина Филатова

Уроки семейного тенниса

Зачем женщине нужен муж? Чтобы покупать ей шубы? Дарить цветы? Воспитывать общих и необщих детей, ревновать к соседу или начальнику, защищать от распоясавшейся свекрови? Наверное. Но главное для мужа – учить жену играть в теннис. Если, конечно, он сам умеет.

Ее муж умел. Где он научился, она так и не смогла понять. Это было давно, в какой-то другой жизни, советской, застойной. Видно кто-то мог двигаться и тогда, скакать как угорелый, по закрытым для всенародного и общего посещения кортам.

«Но играл-то он наверняка в чем попало, – думала она. – Не было у него настоящих теннисных кроссовок, мячи его были серыми и блеклыми, а ракетки деревянными, несовершенными. Не мог инженер купить себе «Вилсон». Не мог. Да и женщины одеты были из рук вон плохо. Откуда чему взяться, и куда им до меня?..» Мысль эта согревала и радовала.

Но недолго. До его первой подачи. Мяч прыгнул прямо ей под ноги, неизвестно как и по каким законам. Она беспомощно развела руками.

Дальше – больше. Она топталась на месте, оглядывалась назад и спотыкалась и проклинала день, когда начался этот бесконечный кошмар под названием «уроки семейного тенниса».

Кто был инициатором безумства, она вспоминать не хотела. Все случилось как-то само собой. Вдруг страстно захотелось играть во что-то красивое, необычное и не всем доступное. Сам теннис, как игра или спорт, в новой мечте не присутствовал. Воображение было занято атрибутами игры и экипировкой. С-с-с ума сводила белая полоска с модной га-

лочной фирмы «Найк» на лбу и в пару к ней черная юбка с той же символикой. И ее последнее приобретение – юбка «Принц», такая ладная, прохладная и высокопрофессиональная, что после покупки стало ясно: обратной дороги нет. Впереди высокий звездный путь, по которому суждено пройти в ослепительных, как нетронутый белый снег, кроссовках (тех самых, которых у него никогда не было). «И не будет, – решила она. – Да, не будет, пока не начнет играть как Эверт, как Граф, как Сабатини. А уж она начнет быстро, и за кроссовками дело не станет... Кстати, для тенниса – тоже кроссовки или теннисовки? Может быть, теннисные тапочки? Да нет, теннисные туфли и тапочки были раньше. Теперь совсем другая одежда».

Одежда подкажет, красота придаст силы и уверенность разогнет ей спину. А ноги? Как хороши, как свежи будут ее ноги! Да, именно так, и никак иначе! Впереди замаячила вторая молодость. Вздохи восхищения и зависть подруг и незнакомцев и всех тех, кто будет проходить мимо корта и застывать в немом удивлении.

Французская
почтовая
открытка.
Нач. 20-х годов
XX века

Теодор Гејне.
Теннис для
замужества.
Журнал «Симпли-
циссимус».
1894

Первый день был похож на второй, и на третий, и на десятый. Всего только жалкие попытки достать до мяча или хотя бы притронуться к подлomu лимонному комку, упрямо летевшему вбок, мимо, над головой.

Месяц прошел быстро и безрезультатно. Кроссовки по-прежнему белели, как парус, галочка во лбу сияла черной космической звездой, ноги ныли, а руки опускались и болтались на ветру.

«Чучело гороховое», — злобно шептала она.

Но мяч потихоньку стал приручаться. Он уже перелетал через сетку и даже падал там, где ему было положено упасть. Первая робкая победа прошла незаметно. Муж терпеливо накидывал и молчал.

Тренировка прошла ровно. Она старательно била по мячу, и, как ей казалось, весьма удачно, и даже пару раз зацепила прямо в линию.

– Плохо...

– Почему опять плохо?

– Ты не делаешь шаг вперед.

– Как не делаю? Шагаю как Командор. Мне юбка мешает двигаться. Зачем я купила такую дрянь?

Вечером юбка ушла в чемодан. Вслед за ней полетела и полоска с черной галочкой. Голове стало легче.

– Дело начинает пахнуть профессионализмом, — одобрительно заметил муж.

Теперь она играла в старых, потрепанных шортах. Нельзя сказать, что шорты придавали ей умения, но появилось ощущение легкости и сосредоточенности на предмете.

Предметом был теннис.

– Давай, давай, – покрикивал муж. – Бей точнее. Сколько можно мазать. Все улетает.

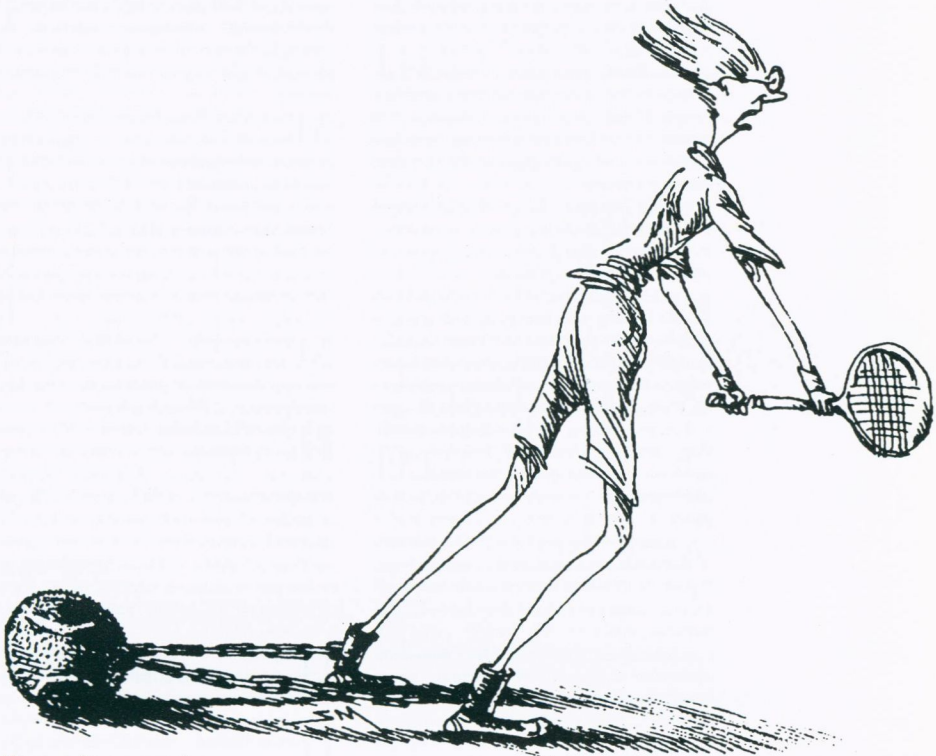
– Неправда! Мяч был в корте!

– Нет, дорогая. Мяч был «за». И очень далеко «за».

– Врешь, Иуда. Я найду свидетелей! Ты ответишь за издевательство над женщиной!

– Отменяю тренировки до конца лета.

С утра тренировались опять...

Михаил Златковский.
Карикатура

Бетчмен Джон (1906–1984) – английский поэт. Выпускник Оксфордского университета, молодой Бетчмен живо описывал идеалы молодежи 20-х годов, где спорт, и в частности теннис, занимали важное место в жизни среднего класса. Создал ироничный образ теннисной звезды – «тигрицы теннисного корта» («Олимпийская девушка»). В поэме «Мисс Хантер-Данн, мисс Хантер-Данн», получившей широкую известность, Бетчмен описывает любовную историю, связанную с теннисным матчем. Был сторонником сохранения старой архитектуры, принимал участие в работе по защите старинных памятников. Получил от королевы дворянское звание.

Вьё Теофи – французский поэт XVII века, который в духе куртуазной поэзии сравнивал теннисный счет с любовной игрой.

Катс Якоб – голландский поэт XVII века, автор аллегорических стихотворений. В 1632 году издает сборник стихотворений «Зеркало нового и древнего времени», в котором сравнивает любовь с игрой в теннис.

Кумин Максин – современный американский писатель, поэт и литературный критик, автор книг «За городом», «Новые избранные поэмы».

Куорлз Френсис – английский поэт XVII века, проповедовавший идеалы пуританства. В поэме «Образы божественные» (1632) описывает теннисный мяч, на котором Бог и Сатана сражаются на корте за человеческую душу. В другой поэме, «Сила побеждающая» (1624), Бог, используя теннисную терминологию, говорит: «Я с царствами играю, как с мячами. Одни я разрушаю, другие возвышаю».

Лампорт Фелиция – американская поэтесса, преподаватель университета Гарварда. В своей поэзии часто обращается к лирико-юмористическому описанию тенниса.

Ларднер Ринг (1885–1933) – американский журналист и писатель, автор коротких юмористических рассказов о спорте. С 1913 по 1919 год вел спортивный раздел в чикагской газете «Трибюн». Свою литературную деятельность

начал в 1916 году, напечатав сборник рассказов «Ты меня знаешь, Эл» о бейсболисте Джеке Кири. Его рассказы о спорте имели огромную популярность.

Мандельштам Осип (1891–1938) – русский поэт. Помимо лирической поэзии, написал гротескную пародию на Сталина, за что был сослан в лагерь, где и погиб. Молодой Мандельштам восторженно воспевал теннис как «дар богов» и творение английской изобретательности в стихотворениях «Теннис» (1913) и «Спорт» (1914).

Мэни Томас (1875–1955) – немецкий писатель, автор романов «Буденброки», «Волшебная гора», «Иосиф и его братья», лауреат Нобелевской премии по литературе (1929). В романе «Признание авантюриста Феликса Круля» описывает приключения молодого авантюриста, швейцара из отеля, который, выдав себя за аристократа, участвует в теннисном матче.

Милл Алэн Александер (1882–1956) – английский писатель и драматург, работал помощником издателя в сатирическом журнале «Панч». Получил известность как автор книги для детей «Винни Пух». Автор романа «Тайна Красного дома», сборников детских и юмористических рассказов. В приводимом рассказе дается юмористическое описание любительского теннисного матча.

Мозэм Сомерсет (1874–1965) – английский писатель и эссеист, автор известных романов «Луна и грош», «На лезвии бритвы», «Подводя итоги».

Нэбоков Владимир (1899–1977) – русско-американский писатель, автор повестей «Защита Лужина», «Дар», «Приглашение на казнь», «Лолита». В молодости, будучи в Германии и Англии, увлекался игрой в теннис. Оставил замечательные поэтические и прозаические описания тенниса, в частности, в «Университетской поэме» (1929) и в романе «Лолита» (1955).

Петри Пол – современный американский поэт, автор поэтического сборника «Свет из горнила», «Не видеть – значит верить».

Пичем Генри – английский пуританский поэт XVII века, автор поэмы

«Героические девизы». В стихотворной поэме «Британская Минерва» он использует теннис как метафору борьбы человека с судьбой и с божественным предопределением. Использование тенниса и введение его в теологическую и поэтическую лексику свидетельствует о широком распространении тенниса в Англии XVII века.

Соррелз Роберт – американский писатель, автор коротких рассказов в различных литературных журналах.

Стивен Д.К. – английский поэт. В 1891 году в журнале «Кембридж ревью» опубликовал стихотворную поэму, посвященную теннису, где сравнивает его с другими видами спорта, отдавая предпочтение «королю всех игр» – теннису.

Тарпищев Шамиль (р. 1948) – теннисист, тренер сборных команд СССР и России, президент Российской федерации тенниса, автор книг «Теннис, первые шаги», «Теннис. Как добиться успеха», «Самый долгий матч», «Азбука тенниса».

Теро Пол – американский писатель, автор книг о путешествиях и романов «Москитный берег», «Волшебник Милрой» и др. Рассказ «Теннисный корт», описывающий расизм на корте, опубликован в сборнике рассказов 1977 года.

Тидден Уильям – американский теннисист, в одиночном разряде семь раз выигрывал первенство США и три раза – Уимблдон. После завершения спортивной карьеры занимался журналистикой и писательским трудом. Ему принадлежит книга «Искусство лаун-тенниса», сборник рассказов «Драйв фантома» и другие рассказы о теннисе.

Уайт Э.Б. (р. 1899) – популярный американский писатель, поэт и эссеист, автор книг для детей. Получил Золотую медаль Американской академии искусства и литературы за художественную критику, а также президентскую медаль Мира.

Уидер Джордж (1588–1667) – английский барочный поэт, автор сочинения «Собрание эмблем, древних и современных» (1635).

Филатова Марина – российская журналистка, член Союза писателей, ав-

тор книги «Галстук на торшере» и коротких рассказов, опубликованных в различных художественных журналах.

Финк Гэри – современный американский писатель и поэт, автор поэтического сборника «Изобретательный ангел». Преполагает в университете английский язык; тренер по теннису.

Хаулетт Роберт – английский поэт XXVII века. В поэме «Теннис» (1696) в духе аллегорической поэзии барокко описывает теннисный матч, в котором принимают участие Любовь, Разум, Красота, Надежда. По его словам, «на теннисном корте любовь – смесь радости и боли».

Хиггинс Фрэнк – современный американский поэт. Написал стихотворение «Теннис в городе», посвященное знаменитому теннисисту Артуру Эшу.

Шекспир Уильям (1564–1616) – английский поэт и драматург. В своих пьесах часто (семь раз) упоминал теннис, широко употребляя сложную терминологию «риал-тенниса» – «сет», «чейс», «матч», «корт», «хаззард». В духе эпохи использовал теннис как метафору человеческой судьбы («Перикл»). Самое значительное рассуждение Шекспира о теннисе содержится в трагедии «Генрих V», где теннис сравнивается с военной битвой, с соревнованием, на котором разыгрывается корона и судьба страны. «Во Франции мы сет сыграем, и будет ставкою отпущ корона». Эта метафора повторяется и в «Короле Иоанне», где борьба за королевскую власть сравнивается с теннисным матчем.

Шестаков Вячеслав (р. 1935) – профессор, доктор философских наук, автор книг по эстетике, теории и истории искусства. Автор книги «История тенниса» (2000), а также статей в журнале «Теннис плюс» и «Теннис-Матчбол». Чемпион России по подводному спорту (1962).

Шоу Ирвин (1913–1984) – американский писатель, драматург и сценарист. Широко известны его романы «Молодые львы», «Богач, бедняк». Психологический рассказ «Смешанная пара» опубликован в сборнике «Пять декад» (1978).

Составитель *В.П. Шестаков*

В РАЮ МЫ БУДЕМ В МЯЧ ИГРАТЬ
Литературная антология тенниса

Директор издательства *Б.В. Орешин*

Зам. директора *Е.Д. Горжевская*

Зав. производством *Н.П. Романова*

Оригинал-макет *О.В. Христофоровой*

Корректор *Н.И. Маркелова*

ЛР № 065292 от 17.07.1997

Подписано в печать 15.07.02. Формат 60 × 84/16.

Бумага мелованная. Печать офсетная.

Гарнитура Garamond. Печ л. 12,0.

Тираж 2000 экз. Заказ № 2350

Издательство «Прогресс-Традиция»

119048, Москва, ул. Усачева, д. 29, корп. 9

Тел. 245-49-03, 245-53-95

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ГМП «Первая Образцовая типография»

Министерства РФ по делам печати,

телерадиовещания и средств массовых

коммуникаций. 113054, Москва, Валовая, 28

ISBN 5-89826-129-X

9 785898 261290

We Would Play Ball In Paradise

— — — — —
*A Literary Anthology
of Tennis*